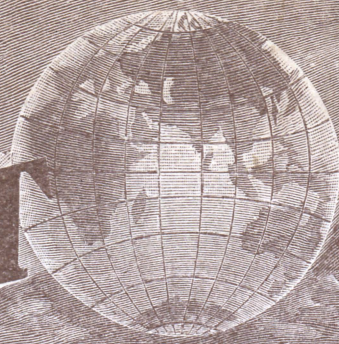

1946

СВЕТА

ВОКРУГ

№ 2

Наша Летопись

РУССКИЙ НА ОГНЕННОЙ ЗЕМЛЕ

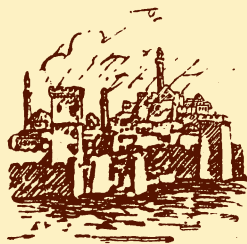
Полвека отделяет нас от того времени, когда ботаник Н. Альбов исследовал Огненную Землю. Он первый доказал, что флора южной оконечности Америки имеет связь с растительным миром Фольклендских островов.

Труды Н. Альбова не утратили своего значения до нашего времени. Русский ученый был одним из пионеров исследования антарктической флоры и истории ее развития.

Закончив поход по Огненной Земле в 1896 году, Н. Альбов через несколько месяцев умер в Монтевидео. Его сочинения были напечатаны в трудах Музея Лаплаты и в русских научных журналах.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МАЛОЙ АЗИИ

В 1846 году начал свои путешествия по Малой Азии знаменитый исследователь П. А. Чихачев. Он дважды прошел полуостров Малой Азии и совершил множество поездок внутри страны. П. А. Чихачев впоследствии написал большой труд о своих походах по Анатолии. Он рассказал о природных богатствах полуострова, о памятниках старины, о жизни и быте народов Малой Азии. Книга П. А. Чихачева — классический труд по географии малоазиатских стран.

ЛОВЕЦ МОРСКИХ ЗВЕЗД

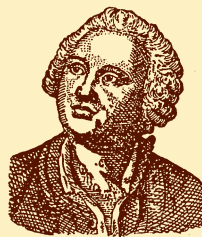

Знаменитый русский зоолог А. О. Ковалевский в 1871 году проводил свои исследования на берегах Красного моря. В селении Тор на Синайском полуострове он прослеживал стадии развития морской пятилучевой звезды, образующейся из одного луча, исследовал морских змей и др. Одно из животных Красного моря было названо А. О. Ковалевским в честь Ильи Мечникова. Семьдесят пять лет назад А. О. Ковалевский побывал также в Суэце, Яффе, Порт-Саиде и на острове Родос.

ПОСЛАНЦЫ М. В. ЛОМОНОСОВА

В 1771 году закончились работы экспедиции П. К. Креницына и М. Д. Левашева на севере Тихого океана. Они были начаты в 1764 году, причем М. В. Ломоносов лично составлял план этого похода. За семь лет экспедиция подробно исследовала Алеутские острова и полуостров Аляску, производила астрономические измерения и четырнадцать раз пересекла северо-западную часть американского материка. Петр Креницын погиб при возвращении на Камчатку.

175 лет назад М. Д. Левашев доставил в Петербург подробные карты, отчеты, описи, данные съемки и промеров, а также этнографические коллекции из Аляски и Алеутских островов.

В ЛЕСАХ БРАЗИЛИИ

Лейтенант флота Владимир Романов, известный впоследствии своими связями с Рылевым и другими декабристами, в 1821 году посетил Бразилию. Он принимал участие в плавании вокруг света на корабле «Кутузов» — из Кронштадта в Ново-Архангельск на Аляске. Из Рио-де-Жанейро Романов предпринял поездку в глубь Бразилии в составе научной экспедиции. Этим 125 лет назад было положено начало исследованию Бразилии русскими учеными. Стоит отметить, что только в наше время были найдены ценные документы по истории путешествий русских ученых в глубь бразильских девственных лесов — записки, карты, рисунки первых русских следопытов Бразилии.

1946

ВОКРУГ СВЕТА

№ 2

Журнал основан в 1861 году

февраль

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ,
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛИССИМУС СОВЕТСКОГО СОЮЗА И. В. СТАЛИН.

Край минеральных богатств

Председатель Президиума Казахского филиала Академии наук СССР,
депутат Верховного Совета СССР

К. И. САТПАЕВ

Широкие перспективы раскрыл перед советской наукой товарищ Сталин в своей речи перед избирателями Сталинского округа. Великий вождь поставил перед советскими учеными задачу не только догнать, но и «превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны». Огромную программу дальнейших преобразований предстоит выполнить советским людям, и очень многое в ее осуществлении зависит от нас, ученых.

За годы советской власти уже во многом изменилось лицо нашей родины, а в ближайшие пятилетия оно изменится еще сильнее. Быстро преобразуется и мой родимый Казахстан. И радостно сознавать, что в перестройке этого несказанно богатого, а еще недавно совсем отсталого края крупную роль сыграла советская наука и, в частности, казахские ученые.

Казахстан — вторая республика в Советском Союзе по размерам своей площади. Более 2,7 миллиона квадратных километров занимает территория Казахстана. Она равна территории таких государств, как Франция, Германия, Англия, Италия и Япония, вместе взятых.

Казахстан — страна великих природных контрастов. Здесь есть низменности, расположенные на десятки метров ниже уровня мирового океана, и высочайшие горные хребты, вершины которых покрыты вечными льдами. Пик Хан-Тенгри, абсолютной высотой 6 993 метра, относится к числу высочайших вершин мира. Север Казахстана столь же суров по климату, как Сибирь, а на жарком юге произрастают растения субтропиков. В Казахстане обширные пространства занимают пустыни, но страна располагает также огромными массивами плодородных земель, где выращиваются рекордные урожаи зерновых и технических культур. Территория Казахстана, как гигантский мост, связывает горные системы Алтая и Тянь-Шаня с Уральским хребтом.

Плодотворные исследования советских геологов привели к открытию в недрах Казахстана неисчислимых богатств. Казахстан справедливо называют «жемчужиной» и «кладовой» Советского Союза. Он занимает сейчас первое место в мире по запасам хрома и ванадия, первое место в Советском Союзе по запасам меди, свинца, цинка, серебра, кадмия, бериллия, а также многих видов минерального сырья.

В недрах Казахстана насчитывается более 70 миллиардов тонн твердых горючих ископаемых, большинство которых относится к каменным углям. Карагандинский бассейн стал третьей всесоюзной кокегаркой после Донбасса и Кузбасса, основной топливной базой предприятий, городов и железных дорог не только Казахстана, но и ряда мощных промышленных районов Среднего и Южного Урала.

Открыты и исследованы за советские годы многочисленные месторождения каменных и бурых углей, горючих сланцев, газов, лигнитов и торфов. По запасам твердых горючих ископаемых Казахстан занял третье место в Советском Союзе после РСФСР и Украины.

Больших результатов добился Казахстан и в деле выявления жидкого топлива — нефти. По запасам нефти Казахстан — на третьем месте в Советском Союзе после Азербайджана и РСФСР.

Наша республика занимает первое место в СССР по цветным металлам.

Крупнейшим месторождением меди не только в Казахстане, но и в СССР является Джекказган. Это одно из первых месторождений меди в мире, уступающее по запасам медной руды только знаменитому месторождению Чуквикамата в Южной Америке. В рудах Джекказгана, кроме меди, содержится серебро, свинец и молибден. Большими запасами меди располагает и Коунрад — рудная база мощного Балхашского завода. В пределах Алтая разрабатываются месторождения олова, меди, свинца, цинка, железа, а также важных редких металлов. На базе огромных и многогранных горных богатств Алтая уже работают новые рудники и заводы.

На свинцовых рудах месторождений Южного Казахстана, открытых и исследованных в советские годы, работает сейчас крупнейший в Европе и СССР Чимкентский свинцовый завод.

Никель и хром в Западном Казахстане, богатые месторождения молибдена в Центральном Казахстане открыты и исследованы при советской власти.

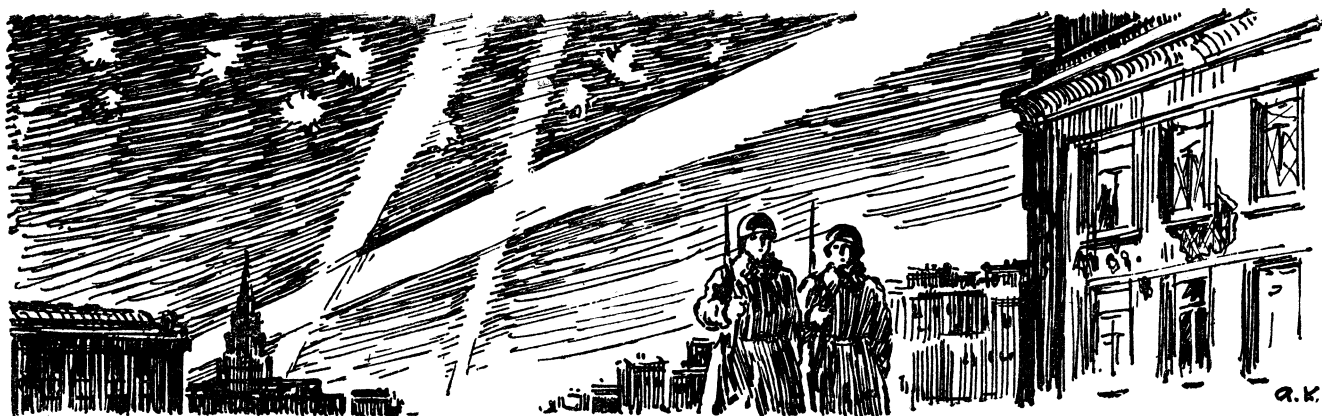
На Казахстан приходится большая часть наших запасов серебра и значительная часть запасов золота.

В советское время в Казахстане был найден марганец; на нем во время войны работал Магнитогорский металлургический комбинат, когда страна временно лишилась марганцевых руд Никополя. Разведанные за советские годы крупные запасы железных руд явились основной базой для металлургических заводов не только Казахстана, но и Узбекской республики.

Таков краткий перечень богатых ресурсов недр Казахстана. Даже по этим неполным данным читатель может судить о грандиозном размахе индустриализации советского Казахстана. Более четырех пятых свинца, половины цинка, двух третей молибдена, двух пятых меди, добываемых в Советском Союзе, приходится на Казахстан, мощную индустриально-аграрную советскую социалистическую республику.

Упорного труда, большого напряжения сил требует страна от казахских ученых. Нужно лучше и глубже изучать уже известные месторождения и находить новые. Нужно подвести минеральную базу под новые заводы, которые будут создаваться в Казахстане и потребуют немало угля, нефти, руд, железа, цветных и редких металлов. Мы, ученые Казахстана, сделаем все, чтобы выполнить волю Сталина, волю народа. В этом великом деле служения народу средствами науки я чувствую особую ответственность: ведь народ назвал меня депутатом, а депутат — это слуга народа.

ВЕСЕННИЕ ГОЛОСА

ОСИП ЧЕРНЫЙ

Рассказ

Рисунки лауреата Сталинской премии
А. Нокоренина

Панюшкин воспитывал сына в строгости. Время от времени до нас доносились сверху его поучения. Слышны были слезы и жалобы мальчика. Отец любил выказывать свою власть. Это не мешало ему, впрочем, дружно плясать в паре с сыном. Он был танцором отчаянным и отличался жизнелюбием, неугомонностью и апломбом.

В неделю раз, а то и два, Панюшкин устраивал вечеринки. Над нами бурно двигали стулья, топало много ног и играл баян. Все завершала пляска хозяина. Когда Панюшкин выбивал ногами легкую дробь, потолок сотрясался. Висячая лампа качалась из стороны в сторону, как во время землетрясения.

Жена его была, наоборот, женщиной скромной. В часы, когда муж и сын не плясали и вокруг не гремело все, Анна Архиповна шила. Уже много позже, когда все оборвалось и нас понес ураган, я вспоминал глухой стук швейной машины, доносившийся через потолок, как воплощение утраченной жизни.

Панюшкина мы видели часто. Забегая к нам позвонить, он любил давать советы: как замазывать окна, как проводить антенну, как настаивать водку. Он судил обо всем — о турнирах, ценах, литературе.

Мы терпели его за жизнелюбие. Неугомонность заставляла его вести себя так, как будто, заведя складом, он ведает и всеми нашими вкусами. Мы прощали ему эту черту. На расстоянии и Панюшкин вспоминался мне как милая разновидность жизни, которой не стало.

В июле сорок первого года жизнь в нашем доме сломалась. Многие ушли в ополчение. Все изменилось...

В конце октября я попал в Москву. Был поздний час. Воздушная тревога кончилась, но улицы были мертвы. Меня привез на машине Андрей Белявский. Мы встретились с ним вблизи переднего края на Варшавском шоссе. Каждый вечер он привозил с разных участков московского фронта новые материалы, а на следующий день уезжал снова. Из спортивного радиокорментатора он стал военным корреспондентом, со-

хранив при этом прежнюю свою хватку и точный глаз. Искус спортивной борьбы подготовил его к наблюдению той драмы жизни, в которой участвовали все в те дни.

Я встретил его километрах в пятнадцати западнее Ясенок. Небо было в тот день чистым, а закат огненно-свежим. Без конца налетали немецкие самолеты.

Белявский сказал мне:

— Чертовски сложное положение, но деремся отлично. Вот зенитчики бесподобные, пройдите к ним. Танкисты здорово бились.

Я прошел к зенитчикам, побывал у танкистов. Машина Белявского стояла в лесочке, напоминая мне о Москве. Я побывал у разведчиков, и когда вернулся, машина еще стояла.

— Острейшее положение, — сказал Белявский, вернувшийся вслед за мной. — Противник рвется к воротам Москвы.

— Как вам представляются перспективы? — спросил я.

Он знал больше меня, потому что бывал в те дни повсюду.

— После первого тайма начнем второй. Драться будем в третьем, четвертом, пятом. Пока счет в пользу противника.

Я давно уже мечтал о Москве и имел разрешение начальника провести там полдня. Белявский приехал только что с ее улиц. Мне казалось, что шинель его, как у человека с мороза, полна свежего воздуха.

— Возьмете меня с собой?

Белявский приехал сюда не один — с другим корреспондентом. И оба сказали не задумываясь:

— Садитесь.

Шофер достал из-под сиденья ручку и пошел заводить мотор.

Уже было темно. Машина долгое время пробиралась в тугом потоке. За Ясенками она вырвалась на простор пустынной дороги и понеслась. Нам были видны густые вспышки московской тревоги.

Всю дорогу Белявский с остротой спортсмена и точностью искусственного наблюдателя рассказывал о боях. Другой спутник молчал. Это был молодой человек, писавший рассказы и недавно приехавший из Сибири в Москву. Жизнь его оказалась короткой. Через год, как мне потом рассказали, он был убит.

Мы незаметно въехали в город. Весь путь казался мне продолжением фронта; я не успел разглядеть, где начались большие дома, похожие на утесы. Сначала я решил было, что это Подольск. Но это Москва неслась нам навстречу, искаженная темнотой и молчанием. Я не узнал ее улиц. Посреди Остоженки, возле дома, где мне когда-то мелькал родной огонек, я простился со своими спутниками.

Машина Белявского скрылась вдали. Я остался один, сознавая тревожно, что Москва совершенно другая.

Подъезд был не заперт, я вошел. На звонок не отозвались. Я позвонил еще раз, затем в третий, потом прижал кнопку рукой. Звонок отдавался в тишине гулко, но вскоре охрип, а потом совсем задохнулся. Я стал рвать дверь, стучать в нее кулаками. Она вздрагивала под моими ударами, но стоило ее оставить, как она опять становилась безжизненной.

Анна Архиповна открыла мне дверь...

Был двенадцатый час, когда я вышел на улицу. Тревога не возобновлялась. Я стал пробираться к себе и по дороге не встретил никого, кроме патруля.

Наш дом, похожий на крепость, оказался таким же безжизненным.

На лестнице было глухо, горел заупокойный синий свет. Подымаясь по лестнице, я разглядел застывший между этажами лифт.

Повторилось то же: я звонил и стучал. Никто не вышел.

Итти в третье место было поздно. Я решил провести ночь на лестнице. Место на полу в хате в Ясенках теперь мне казалось раем. Но на лестнице было тепло, а я за день устал. Я снял с себя винтовку и сел; тут, закрыв глаза, я услышал сверху дробный стук швейной машины. Во мне пробудились надежды. Гремя, я побегал наверх и постучал.

— Кто там? — раздался за дверью голос.

Это была Панюшкина.

— Я, Анна Архиповна, свой: пустите.

Она открыла. Свет в прихожей показался мне после долгих ночей темноты очень ярким; как в мирное время, в трубе на кухне шумела вода. Квартира была совсем как наша, но я стоял в ней, как скованный.

— Никого у вас нет, все уехали, — сказала Анна Архиповна.

Я вошел в ее комнату, как был — с винтовкой, в каске, с огромным, разбухшим чорт знает от чего противоголомом. В те дни я вооружился против немцев, как никогда.

Воспоминания возвращались откуда-то издалека.

— А Коля ваш где?

— Учеником поступил на военный завод.

— Вот он как вырос! — заметил я.

— Рабочую карточку получает.

В ее голосе были и горечь и гордость. Время, когда Колю наказывали, показалось далеким. Я потерял ощущение времени, и война словно длилась очень давно.

В комнате все казалось чужим, только Анна Архиповна была человеком одной со мной печали.

— Прямо бы сюда постучали, а то шьешь-шьешь и не слышишь, кто ходит.

На полу и стульях лежали маскировочные халаты, которые она шила. Между стеной и шкафом стояла большая кровать.

— Полковник какой-то поставил, — объяснила Анна Архиповна. — Попросился к нам квартировать.

В доме, который когда-то был моим, теперь жили такие же люди, как мы все в Ясенках, Подольске и на всех дорогах войны.

— Кровать прислал, а сам больше не являлся. Наверно, отправили дальше. Вы на нее ложитесь.

Она не стала больше шить и, потушив свет, дала мне возможность устроиться. Я отвык от постели. Армейское байковое одеяло смутило меня, но я не разделся: я поставил в угол винтовку, снял с головы каску и, как был — в сапогах, шинели и варежках, прилег на кровать. Все мне казалось печальным, и за окнами, стояло вслушаться, начиналась безлюдная глухота. Я ощущал

В гуле и реве английских трибун, как в-венце, донесся голос Белявского...

снова фронт. Началась стрельба зениток: она шла ярусами, и волны ее, подымаясь, набегали одна на другую.

Это был не тот город, в котором жил я прежде. Готовый к отпору, он был каменно-молчаливым. Я поднял воротник шинели, натянул, как мог, и закрыл глаза.

Анна Архиповна спала еще, когда я ушел. На улице рассветало. Я увидел, что дом наш обложен мешками и все витрины заделаны. Он казался незрячим и был похож на грузовое судно, затертое льдами. Нашу улицу перегораживала стена ежей.

Полдня я искал друзей по городу и никого не нашел. Я входил в троллейбус в своей каске, с винтовкой и туго набитым противогазом. На меня смотрели с ожиданием и тревогой, словно всем хотелось о чем-то меня спросить.

Я увез с собой ощущение настороженной, строгой и малолюдной жизни. На машине Белявского добрался к себе. Подъезжая к Подольску, мы увидели горевшее здание военкомата, в которое попала бомба. Улицы были запружены. Мы вернулись в страну регулировщиков. Грохот и деятельность не оставили места для горести.

В следующий раз я попал в Москву не скоро. Она оставалась такой же: темной. Даже отодвинув фронт от себя, она сохранила гордую настороженность. На лицах лежали тени усталости.

Белявского я не встретил. Он ринулся дальше. Где-то под Воронежем, мне говорили, он был ранен. От Анны Архиповны я узнал, что и Коля ушел. Разве что по таким фактам можно было заметить, как несется время. Лицо у Анны Архиповны было усталое. Она постарела.

— От мужа нет ничего?

— Нет, — сказала она, слабо махнув рукой.

Где-то далеко за Вязмой или за Смоленском я вообразил себе смертный лагерь, где, может быть, страдал сейчас ее муж.

...Я встретил Белявского в Харькове летом сорок третьего года, на другой день после освобождения города. Он выбежал из военной столовой, и в дверях мы столкнулись с ним. Он был такой же стремительный, словно бежал за мячом. Драма войны отодвинулась от ворот столицы. Волна нашего наступления прошла уже

Харьков и двигалась дальше. Андрей Белявский шел вместе с ней.

— Как теперь возите материалы? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Из-под Ясенок это было проще?

Глаза его прищурились, и тут я впервые заметил, что ранение сделало их разными. Но расспрашивать было не время.

— Следующая встреча — во Львове?

— Отчего же — в Берлине, — сказал он.

Не знаю, попал ли он туда. Мне не пришлось. В сорок четвертом году я вернулся в Москву. Фонари на улицах горели еще не в полную силу, но голоса старой жизни медленно возрождались. Даже усталость на лицах казалась меньшей.

Семья возвратилась, и жизнь вернулась в нашу квартиру. Дочь от своих четырех лет ушла далеко, и я постепенно к ней привыкал.

Спустя несколько времени над нашими головами слышались шум и движение.

— Знаешь, кто это? — спросила дочь. — Коля танцует.

В своей временной уединенности я забыл о нем справиться.

— Когда же он вернулся?

Жена сказала:

— Его в руку ранили, он — инвалид.

Я взглянул на лампу: нет, это был не прежний танец, полный безудержной удалости.

— Прежнему не вернуться, — сказал я жене.

Через несколько дней я встретил Колю на лестнице. Он бежал навстречу мне, скользя рукой по перилам. У него был вызывающе оживленный вид, и если бы не тот разговор, я ничего не заметил бы.

— Здравствуй, как дела? — сказал он поравнявшись.

Из подростка он стал юношей. Он чем-то походил на отца — и апломбом и жизнелюбием, но и то и другое носило смягченный характер. Может быть, потому, что овал лица был у Коли мягкий и глаза с небольшой синевой.

Не зная, что ответить, я сказал, что дела мои хороши.

— Как рука? — спросил я, чувствуя в нем товарища.

Он засучил рукав и показал небольшое утоньшение кисти.

— А я стихи стал писать, знаете? Можно вам показать?

— Можно.

— Я сейчас сбегаю. — Он повернулся, готовый броситься наверх.

— Лучше в другой раз.

В глазах Коли выразилось сожаление: то, что я лишен любопытства, удивило его.

— Когда же принести?

— Дня через два.

Взгляд Коли угас.

— А вы чего пишете?

— Да так... прозу пишу.

— Тоже дело хорошее. Ну, стихи лучше. Коротко можно все выразить — и про любовь и про родину. Вот я вам покажу. Можно сбежать?

— Лучше послезавтра, — сказал я.

Он явился точно в назначенный час. Галя, моя дочь, встретила его криками и повисла у него на шее, Коля, воспитанный человек, осторожно снял ее с рук и поставил на пол.

— Изящная девочка, — заметил он, желая сказать нам приятное. — Ножки для танца подходят.

— Нет, ты танцуешь лучше, — заявила она.

Ей не терпелось, пока он показывал мне стихи. Она потребовала, чтоб он поплясал. Коля показал одно-два упражнения: ноги его задвигались в очень быстром, удивившем нас темпе.

Я еще был оглушен войной. Рядом с ней я не мог ничего поставить — все казалось карикатурно малым. Стихи свои Коля унес исчерканными. Он заявил, что через неделю явится с новыми.

Опять согрелся наш потолок и лампа качалась из стороны в сторону. Вслушиваясь, я спрашивал себя, старое ли вернулось или начинается что-то другое. Жизнь Коли расцветала все больше. На районном соревновании он занял первое место по пляске. Стихи его делались мало-помалу лучше, но истинный дар его заключался в танце.

Об испытаниях войны он в разговорах со мною никогда не вспоминал. Уже горели яркие фонари, и улицы молодели. Лифт у нас еще не гудел, но, выведенный из тяжелой дремоты, спустился вниз. Снова голос Белявского зазвучал в эфире.

— С футбола отчет кто дает — слышали? — сказал Коля, прибежав как-то к нам.

Мы включили радио. Я сразу узнал хрипловатый, низкий, решительный голос. Я не спортсмен, но и тут видны были те же возраставшие силы жизни. Снова тысячи глаз следили за мячом, и Белявский стоял на прежнем посту. Свежие голоса пробивались все громче. Они гремели в раскрытые окна квартиры. По вечерам нам были видны огни Москвы.

Однажды вечером вбежал запыхавшийся Коля.

— Слушайте Лондон! — крикнул он. — Матч будут передавать!

Галя кинулась к радио. Ей было не достать. Она взобралась на стул и, чуть было не упав, приладила вилку.

В гуле и реве английских трибун, как в венце, доходил до нас голос Белявского. Давно знакомый мяч носился над лондонским полем. Я увидел блестящие глаза Гали. К судьбе мяча были прикованы все.

Андрей Белявский слал в эфир репортаж — хрипло, густо, с напряженностью в голосе:

— Положение осложнилось... Сейчас будет корнер... Корнер в наши ворота... Бьют со штрафной площадки... Сложное положение, товарищи.

Мы стояли не двигаясь. Даже дочь совершила редкий подвиг молчания.

— Молодец, Хомич! — услышали мы.

Снова удар. Замершее поле. Мы ждали.

— Ай, Хомич! Ну и прыжок!

Снова рев и гуденье, и голос, несшийся в них, как перегруженный самолет в облаках.

Шаг за шагом мы следовали за схваткой, вырисовывавшейся все вернее. В биноклярном удалении был виден пройденный нами путь.

Тут Белявский сказал:

— Бить нужно, бить!.. Сюю же секунду, ну!..

Его напряжение неслось в эфире, распространяясь по всей стране. Молчание. Странный гул голосов. Голос Белявского:

— Москва, Харьков, Владивосток — вы меня слышите? Поцелуйте Боброва. Счет в пользу «Динамо» два-один!

Дочь моя, закричав «ура», кинулась Коле на шею.

— Поцелуйте его! — повторяла она. — Два-один! Ура!

— Тише, Галя, — сказал я.

Она начала носиться по комнате. Сначала завертелась одна, но ей было этого мало: она схватила за руки Колю. Чутье подсказало ему, что нужно ей уступить. Он понял в ней этот взрыв чувств.

Он сделал с ней шаг, другой. Потом посмотрел в нашу сторону, и застенчивость покинула его. Деликатно оставив девочку возле шкафа, он стал танцевать один. То, что мы до сих пор слышали, что доходило через потолок, предстало теперь в бурном движении. Это была пляска отчаянная, виртуозная. Она состояла из мелких точных движений и широких скачков. Насколько позволяли размеры комнаты, Коля показывал свой расцветший талант.

Радио глухо шумело. Мы не слышали, что там делалось, не услышали и звонка. Галя первая спохватилась и побежала открыть.

Вошла Анна Архиповна. Она давно у нас не была.

— Так и думала, — сказала она грустным голосом. — Он... Вот характер! В отца. А я подумала — кто танцует? Ну сн, конечно...

Я произнес вполголоса:

— Пляшет не хуже отца.

Она ответила скромно:

— Тот так не умел. Техники такой не было. Ну, прямо огонь! Вбил себе что-то в голову... в театр его берут.

Гул в эфире еще продолжался, и мы по-своему отдавали честь мячу, летавшему над английским полем. Коля носился как по команде, и дочь моя молча приотпыывала, бессознательно подражая его движениям.

Капитан Б. ОКТЯБРЬСКИЙ

Рисунки Г. Эсхарова

Шел победный 1813 год. Преследуя отступающих французов, русские войска под командованием фельдмаршала Кутузова одерживали победу за победой. Ночной атакой был взят Кенигсберг, без боя сдались Варшава, пала крепость Данциг.

В феврале русские полки вошли в Берлин.

Здоровье фельдмаршала, подточное тяжкими походами и многими ранениями, становилось все хуже и хуже.

Проезжая Силезию холодным ветренным днем, когда валил мокрый снег, Кутузов не захотел ехать в карете и приказал подать верхового коня. Быть может, на закате дней захотелось ему в эту непогоду скакать, как в былые годы, сквозь снежную пелену.

Кутузов простудился и слег в постель. Это произошло в маленьком немецком городке Бунцлау. Кутузову было тогда 68 лет.

В апреле 1813 года Михаил Илларионович Кутузов скончался. Тело его было отправлено на родину, а сердце, по завещанию полководца, похоронено на холмике вблизи Бунцлау, у дороги из Силезии в Саксонию.

На одной из улиц Бунцлау воздвигнут памятник. Строгий обелиск возвышается в небе, охраняемый четырьмя чугунными львами. Надпись на обелиске гласит: «До сих мест довел князь Кутузов Смоленский победоносные войска, но здесь положила смерть предел славным дням его. Он спас Отечество свое и открыл путь к освобождению народов. Да будет благословенна память героя!»

Умер Кутузов, но война с Наполеоном продолжалась. Наполеон жаждал реванша.

В ходе войны были периоды, когда французы, пользуясь слабостью наших союзников, теснили кое-где русские полки. В районе Гайнау — Гольдберг и Бунцлау — Левенберг осенью 1813 года разгорелись ожесточенные сражения.

...Давным-давно на Полтавщине я впервые услышал песню про Наталочку. Теплый вечер спускался на землю. Из-за дальнего леса солнце мягко освещало доброе лицо кобзаря.

Я вспомнил об этом, когда по холодной, чужой земле шли мы весной

(Из походной тетради)

1945 года. Оставались позади пылавшие немецкие села и города. Война пришла к тем, кто славил войну и разбой.

Устали солдатские ноги. На одном из километров шоссе, — сколько их осталось позади! — захотелось бойцам отдохнуть. Вместе с ними прилег и я. Позади нас возвышался небольшой обелиск. Рука моя вместо камня нащупала на памятнике бархатистый мох. Старинный это был памятник. Чьих героических дел свидетелем он был? Чьей славы хранителем? С трудом разобрал я написанное латинскими буквами на памятнике слово: «Natalotscka». Не сразу до моего сознания дошло это совсем не немецкое имя. И вдруг вспомнилась песня кобзаря, теплый

вечер на Полтавщине. Позже я узнал судьбу человека, чья фамилия звучала, как девичье имя.

В одном из сражений, в августе 1813 года, горстка пехотинцев четыре часа отстаивала свои позиции у кладбища силезской деревни Швибendorf, близ Бунцлау. Русские солдаты изредка отвечали выстрелами из ружей на огненный шквал французов. Ядра с визгом и свистом прилетали на кладбище и с грохотом рвались меж могильных камней. Артиллерия французов неистовствовала, все меньше оставалось защитников швибendorfского рубежа. Приятель перешел в атаку. Он с флангов обходил кладбище, стараясь окружить русских. Маневр французов не остался незамеченным. Полковник Рейтерн с остатками своих гусар-александрийцев был готов прийти на помощь пехоте. В подзорную трубу Рейтерн видел фигурки наполеоновских солдат, со всех сторон стекавшихся к кладбищу. Над тихими прудами, над полями разнеслась протяжная кавалерийская команда:

— За мно-ой, гу-са-ры! Впе-ред, але-ксан-дрий-цы! Спасем пехотинцев от смерти!

И помчались, полетели лихие кони. Затрепетали на ветру русские штандарты.

Группа французов окружила гусарского полковника. Его сабля се-ребрилась в воздухе, тяжело опускаясь на головы врагов, но их было много. Смерть грозила полковнику.

И вдруг, словно из-под земли, между французами и русским полковником вырос дерзкий гусар. Черноголазый, черноволосый унтер-офицер Наталочка подоспел во-время. Он собой прикрыл командира.

Раненый конь метнулся в сторону и вынес полковника из гуши боя. Наталочка остался один...

Отшумели битвы. Наполеоновские орды были развеяны по свету, а на земле, где свершились бессмертные подвиги русских солдат, сохранили их имена в веках, остались памятники сверкающей славы. На одном из них у пруда близ Швибendorфа написано:

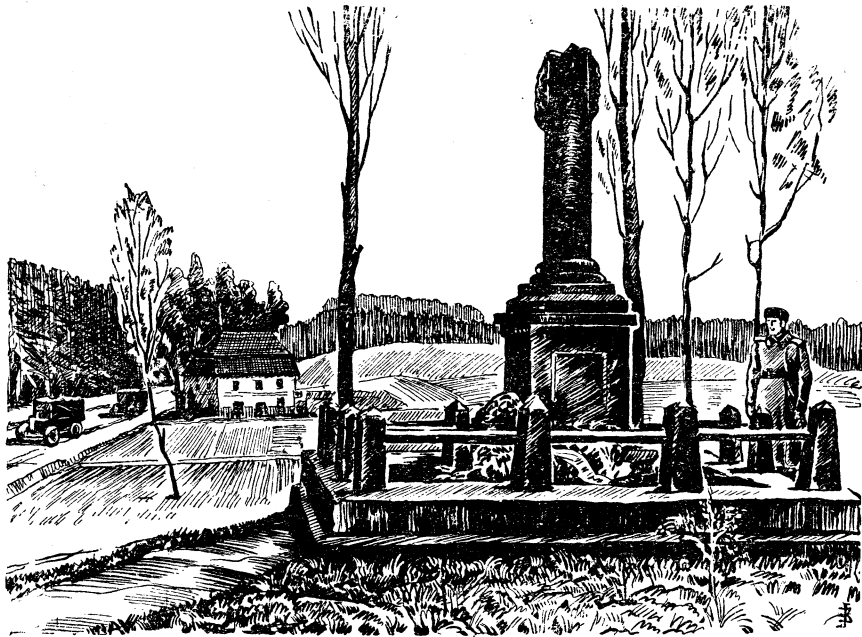
«В память русских воинов, погибших в бою с врагами.

Салют усопшим, которые жизнью своей дали народам освобождение.

Господь, благослови их прах. И ты, проходящий, пожелай им покоя».

Памятник М. И. Кутузову близ дома, где он жил и умер.

Памятник над могилой, в которой погребено сердце М. И. Кутузова.

На дороге из Силезии в Саксонию, покрытый зеленоватым бархатным мхом, стоит памятник Наталочке. Пой, kobzary, песню о нем! Пой песню о славе, которая бессмертна!

2

Дивизия полковника Хильчевского — участница сталинградских боев. Каждый боец и офицер дивизии с гордостью говорит: «Мы — сталинградцы!»

Дивизия дралась на Украине, участвовала в великой битве на Днепре. Ордена Богдана Хмельницкого и Красного Знамени приколоты к алому стягу. Сталинградской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого дивизии довелось с боями взять город Бунцлау.

К утру 12 февраля части дивизии после ночного марша вышли на ближние подступы к городу, где провел последние дни жизни и умер фельдмаршал Кутузов.

К вечеру после ожесточенных боев на подступах к городу начался штурм. Наши танки совместно с пехотой ворвались на улицы Бунцлау с юга, севера и востока.

Немцы группами оборонялись в заводских зданиях, в жилых домах и на перекрестках улиц.

Советские танки с десантом пехоты на броне загромычали по улицам города. Где встречали огонь, оставались, выстреливая по огневой точке несколько снарядов, потом пехота через дворы проходила к гнезду сопротивления и расправлялась с немцами гранатами и автоматным огнем. Улицу за улицей очищали наши бойцы. Некоторые подразделения уже вышли к западной окраине Бунцлау и закрепились на восточном берегу реки Бобер.

Наступила ночь. В городе еще слышна была частая пулеметная и оружейная перестрелка. Время от времени из-за реки немцы совершали огневые налеты по Бунцлау. Пылали подожженные в бою дома. Огромные языки пламени вздымались з неба, и снопы искр взлетали над черепичными крышами старинного силезского городка.

В центре Бунцлау, над ратушей, распластал свои черные крылья хищный прусский орел. В отвесах огня мрачной казалась площадь у ратуши. Одно крыло черного орла было отбито и безжизненно повисло над шпилем башни. Фашистская Германия, воплощенная в этом отвратительном, нахохлившемся и злобном орле с отбитым крылом, билась в предсмертных судорогах.

Пасмурное февральское утро забрезжило над Бунцлау. На узеньких улицах города валялось много трупов немецких солдат. Угрюмо стояли сожженные, ставшие пепельными от огня вражеские самоходки. Все в этом немецком городке казалось вымершим — пустынные улицы, мертвые глазницы разбитых окон... Не воезде было так.

Одна из улиц в Бунцлау называется Николайштрассе. На этой улице есть двухэтажный белый дом. Утром несколько бойцов очутились возле него. Их заинтересовала мемориальная доска. Написанные латинскими буквами имя Кутузова прочли они на ней. Об этом тут же донесли своему командиру. Другие красноармейцы собрались группой у обелиска с четырьмя чугунными львами. Солдаты стояли без шапок. На одной из сторон обелиска они прочли надпись на русском языке, высеченную более века назад. Кутузовский полк склонил свое овечье дымом только что закончивше-

гося боя красное знамя у памятника фельдмаршалу Кутузову.

Еще рвались вражеские снаряды над Бунцлау, но на Николайштрассе, у домика Кутузова, где умер в 1813 году фельдмаршал, вспыхнул митинг.

Кто-то успел написать мелом на стене дома: «Остановись, боец! В этом доме жил и умер великий Кутузов».

Еще было темно, когда танк дважды Героя Советского Союза Ивана Игнатьевича Якубовского вышел за деревню Тиллендорф. Невзирая на еще продолжавшуюся борьбу в Тиллендорфе, танкисты устремились по шоссе к Герлицу. В том месте, где они остановились, дорога пошла в гору. Нужно было для ориентировки подняться на вершину холма.

Якубовский быстро взобрался на холм. Там он увидел мраморную колонну, обвитую высеченным из камня лавровым венком, старую железную ограду вокруг памятника.

Внутренний голос подсказал Якубовскому прочитать надпись на памятнике.

«Здесь похоронено сердце Кутузова», прочитал он.

Танкист поцеловал холодный мрамор. Он не мог и минуты пробыть у памятника. Надо было быстрее возвращаться к танку.

...Кутузовцы ушли на запад, к реке Нейссе. Стало тихо в Бунцлау и у могилы Кутузова. Пришли девушки, только что освобожденные из фашистской неволи, и украсили цветами могилу и домик Кутузова.

Все больше и больше воинов Красной Армии стало приходиться к кутузовским местам.

Теперь эта земля не слышит гула орудий. Пришла наша светлая победа. Но на чужой земле мы свято храним могилу, где похоронено сердце Кутузова.

Памятник Наталочке.

(К двадцатипятилетию Советской Грузии)

ШАЛВА ДАДАНИ
Депутат Верховного Совета СССР

Прорезая небеса, высоко поднимаются вершины Кавказа — Эльбрус и Казбек.

У подножия этих гигантских гор раскинулись земли Грузинской ССР.

Грузия украшена, как невеста.

Фата этой невесты — белизна ледников.

Фата эта украшена альпийскими розами. Опоясана дева-Грузия голубыми лентами Куры и Риона.

Охраняют красоту невесты грузинские воины. О храбрости их писали ассирийцы, и грек Ксенофонт, и персы, и турки.

На заре средневековья великий поэт Шота Руставели заслужил своей поэмой славу народов, обогатив своими образами все человечество.

Любят грузины свои горы. На горах стояли в древности алтари, с горами связаны легенды. В дни Великой Отечественной войны воины Красной Армии остановили в горах Кавказа орды фашистских захватчиков.

Высоко в горах, где воздух чист и прозрачен, стоят научные станции. Горная астрофизическая обсерватория, расположенная в Абастумани, располагает первоклассной научной аппаратурой, производит электрофотометрические наблюдения.

Горы Грузии сменили храмы богам на храмы науки.

С этих гор во все стороны открываются чудесные виды. На этих горах ветры степей сходятся с ветрами моря.

По склонам гор лежат снега. Ниже их — хвойные леса, еще ниже — кукуруза.

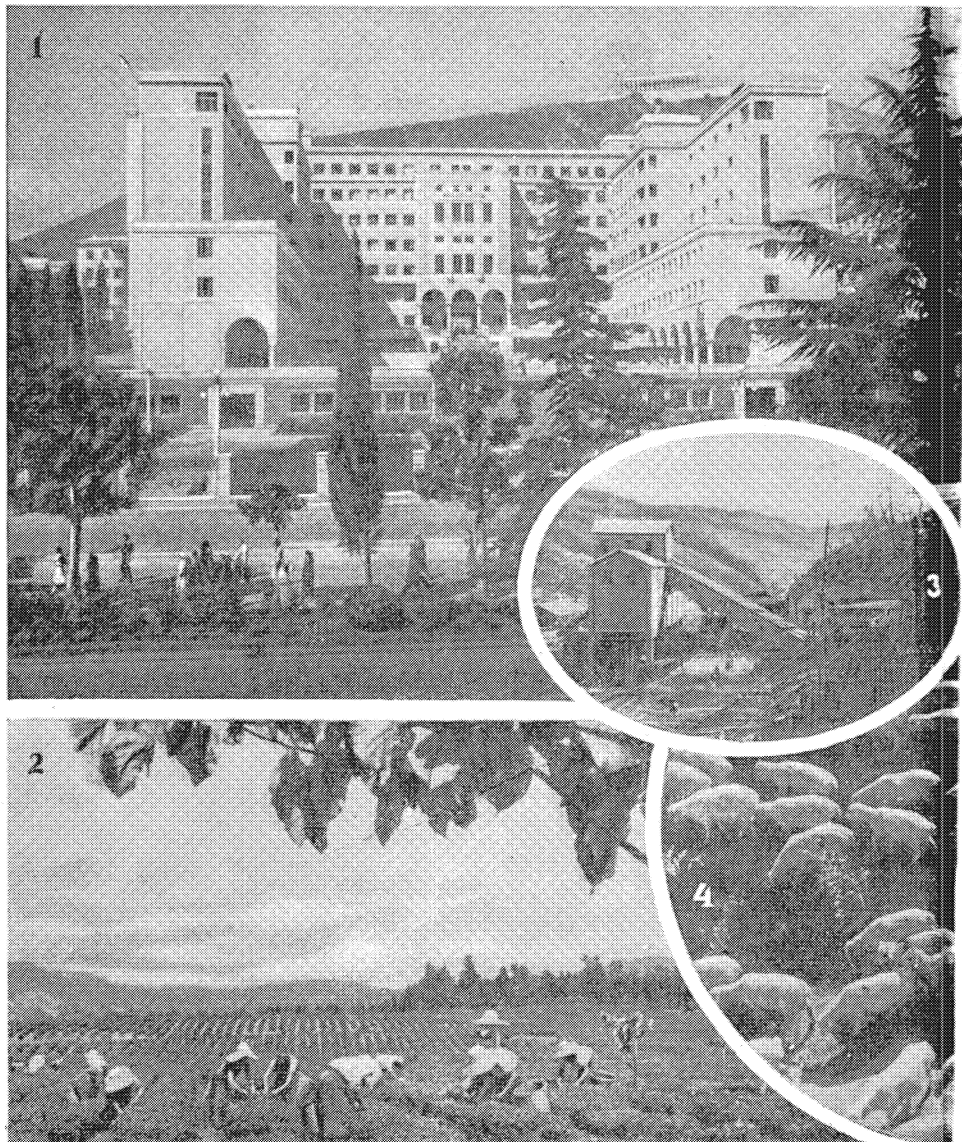
Упорным трудом преобразена земля. Капризные культуры цитрусовых произрастают на осушенных болотах Рионской низменности. Хороши вина Имеретии и Кахетии, крепок и ароматен грузинский чай. Лимоны, апельсины, мандарины мощным потоком идут из Грузии на север, восток и запад нашего Союза.

На берегах, описанных Страбонам,

стоят города — Сухуми, Батуми. Рядом с Батуми цветет прекрасный Ботанический сад.

Со склонов гор сбегают реки. Энергия горных рек обращена в сияние электричества. В Грузии построено

5 крупных и до 500 мелких гидроэлектростанций. Каждому металлургу мира известно это звучное слово — Чиатуры. Здесь — богатейшее месторождение марганца. На его базе построен ферро-марганцевый завод.

На побережье Черного моря, в Тквибули и Ткварчели разрабатываются месторождения коксующихся углей.

Недалеко от Тбилиси, на берегах быстрой Куры, строится мощное предприятие — первенец черной металлургии Закавказья.

Во время войны, дыхание которой чувствовалось на ледниках Кавказа, заводы и фабрики Грузии работали все лучше и лучше, повышая темпы.

Мужчины сражались. Более двух тысяч грузин отмечены высоким званием и наградами.

Женщины и подростки делали чулка в тылу, работая для бойцов.

Если греки говорили о золотом руно и стремились найти золотое руно на склонах Кавказа, то мы золотое руно сейчас добыли.

На берегах Куры стоит столица Грузии — Тбилиси.

Улицы Тбилиси в тени платановых аллей. Прекрасны сады города, памятники Руставели, поэту Церетели, дворец Правительства, дом ЦК КП(б) Грузии.

В этих зданиях планируется жизнь страны, предопределяется ее будущее.

Здесь же, на проспекте Руставели, стоит великолепное здание: Институт Маркса, Энгельса и Ленина. Здесь собраны богатые материалы по истории партии и, в особенности, по революционной деятельности молодого Сталина в Закавказье.

Тбилиси гордится своим Институтом и теми местами, где началась революционная работа товарища Сталина. Здесь он вел первые кружки рабочих, здесь он учился, здесь перешел на нелегальную работу.

Сохранилась в Тбилиси и подпольная типография, которая была оборудована по плану товарища Сталина.

В центре города, на проспекте Руставели, стоит художественная галерея Союза грузинских художников и два театра, награжденных орденами Ленина: Драматический имени Руставели и театр оперы и балета имени Палиашвили.

Здесь играют пьесы грузинских драматургов, здесь, на грузинской сцене, можно увидеть произведение Шекспира и Островского.

На другом берегу Куры стоит прославленный театр имени режиссера Марджанашвили.

С балкона дома Союза писателей Грузии виден старый Метехский замок.

Метехский замок — древний оплот Тбилиси — царским правительством был превращен в тюрьму.

И вот то место, где жила когда-то царица Тамара и воспевал ее гениальный Руставели, стало при царизме местом заключения А. М. Горького, М. И. Калинина.

Здесь был убит соратник Сталина Ладо Кецохели.

Ныне это здание возвращено грузинской истории. Здесь находится Музей изящных искусств.

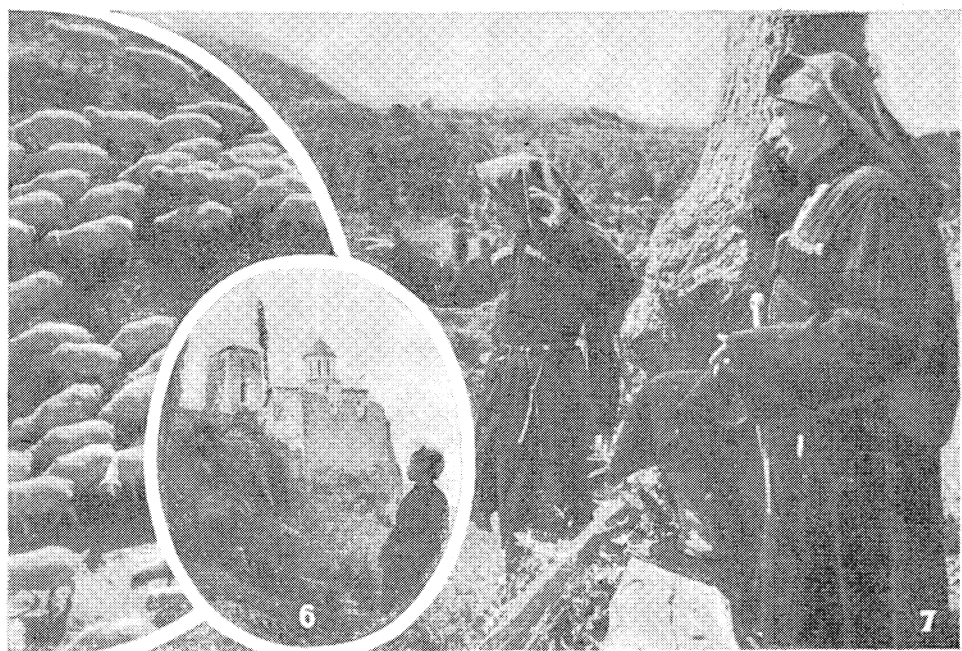
Пройдите по городам и селам страны — вы увидите, как выросла здесь культура. В Грузии много образованных людей — ученых, инженеров, врачей. В школах учится 600 тысяч человек: в четыре раза больше, чем до революции. Создана Академия наук, имеются десятки научных институтов и учреждений. Страна, которую Пушкин называл печальной, стала радостной.

Народ Грузии верит в будущее. Он смотрит на будущее с высоты своих гор!

На фотографиях:

1. Здание правительства Грузинской ССР на проспекте Руставели.
2. Чаквинские чайные плантации. Сбор урожая чайного листа.
3. Шахта им. Сталина треста «Тквибул-уголь». Бункер для погрузки угля в вагоны.
4. Баранта овец на горном пастбище.
5. Развалины древней крепости близ Гори.
6. Кутаиси. Башня старинной крепости.
7. Абхазцы-колхозники.

К Б О Л Г А Р И И

И Л Ь Я Э Р Е Н Б У Р Г

1

Переплыв на пароме Дунай, я сразу очутился в ином мире. Позади, на низком румынском берегу, остался Джуржуи с франтами в светлобежевых костюмах, с клипсами в витринах и с нищими в рубищах. И вот исчезли модницы, погасли брошки из поддельного золота, все стало суровее — и природа и люди, жизнь проще, а, может быть, сложнее.

Бедный крестьянский дом. Сушится красный перец. Кричит осел. Земляной пол и книжки на полке, швейная машина и босая хозяйка в рваном платье. По-древнему прост и тяжок здесь труд: волю, соха. Крестьяне сами ткут одежду, сами мастерят кожаные лапти—«царвули». В хорошем светлом общежитии габровской текстильной фабрики, которая справедливо гордится современным оборудованием, я увидел крестьянские прялки — по вечерам работницы прядут и ткут для себя. Поверхностный чужестранец может подумать, что это отсталая, темная страна. Пусть он поговорит с крестьянами, которые спят на земляном полу, с крестьянками, которые поют над прялкой, он убедится в своей ошибке. Не раз в селах меня спрашивали о выборах во Франции или о восстановлении Днепрогэса. Крестьянка (а пол земляной, сама она босая) говорит: «У меня два сына в гимназии».

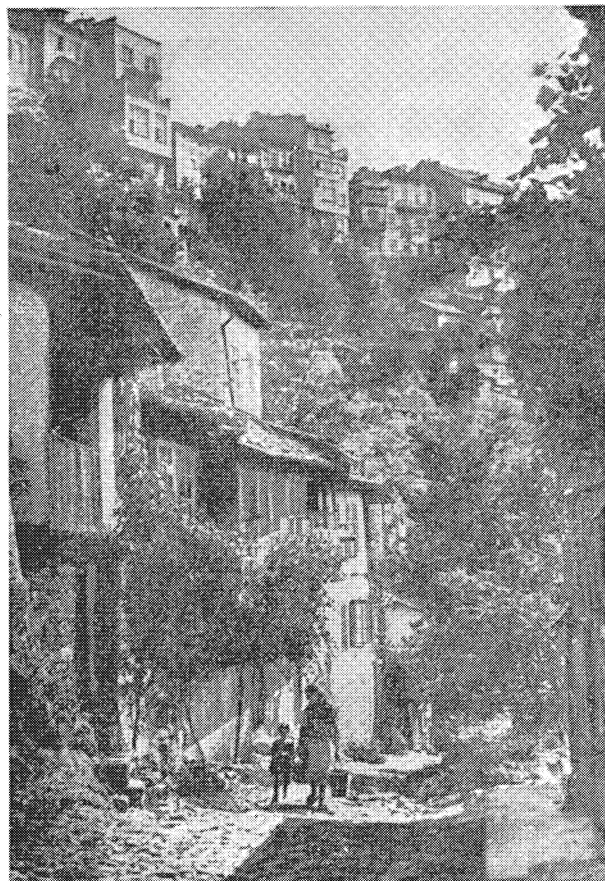
В Болгарии тридцать одна тысяча учителей, из них шестнадцать тысяч в селах. До 9 сентября 1944 года было сто шестьдесят две гимназии, теперь двести тридцать. Число студентов увеличилось с десяти тысяч до двадцати четырех. Общий тираж ежедневных газет, которые выходят в Софии, достигает семисот пятидесяти тысяч экземпляров. Тираж книг доходит до пятидесяти-шестидесяти тысяч. А в Болгарии всего шесть миллионов жителей.

Почти во всех селах «читалища» — народные дома, с читальнями, эстрадой, иногда с кино. Я уж не говорю о семилетках, но во многих селах — гимназии. В корчмах не только пьют душистую сливовицу, закусывая ее стручками презлого перца, там также обсуждают мировые проблемы, — это настоящие клубы. В скромной Софии множество книжных лавок, и витрины книготорговцев—самые нарядные, возле них всегда толпятся прохожие.

Поражает после Румынии и другая душевная настроенность. Румыния только-только просыпается после летаргического сна. Бухарест пышен, но бледен, как больной, переживший кризис. Очутившись на болгарском берегу в Русе, я сразу почувствовал приползлость, духовное напряжение, порыв толпы — Болгария вышла на новый путь.

Пейзаж в Болгарии драматичен: горы, ущелья, темная зелень буков, дома, расположенные ярусами на крутых холмах, ветер, кровавые яркие закаты. Однако не он придал трагичность болгарским лицам, стеснил черноту глаз, резко обрисовал рот, лоб, скулы, подмешал грусть к песням, — в том повинна история.

Народы, как люди: у одних легкая судьба, они сразу нашли свое призвание, вышли на верный путь; дорога других сложна, извилиста, полна страданий. Судьба Болгарии — жестокая судьба: здесь и века рабства, когда приходилось отстаивать простейшее право — звать свою мать на родном языке; здесь и роковая игра последних семидесяти пяти лет, в которой Болгария была ставкой того или иного игрока,

Уличка в Тырнове.

вотчиной кобургской династии, местом, облюбованным разномастными и разноязычными интригантми. Короткие просветы, как прогалыны в лесу: золотой век Асена, времена, когда живописцы покрывали фресками стены Боянской церкви, не подозревая, что впереди ночь янычаров и пять веков рабства. Взрыв народных страстей, плеяда «будителей», вдохновенный голос Христо Ботева, героизм повстанцев, русские на Шипке, мираж свободы. Эти короткие страницы разделены черными томами: ярмо Византии, ярмо турок, которое было особенно тяжелым в стране, соседней с резиденцией султанов; а после освобождения — замена сан-стефанского договора берлинским, кровавые тяжбы, в которых болгары и сербы истребляли друг друга по указке Габсбургов или других попечителей, Кобурги, войны, которых народ не хотел, но за которые он расплачивался, фашизм, карательные экспедиции, немцы в Софии. Такова история этой страны, написанная кровью народа, но не по его воле, против его воли. Как биография человека может расходиться с его чувствами, так расходятся тома болгарской истории с мыслями, со страстями, с чаяниями народа.

В селе Батак есть церковь, на стенах которой не фрески, а кровь. В дни восстания 1876 года турецкие

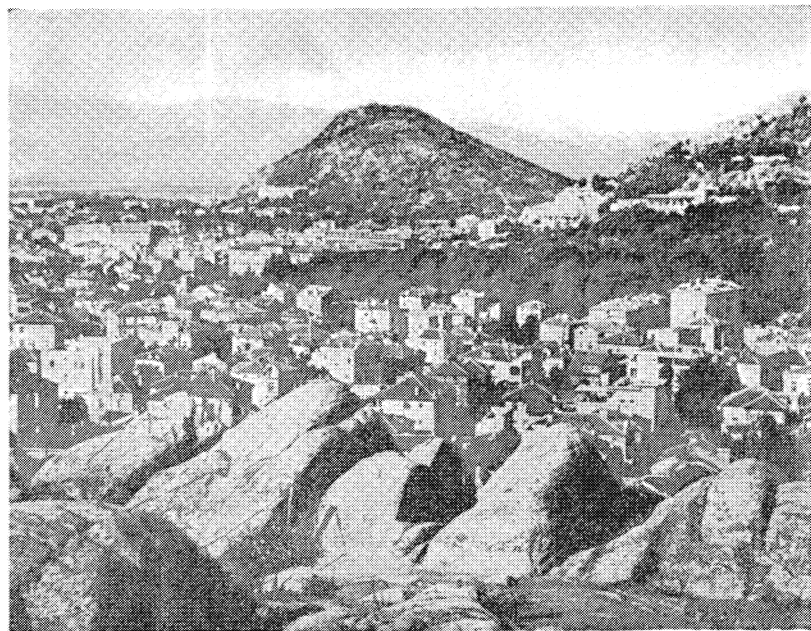
янычары собрали крестьян Батака в церковь и там их убили. Стены сохранили бледные пятна выцветшей крови. Когда едешь по болгарской земле, кажется, что повсюду проступает кровь, кровь мучеников, кровь героев; и эта кровь объясняет многое: скупость слов у южного экспансивного народа, упрямо сжатый рот, угрюмый огонь в глазах.

2

София — обыкновенный европейский город, не счесть большой и не очень маленький. Он вырос в течение последних десятилетий и лишен архитектурного лица; хорошие удобные дома, скверы; есть и музеи, и театры, и гостиницы. Если показать чужестранцу фотографию софийского бульвара или площади, он может принять столицу Болгарии за Брно, а то и за Турин. Только горы, которые видны с любой улицы, придают Софии некоторое своеобразие. Картина, привычная в послевоенной Европе: развалины, мусор, остатки утвари. В окнах магазинов — дребедень, которой немцы расплачивались за табак или за шерсть: жестяные игрушки, фаянсовые статуэтки, сервизы для коктейлей. Под вечер по главной улице гуляют молодые, они заполняют мостовую, так что машине не пробраться. А люди постарше сидят в кафе за чашкой желудового кофе и страстно обсуждают мировые проблемы — от расщепления атома до интриг Николы Петкова. Вечером улицы быстро пустеют, и только чудаки в корчме еще спорят, поют или, окруженные душистым табачным дымом, молча мечтают.

Может быть, этот народ родился вчера? Может быть, у него нет прошлого? Я не стану выписывать даты из учебника истории; я уведу читателя по одной из улиц на окраину и дальше, к горам — в деревню Бояну, — это недалеко: десять километров от города. Здесь чудом сохранилась небольшая церквушка, которая справедливо привлекает внимание историков, археологов, любителей искусства. Вы входите в храм и останавливаетесь, восхищенный: на стенах светятся яркие краски золотого века.

В XII столетии болгары освободились от ярма Византии. Два брата — Ассен и Петр — в городе Тырново положили начало так называемому «Второму болгарскому царству». Тырново расцветает, этот город

Город Пловдив.

становится местом встречи между Востоком и Западом; сюда приезжают купцы из Дубровника, из Венеции, из Генуи; здесь можно встретить гостей из Киева. Тырново делается центром большой художественной культуры: архитекторы и миниатюристы, ювелиры и живописцы работают здесь, и вскоре слава мастеров Тырнова разносится далеко за пределы Болгарии. К тому времени византийское искусство окаменело, стало высохшим ключом; мастера Византии перестали творить, они тщательно повторяли заученные образы. Славянские народы оживили, преобразили умирившее искусство Византии. Так возникли две живописные школы: македонская и тырновская.

Фрески Боянской церкви были созданы в середине XIII века; имя мастера осталось неизвестным. Поражает прежде всего человечность живописи: вместо византийского лика лицо. Здесь все чувства: мука и плотская радость, обреченность и умиление. Нарушены былые каноны: природа и тело даны реально, ощущимо. Трудно забыть лицо юного Христа, беседующего с книжниками, — столько здесь проникновения в психологию творчества, ибо Христос в этой композиции — поэт, познавший вдохновение. Цвета живы, преобладают изумрудная зелень, бледно-зеленый, розовый, темнокрасный, рыжая охра. Прекрасны портреты современников живописца: Константина Асена, Ирины, Калояна, Десиславы; это настоящее портретное искусство, освещающее душевный мир модели. Можно спорить о классификации: причислять боянскую живопись к романскому стилю или к византийскому, к средневековой или Возрождению. Но тот, кто увидел эти фрески, их не забудет.

Древняя столица Болгарии Тырново — один из самых фантастических городов Европы. Расположен он ярусом на отвесных склонах гор, и вечером, когда вспыхивают огни, отражаясь в реке, город кажется гигантским небоскребом. Были турки, были землятрясения, и все же здесь сохранились памятники Второго царства.

По отдельным векам можно установить путь болгарского искусства, которое не умирало и в века рабства. Я скажу сейчас хотя бы о резьбе по дереву: потолки Тревны или Карлова напоминают то купцы рая, то звездный небосвод; в этих сказках находила исход душа плененной Болгарии. Чужеземцу может показаться, что старый болгарский дом, с его внутренним двором, с верандами, напоминает турецкий; однако болгары преобразили архитектуру Востока, и дом в Тревне так же отличен от дома в Стамбуле, как отличен амбир московского особняка от парижского «отеля» наполеоновской эпохи.

«Я вспоминаю прекрасный Пловдив с его четырьмя холмами. Бачковский монастырь и его фрески, старые города — Тревну, Габрово, Карлово, — длинная сложная история народа. После двух веков расцвета пришли пять веков жестокой ночи. Турки замазали многие фрески, но душу народа они не могли уничтожить, — она жила, как жили под известью изумруд и пурпур древних мастеров. Страсть ушла вглубь, напоминая реку, ушедшую под землю, в которой бесшумно плавают слепые рыбы.

3

Нет в болгарях блеска, легкости, — они замкнуты, суровы. Но сколько глубокой страсти в этом народе! Она чувствуется в песнях, похожих на водоворот, в песнях, щемящих сердце, полных печали, иронии и мужества. Были песни, подобные заклинанию, вселявшие надежду, приподнимавшие отчаявшихся;

в этих песнях народ прославлял подвиги королевича Марко, любимого героя и болгар, и сербов, и македонцев; в этих песнях отважные юнаки рубились с турками и умирали за отчизну. Были тихие песни любви, о Диме и о Петкание, о Стояне и о Каранфиле. В те времена, когда читать разрешалось только по-гречески, а жить по-турецки, болгарские песни поддерживали народ.

Можно услышать и теперь старые народные песни — о боях за Плевен, о встрече с русскими на Шипке, о красоте Рады и о верности Елены.

«Девять долгих лет я скитаюсь. Я был в стране, где зной. Я был в стране, где лед. Но я тебя не забыл. Я иду по дороге, но я не знаю дороги. Я ныряю в воду и умираю от жажды. Ты меня обратила в сухое дерево. Наточи топор, срубив дерево, разведи огонь и сожги. От любви останется пепел».

«У него был цветок, красивый цветок. Он встретил девушку, красивую Неду. «Я дам тебе цветок, если ты станешь моей». — «У тебя красивый цветок, но у тебя нет рассудка. Завтра цветок увянет. А женщина — навсегда».

«Прощай, мама! Я уйду в чужой дом, к чужой матери, к чужим людям. Не забудь, мама, цветы в саду. Я их посадила, я с ними жила. Поливай их утром росой. Поливай их в полдень дождем. Поливай их вечером слезами».

«Лес зеленый и свежий, почему ты сохнешь? Может быть, ты боишься инея? Может быть, ты боишься пожара?» — «Я не боюсь инея. Я не боюсь огня. Мимо меня гнали рабов. Шли юноши, они шептались: «Прощай, родная земля!» Шли женщины, они причитали: «Где наши дети?» Шли девушки, они пели: «О, сад моих грез! О, ручей моей любви!» Они пели и роняли на землю горькие слезы. Я сохну от этих слез. Я был деревьями — я стал стрелами».

«Я пойду, я найду обидчиков. Горе — вот мой конь. Слезы — вот мои пули. Любовь — вот моя победа. Моя тень — смерть турчанина. Мой вздох — ветер свободы».

4

Есть у Христо Ботева замечательное стихотворение — «Хаджи Димитрий»: среди гор — повстанец со свинцом в груди. Читая эти стихи, невольно вспоминаешь поэму Артура Рембо «Спящий в долине». Поэзия, как жизнь, сильна своим многообразием. Французский поэт обращается к природе с просьбой согреть мертвого солдата. Христо Ботев видит иное — свободу; подлинный гений удерживает его от декламации, от тех громких слов, которые похожи на картонные гири шулерского атлета.

Традиции Христо Ботева живы и в современной болгарской поэзии: она не пытается повернуться спиной ни к красоте, ни к совести. Я вспоминаю, как читала нам свои стихи Елисавета Багряна; была в тех строфах чистота и глубина горного утра. Вспоминаю долгие беседы с поэтами Исаевым, Фурнаджиевым, плотную прозу Елин Пелина, душевную тонкость Константинова, взволнованный голос юного поэта Валерия Петрова. Есть в Болгарии то, о чем стосковался мир: служение музам, которые никогда не уходили с земли, музам-сестрам, служение живой жизни, ощущение «святого ремесла» как призвания.

За границей знают произведения болгарского композитора Панчо Владигерова; он не укрылся в фольклор, не отгородился от современности, — это человек, переживший трагедию нашего века.

Одним из крупнейших художников Европы, покорившим Париж после первой мировой войны, был урже-

Троянский монастырь.

нец Видина Пинкас, подписывавший свои вещи псевдонимом Паскин. Он повесился в Париже весной 1930 года. Я хорошо знал его. Паскин, уехавший из Болгарии в ранней молодости, с большой нежностью рассказывал мне о своей родине: Этот вечный странник изъезжал полмира, но в его картинах, в розовом призрачном мире плоти, детей и обид есть воспоминание о покинутой им земле.

Я видел в Софии работы хороших художников с большой живописной культурой, и я увез с собой в Москву небольшую акварель молодого Альшеха — София под снегом: память о городе и память об искусстве. В Софии работает прекрасный мастер рисунка Илья Бешков. Его карикатуры беспощадны, это — солдат. Это также настоящий художник, влюбленный в искусство. Он вскормлен на честной желчи, многому научился у Гойи и Домье; вырос и нашел свой мир. Его рисунки глубоки, этот злой добряк печально улыбается и яростно защищает человека.

Нет ничего скучнее, когда говоришь об искусстве, чем перечень имен: это атлас звездного неба под потолком.

Если я все же решился ввести в мой рассказ столь безжизненные строки, то только потому, что посвящены они самому жизненному — искусству. Нельзя отрезать годы, как ломать, и, говоря о 9 сентября, не вспоминать Христо Ботева; описывая душевный лад наших современников, не оглянуться на фрески Бояны. Говорят, что понять произведение искусства труднее, чем понять сложную машину, — это замок; но это и ключ, ключ к самому трудному и к самому сложному — к душе народа.

5

Нет другой страны, где так любят и знают Россию, как в Болгарии. Издавна этот народ в своих песнях звал далеких друзей. Когда немцы наложили лапу на Болгарию, народ не отсекся от своей любви, и еще больше роз было на могилах русских героев. В мавзолее Плевны на посетителя смотрят черепа; за этими бранными останками — порыв, жертвы, подвиг русского народа. Чудесный вид открывается с перевала Шипки, внизу — Долина роз, и хотя после немцев нет больше роз, долина чарует взгляд своей необычайной мягкостью. А на перевале снег, ветер, и русские памятники. Когда здесь встретились русские войска с

болгарскими повстанцами, поднялась вся южная Болгария, и свобода пробилась себе путь.

В 1944 году Россия снова пришла на помощь болгарам, и рядом со старыми могилами можно найти новые. На этой земле побывали разные завоеватели, но русские приходили сюда только как освободители. Вот почему любовь болгар к России сливается с любовью к свободе, а культ России для болгар — это культ прогресса.

Для народа, численно небольшого, который живет в трудном месте (география здесь слишком часто определяет историю), сознание, что есть на свете Москва, было прежде утешением, потом стало надеждой, теперь оно поддерживает веру болгар в самих себя, в свое будущее.

В 1876 году Христо Ботев писал: «Да здравствует русский народ и будущая свободная Россия!» За тенью царских сановников он разглядел народ; в те времена многие демократы Запада считали русских жандармами или рабами, а болгарский революционер понял, какое будущее предстает русскому народу. Теперь болгары увидели не царских дипломатов, а Красную Армию; вера стала уверенностью, надежда — жизнью.

Восторженно учатся дети трудным русским склонениям (в болгарском языке склонений нет). Актеры расспрашивают о московских театрах, виноделы Плевны — о винах Кахетии. Самый большой книжный магазин Софии отдан для русских книг, и там всегда толпятся люди. Один болгарский учитель, как чудесные стихи, называл мне названия московских улиц, хотя он никогда не был в Москве. Старый болгарский крестьянин пел песню о Сталине, сложенную горцами. Поэты в Софии читали наизусть стихи Блока и Маяковского, Есенина и Пастернака, Багрицкого и Ахматовой. В сельской «читальнице» я увидел портреты Жукова и Рокоссовского. А советского писателя встречают здесь с такой любовью, что стыдно бывает за себя, и гордость охватывает за родину...

Благородны традиции старых болгарских революционеров, которые крепкой дружбой были связаны с русскими революционерами. Как смеют лицемеры говорить о жестокости этого народа? Когда в 1876 году болгары восстали против турок, Болгария была страной без школ, без книг. Путешественники поражались, видя нищету и невежество поработенных. И вот началось восстание. 17 мая 1876 года болгарские революционеры разослали приказ своим сторонникам. Я приведу пункт пятый этого приказа: «Всякий, уличенный в том, что он убивал, или грабил мирных турок, или насиловал, будет расстрелян шестью пулями». Мы знаем теперь, как генералы мнимой цивилизованной Германии, готовясь к нападению на Советский Союз, приказывали грабить и убивать мирное население. Два метода, два мира.

Традиции старых революционеров дошли до нового поколения. На собраниях, демонстрациях, в местных комитетах Отечественного фронта видишь пожилых и молодых, меньше всего людей среднего возраста — они изломаны двумя роковыми десятилетиями. Есть старые ревнители свободы, будь то крестьяне или интеллигенты, которые дождалась торжества своих идеалов; и много, очень много молодых — студенты, солдаты, гимназисты, юные рабочие, полные энтузиазма, сельские подростки, влюбленные в книгу, девушки со значками партизанок. Молода сейчас старая Болгария, и в этом залог победы: с такой молодостью не отступают.

Сила Болгарии в ее органичности, в цельности, в живой связи между разумом и сердцем, между народом и землей, между крестьянами и интеллигенцией. Когда едешь по стране, чувствуешь это еще сильнее, чем в Софии: все они — поэты и государственные деятели, музыканты и профессора — вышли из крестьян; показывают избы, где они играли в детстве. И сейчас в сельских школах учатся дети, которые через четверть

века прославят Болгарию. Нет ни разрыва, ни снобизма, ни отчуждения: народ един. Вот почему он легче, чем многие другие, казалось бы, опередившие его народы, очистился от фашизма. И напрасно называть этот народ маленьким, арифметика тут ни при чем; у маленьких людей никогда не бывает столько врагов. Немногочисленный этот народ душевно крепок и силен. Я вспоминаю черные глаза болгарской крестьянки, ее большой выпуклый лоб, ее сдвинутые брови — нет, теперь Болгарию не сбить с пути! Счастье, доставшееся с мукой, еще дороже.

Есть и среди небольших стран много таких, которые богаче, красивее и, главное, блистательнее Болгарии. Эта земля не потрясает пришельца ни нарядностью, ни игрой воображения. Люди замкнуты, их сразу не понять; нужно с ними остаться, войти в их жизнь, разгадать горечь, расшифровать молчание. Здесь нег душ нараспашку, и нет здесь легкой, ни к чему не обязывающей улыбки. Здесь и вздох много весит.

Крестьянка в строгом наряде: красное и черное. Пара волос. Упрямый старик с седыми усами на ослике. Горы и снова горы, снег, а внизу смоковницы. Босые дети и большой дом в средневропейском стиле — гимназия. Корчма, масляный свет лампы, споры до позднего часа. Женщина качает люльку и поет колыбельную, древнюю, как земля. Тени былых «будителей» и революционеров. Митинги. И шахты, и прекрасные санатории, и заводы, и бригады, и стенные газеты — новый век. А старина не в камнях, не в пергаменте — в языке, в земле, в морщинистых лицах сельских комитетчиков. И много роз. И осенние звезды. Есть в этой стране большая внутренняя страсть, она придает ей красоту, и, увидев душу Болгарии, нельзя ее не полюбить, нельзя не поверить в ее звезду.

Музей-памятник русским воинам в Плевне.

По Закарпатской Украине

I

В октябре 1944 года советские войска после тяжелых и долгих боев пробились через толщу немецких и венгерских укреплений в Карпатах и, подобно снежной лавине, скатились по южным склонам хребта на великую придунайскую равнину.

Проехав добрую сотню километров по извилистой ленте горного шоссе, мы достигли перевала и остановились у железного шлагбаума на высоте полутора тысяч метров над уровнем моря. Низкие каменные столбики; на одной стороне латинская буква «Д», на другой «С». Так немцы обозначили границу между польской землей, которую они считали «Дейчланд», и «самостоятельной» Словакией.

Шлагбаум открыт. Вдоль дороги всюду разбитые машины, сожженные немецкие и венгерские танки. У дороги — в окопах и на траве — груды стреляных гильз. Воронки от снарядов кажутся необычными на этих подоблачных высотах.

Вокруг возвышаются горы. Гряды их идут параллельно, подобно застывшим гигантским волнам. Седые угрюмые Карпаты вздымаются в облаках. Выше других в тучах гора Поп Иван и Гаверла.

За шлагбаумом начинается спуск в долину к истокам черной Тиссы. За перевалами Закарпатская Украина — край лесистых гор, бурных речек и плодородных долин, край садов и виноградников.

Эта древняя украинская земля стала заселяться восточнославянскими племенами еще около VII—VIII веков нашей эры. В то время, когда на территории Восточной Европы в начале X века создано восточнославянское государство — Киевская Русь, история которой была общей начальной историей русского, украинского и белорусского народов, — Закарпатская Русь входила в состав киевского государства. Во второй половине XI века хищные венгерские завоеватели захватили ее. Оторванный от своей родины маленький закарпатский народ терпел и боролся, но не покорялся угнетателям.

Венгерские захватчики пытались мадьяризовать украинцев Закарпатья,

В. КОРОТЕЕВ, И. БОЙКОВ

разорвать их связь с Украиной. Но они не достигли успеха. Народ маленькой страны оставался верен своей матери Украине и всеми силами стремился к воссоединению с ней.

Осенью 1918 года после развала австро-венгерской республики в стране были созданы национальные советы, которые должны были решить вопрос о судьбе своего края. В январе 1919 года на собрании в Хусте делегаты Закарпатской Украины провозгласили воссоединение ее с другими землями Украины. Но судьба края была решена иначе. Почти вся Закарпатская Украина была включена Антантой в чехословацкое государство, как Подкарпатская Русь. Участь закарпатских украинцев облегчилась, но страна получила лишь небольшие возможности для развития своей национальной культуры.

В 1939 году, после того, как немцы оккупировали Чехословакию, Закарпатскую Украину снова закатали извечные ее враги — венгерские захватчики. Но и тогда закарпатские украинцы не смирились. Они продолжали борьбу, веря, что придет помощь с востока.

II

Нам запомнилась встреча со старым 75-летним учителем-пенсионером в горном селении Арданов. В его избе мы увидели портрет Тараса Шевченко и фотографию памятника Богдану Хмельницкому в Киеве. Поднятая рука гетмана булавой своей властью указывает народу единственно пра-

вильный путь, с которого он никогда не сойдет, — путь нерушимой дружбы с Россией.

И мы уже не удивлялись тому, что четырнадцать детей учителя не только хорошо говорят и пишут на украинском языке, но и знают старинные украинские песни, а четверо из них в скрестных селах учат детей на родном языке.

Под Хустой, в небольшом селении, мы прочитали следующие слова призыва, написанные на кумачевой ленте: «От Ужгорода до Кремля — вся советская земля». Ее написали крестьяне в то время, когда у села еще шел бой с мадьярами и немцами.

Этот призыв, опережая движение наших войск, пронесся по всей Закарпатской Украине, от горных перевалов до зеленых виноградников Берегово, от поднебесной Ясьни до стародавнего Ужгорода.

Уже в первые дни вступления Красной Армии на территорию Закарпатской Украины наши бойцы и офицеры убедились, что здесь не чужой, иноплеменный народ, а близкие, свои люди — украинцы и русины, родные по крови, языку, обычаям. Кровное родство славянских земель ощущается всюду — мягкий выговор селян, их обряды, песни, колядки, одежды. Все это сохранилось за Карпатами, на этой маленькой земле, как в заповеднике.

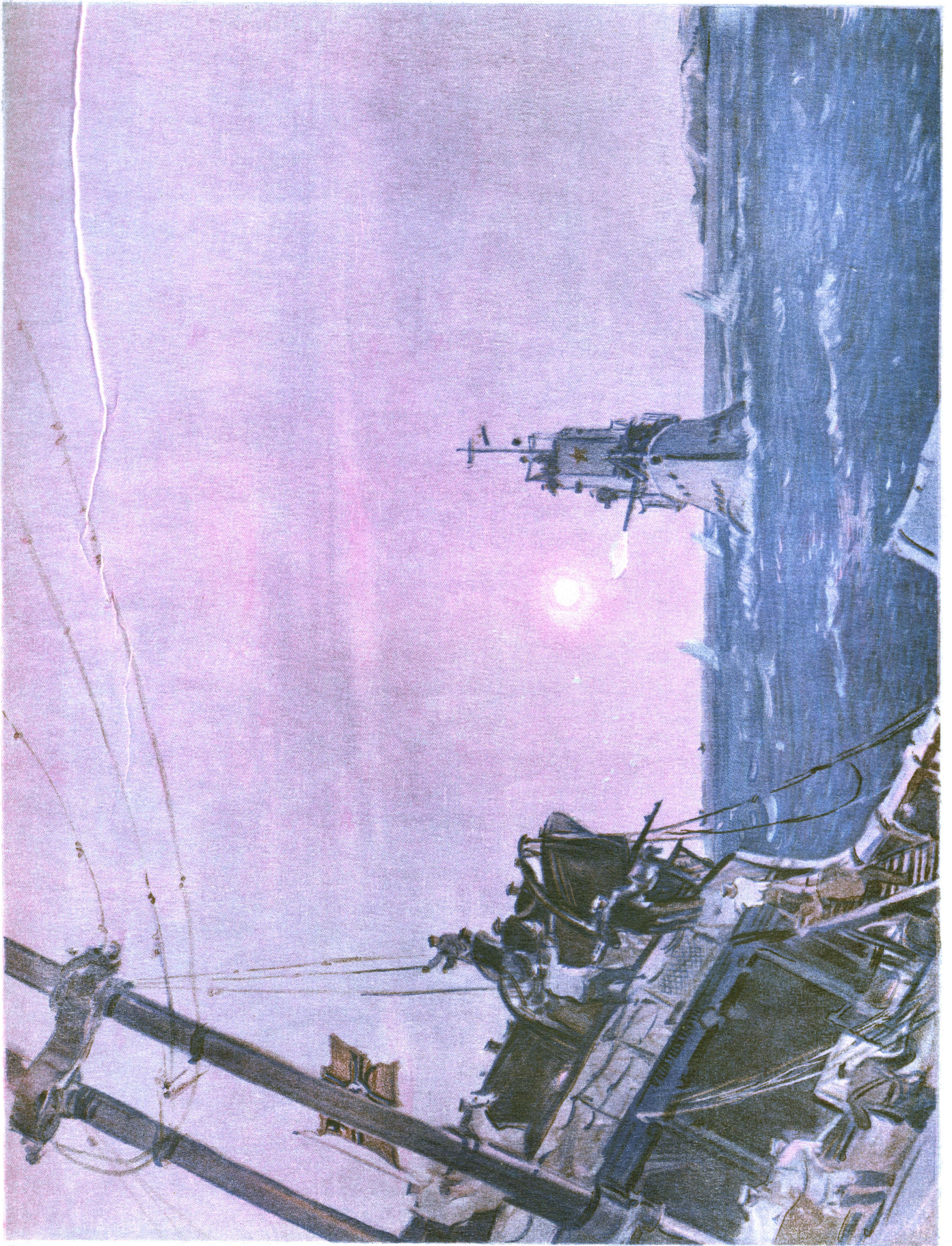
III

О освобождении от немецко-мадьярских оккупантов, как и ожидали закарпатские украинцы, пришло с востока. Началось оно с исторической битвы в Карпатах, потребовавшей от наших войск величайшего напряжения сил и великого умения горной войны.

Бойцы и офицеры, впервые попавшие в Карпаты, о которых они знали либо по рассказам отцов, ветеранов Брусиловской армии, либо по учебникам географии, с любопытством оглядывали суровый и дикий край. Они увидели горные вершины, покрытые

Правительственное здание в Ужгороде.

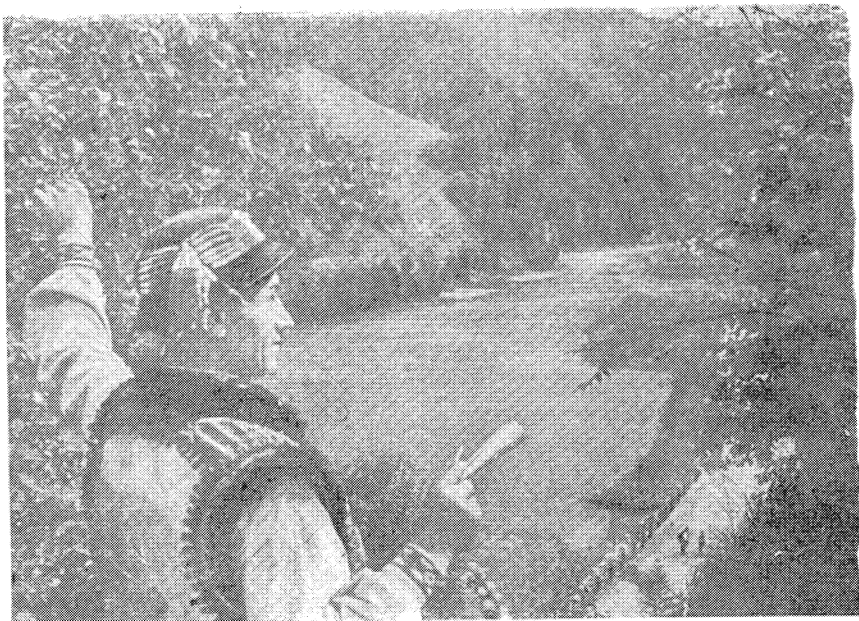

„Морской бой“.

Акварель Г. Нисского.

Художник изобразил боевой эпизод борьбы наших славных подводников-полярников с фашистскими морскими караванами в Баренцевом море.

Слева—торпедированный вражеский транспорт идет ко дну. Наша подлодка, всплывшая на поверхность, ведет артиллерийский бой с немецким конвоем.

В окрестностях селения Жабье.

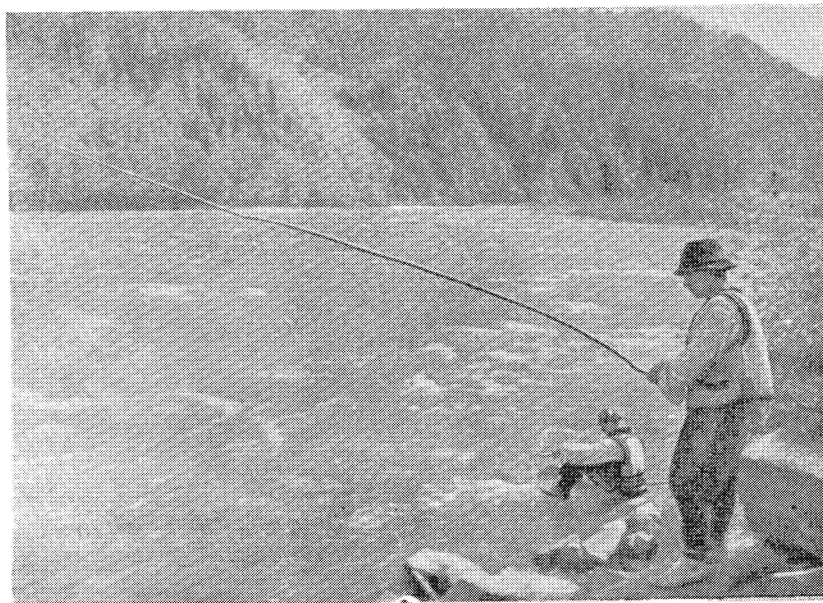
исполиским лесом — сосной, грабом, елью, буком; густые, непроходимые заросли на склонах гор; бурливые горные речки, с шумом и грохотом мчащие свои воды по каменистому ложу меж крутых и скалистых берегов. Здесь редкие дороги и горные тропы с крутыми подъемами и столь же крутыми спусками, пригодные чаще всего только для прохода вьючных лошадей. Маленькие бревенчатые избы лепятся на склонах гор, в узких долинах и глубоких теснинах, тут и там виднеются узенькие полячки бобовых, картофельных и ржаных полей.

Карпатская осень принесла дождь и грязь. Погода менялась по несколько раз в день. Набежавшая туча закрывала солнце, и становилось темно, как ночью. Длинные стрелы молний рассекали темноту, и дикие стозвучные раскаты грома долго грохотали в горах и ущельях, а потоки дождевой воды неслись по горным дорогам. Поднявшиеся горные речки срывали мосты.

Несколько раз в день мокли под дождем и высыхали на ветру под карпатским солнцем солдатские шинели и гимнастерки.

В горах против наступающих стояли дивизии немцев и мадьяр. Враг укрепился в каменной породе и в лесах, укрылся в пещерных выемках под скалами, на гребнях и склонах гор. У дорог, на лесных опушках стояли в засаде вражеские танки, немецкие — с белыми крестами, венгерские — с красно-бело-зелеными ленточками на броне.

Стоило пройти по дороге или показаться на поляне, как начинали бить хитро замаскированные пулеметы и пушки. Найти и увидеть врага здесь не легко. В горах, где нет сплошного фронта, где линия фронта крайне из-

На берегу Черного Черемыша.

ломана и нет тыла, враг всегда может появиться внезапно, там, где его не ждут.

В Карпатах был новый для наших войск театр военных действий, несравнимый ни с каким другим.

Полки и дивизии 4-го Украинского фронта, закаленные в битвах на степных просторах Дона, Украины, нужно было научить действовать в трудных условиях лесистых Карпатских гор; нужно было научить офицеров, солдат уметь быстро ориентироваться в новых условиях.

В Карпатах мало дорог. Несколько железных путей разрушено врагом;

колесные арбные дороги, вьючные тропы были мало приспособлены для передвижения современных войск и подвоза боеприпасов. Мосты в большинстве не годились для прохода танков и автомашин; саперы прокладывали колонные пути по целине, в лесах и горах прорубали просеки, строили мосты. В невиданно короткий срок в Карпатах были проложены сотни километров новых дорог — пешеходных, вьючных, колесных, автомобильных. Проезжая по этим новым дорогам в Карпатах, можно было прочесть гордые надписи: «Саперы майора Столетнего не подведут». И они действительно не подвели. Своей неутомимой работой они помогли войскам подготовить удар в самое сердце Карпат.

Нам, офицерам Красной Армии, повезло: мы были первыми путешественниками в стране, освобожденной от немецко-фашистских захватчиков. Мы продвигались вместе с наступающими советскими войсками. И то, что мы увидели, путешествуя по Закарпатской Украине в дни боев и после войны, навсегда останется в нашей памяти.

Ярко запомнилось утро первого дня свободной жизни в Карпатах.

...Пасмурное солнце выглянуло из-за туч и озарило суровые карпатские вершины, окрашенные его лучами в багряный цвет. Желтеющий лиственный лес на гребнях и на склонах горы казался лесом победных багряных знамен, которыми покрылись Карпаты.

IV

Бесконечные цепи гор. На их зубчатых вершинах, покрытых первым снегом, неподвижно лежат седые облака. Кажется, что они отдыхают, ни-весть откуда заброшенные сюда

Молодежь танцует.

ветрами. Дремучие леса, овеянные холодным дыханием суровой карпатской осени, желто-зеленой лавой сползают по склонам гор в долины. По долинам катятся быстроводные реки и речушки. То тут, то там на горном склоне, в ущелье мелькнет и снова скроется маленькое селение. По извилистой дороге, скрипя и стуча, тащится телега, запряженная парой длиннорогих пепельно-бурых волов. В телеге сидит седоусый в белой шубе, овчиной наверх, и дырявой суконной шляпе старик...

Это — Верховина. Такой мы видели ее впервые, спускаясь по шоссе с вершины перевала.

Вокруг большинства верховинских селений совсем нет пахотной земли. В них живут скотоводы, лесорубы и охотники. В добрые времена здесь на горных лугах — полонинах — бродили стада овец, коз, коров и волов. По утрам звенели сопелки пастухов, как бы перекликаясь между собой. Поздними вечерами, когда стада возвращались с псалонин в пастбища, старые гуцулы-пастухи собирали вокруг себя молодых хлопцев и до полуночи рассказывали им сказки-были — о храбрых звероловах, о героях-гуцулах, которые с львиной силой отражали нападения разбойников. И молодые

хлопцы, слушая стариков, мечтали о том, чтобы стать такими же сильными, храбрыми, как герои древних верховинских сказок-былей. Теперь не слышно на полонинах заливистых звуков сопелок, не видно ни пастухов, ни стад. И селения, даже уцелевшие от разрушительной войны, кажутся мертвыми.

Впрочем, там, где боевая страда прошла стороной, горные селения ожили тотчас же, как только до них донеслась весть о приходе Красной Армии в Закарпатье.

С гор в котловину, где располагались эти селения, сползали узкие полоски отвоеванной у лесных массивов пахотной земли. Подчас они были кривые, извилистые, а иногда напоминали большие коричневые заплатки на зеленом лесном уборе. На полях можно было видеть то, о чем наш колхозный крестьянин давно забыл. Мотыга, деревянная соха и вместо бороны суковатые еловые палки, скрепленные между собой вязкой из липовой коры или лозы, — таков здесь сельскохозяйственный инвентарь. И то и обрабатываются эти клочки земли.

При виде скрипучей деревянной сохи, прыгающей по кочковатой земле, кажется, что ты попал в далекое

прошлое. Но присматриваясь к лицам мужчин и женщин, к их одежде, прислушиваясь к голосам, мы всем своим существом чувствовали, что это — люди, издревле связанные с нами кровным родством. И поэтому особенно понятными становились сердечные возгласы закарпатских горцев: «Вы пришли, братья наши! Спасибо вам, братья наши, за наше вызволение!»

Чем ближе присматривались мы к жителям Верховины, тем острее перед нашими глазами выступала их ужасающая бедность. И в дождливые ноябрьские дни и в декабрьские морозы, когда наши регулировщицы стояли на постах в полушубках и валенках, женщины горных селений брели по дорогам босые.

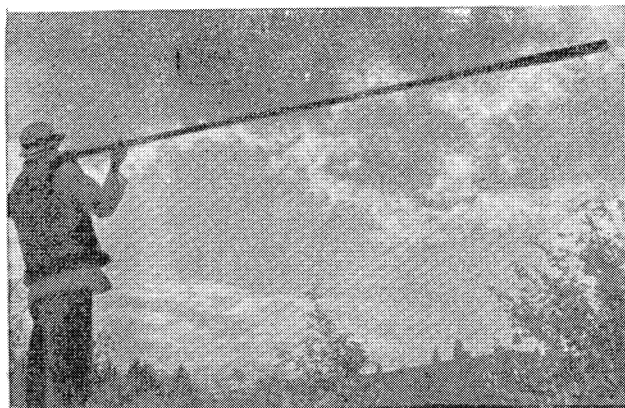
Вспоминается крестьянка из села Турьян-Реметы. Мы встретили ее ранним ноябрьским утром на горной дороге. Она возвращалась домой из соседнего селения с большим узлом за плечами. Был крепкий мороз, какие бывают здесь во второй половине ноября. С обледеневших гор дул пронизывающий ветер, а она, одетая в обычный для этих мест кожух, шерстью наверх, очень похожий на кавказскую бурку, шла совершенно босая. Под ее широкими, одеревяневшими ступнями то и дело похрустывал ледок застывших дорожных луж.

— Как же вы ходите босая? — спросили мы ее.

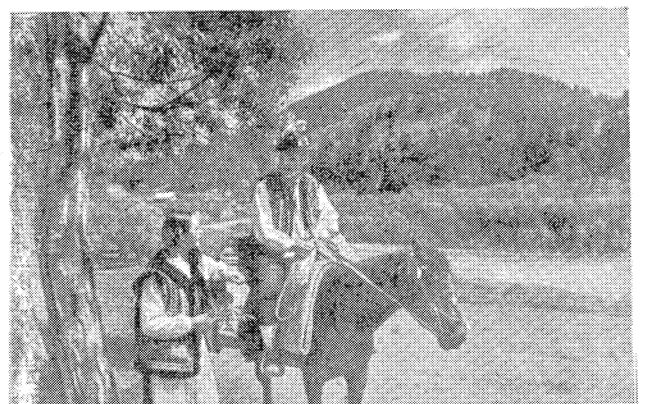
— А так и хожу, родненькие, — ответила крестьянка, переминаясь с ноги на ногу. — Невозможно не ходить: диты плачут, исты хочуть.

Невыносимо тяжелой стала жизнь закарпатских украинцев с тех пор, как страна попала под немецко-мадярское иго. Грабительские руки ненасытных оккупантов забрали почти всех овец, волов, лошадей и коров. Две трети семей районов Русске Поток, Велька, Поляна оказались без своего тягла, без каких бы то ни было хлебных запасов.

В нагорной части Закарпатской Украины скупая, каменистая земля с грехом пополам родит тощее жито и картофель. Зато поистине бесценное богатство Верховины — ее леса: сосновые, пихтовые, буковые. Верховина питала сырьем лесную промышлен-

Игрой на трамбате пастух ссызывает отару.

За околицей.

ленность всей Европы; отсюда шло сырье для шпал, корабельных мачт, мебели, домов, спичек, лопат. Лесные угодья принадлежали немецким и венгерским помещикам. Один барон Шеркгорн владел на Верховине десятками тысяч гектаров лесных угодий.

Необозримы лесные массивы Верховины, но в зимнюю пору многие семьи замерзали от холода в своих нетопленных хатах. Немецко-мадьярские полицейские жестоко расправлялись со всяким, кто позволял себе срубить хоть одно дерево. Дело дошло до того, что даже сухой валежник было строго-настрого запрещено собирать в лесу.

— Геть из леса, голота! — кричали жандармы, увидев крестьян, собирающих сухие ветки.

Наиболее крепкие душой крестьяне становились партизанами и жестоко мстили угнетателям за свои обиды. И лишь старики оставались в насиженных местах.

Так было в недавнем прошлом, так больше не будет никогда.

Солнце радости и счастья взошло над измученной и обездоленной страной — пришла Красная Армия. Мы были свидетелями того, как первые лучи этого солнца, проникнув через

Молодежь в праздничный день

карпатские хребты, зажгли в сердцах измученных людей пламень новой жизни.

...Ночь застала нас в полуразрушенном селении Волосанка. Квартирьер определил нас на ночлег в третью от края хату. Мы постучались в дверь. Навстречу нам вышла старушка лет семидесяти.

— Прошу, прошу, сыны-лицари, — сказала она. — Уж мы вас чекалы, так чекалы...

Через несколько минут мы уже сидели за столом, накрытым полотняной скатертью, в небольшой, но теплой комнате. Старушка сварила нам картофель, поставила его на стол и сказала:

— Кушайте, сыны мои, своими рученьками садыла я картоплю, своими рученьками ховала от немцев, ось вона и прыгодылась.

Потом, посмотрев на нас долгим, внимательным взглядом, она спросила:

— Чы правда, сыны-лицари, шо вси вы посланы сюды самым батьком Сталиным? — спросила она.

— Правда, бабуся, все как есть правда, — ответили мы.

— Дуже прошу вас, дайте мени малюнок Сталина. Дайте, дуже прошу.

К счастью, у нас оказался номер «Правды» с портретом Сталина. Мы тут же вырезали фотографию и вручили старушке. Она долго молча рассматривала портрет. Затем встала на дубовую скамью и прикрепила его в углу, на самом видном месте.

V

Ураган войны, пронесшийся над Карпатами, опустошил сотни селений Верховины.

В Карпатах разыгралось одно из великих сражений Отечественной войны. Немцами и мадьярами была построена в горах линия обороны чудовищной толщи, так называемая линия Арпада (названная так по имени древнего вождя венгров). В течение

почти двух месяцев шла битва в Карпатах.

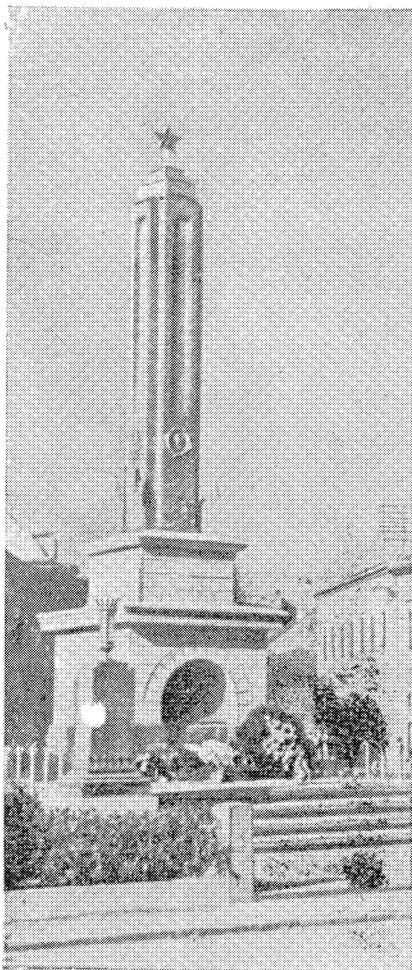
26 октября Красная Армия вступила в Мукачево. На всех домах тогда вспыхнули красные флаги. На центральной площади, у свежих могил наших воинов стихийно возник митинг, на котором мукачевские жители, не зная еще советских песен, с трогательной наивностью пели старую песню русских гусар «На солнце оружием сверкая», слышанную ими, повидимому, в дни прошлой мировой войны от наших солдат...

Мукачево стоит у подножья гор, на том месте, где быстрая Латорица выходит из Карпат на великую придунайскую равнину. Горы окружают город полукольцом. Склоны их покрыты виноградниками и садами. В горах лежит снег и бушуют метели, а здесь, на бесснежной равнине, сравнительно тепло и зеленеют луга.

В стародавние времена Мукачево был резиденцией подольского князя Корьятовича, культурным центром страны. Памятники далекой старины — древний кремль, возвышающийся на высоком склоне за городом, приспособленный мадьярами под казармы, старинный монастырь и православная церковь, построенная из дерева и сохранившаяся, несмотря на свои 360 лет, — это наиболее интересные достопримечательности, свидетельствующие о вековой славянской культуре города.

В городе насчитывается около 25 тысяч жителей. Подавляющее большинство мукачевцев — ремесленники, мебельщики, сапожники, портные, торговцы, садоводы и виноделы, рабочие виноградных и табачных плантаций. Плантации эти ранее, как правило, принадлежали венграм. Из двадцати пяти тысяч жителей две-три тысячи составляли мадьяры, остальные — украинцы и русины.

Уже через месяц после освобождения Мукачево производил впечатление города, в котором жизнь вошла в

Памятник погибшим бойцам Красной Армии в гор. Мукачево.

нормальное мирное русло. Открылись магазины, аптеки, мастерские; ненавистные мадьярские вывески стерты и заменены вывесками на русском и украинском языках.

Запомнились нам торжественные минуты подписания манифеста о воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной, когда делегаты Гуцульщины, делегаты Раковского уезда, делегаты старинного Ужгорода, земледельцы и виноградари Берегова и Хусты подписали своими скрепками этот исторический документ.

Из окна кабинета председателя народного комитета города видна центральная площадь, названная мукачевцами Красноармейской. На площади — черные мраморные пирамидки над могилами бойцов и офицеров, павших в бою за освобождение Мукачево. Здесь погребены офицер Иван Посулин, уроженец Майкопа, сержант Алексей Кузнецов и пять мукачевских партизан, расстрелянных в Хусте венгерскими оккупантами. Их могилы знаменуют скрепленное кровью братство закарпатско-украинского и советского народа. Каждое воскресенье женщины приносят на могилы героев венки, свежие цветы. Горожане построили на площади величественный памятник советским героям, павшим в бою за освобождение Мукачево.

Отсюда до Ужгорода — сорок четыре километра. Ужгород стоит на трех холмах, на солнечном сплетении дорог Закарпатской Украины. Глубокий и быстрый Уж, выходя из гор, делит город на две части.

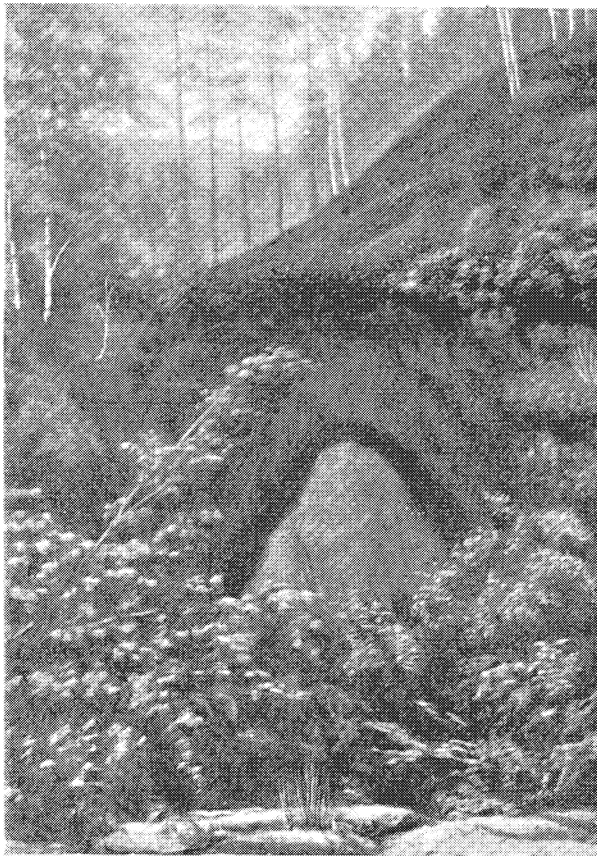
Ужгород — древняя столица князя Лабора, самое древнее селение Закарпатской Украины, город с тысячелетней историей. Его можно назвать пращуром закарпатских городов. В давние времена он был, как и теперь, политическим, культурным центром страны, очагом ее культурно-национальной жизни. Судьба его тесно связана с судьбой народа, осмелившегося в далекой старину перевалить через Карпатский хребет.

В белом многоэтажном здании — бывшей резиденции венгерского регентского комиссара (управляющего Закарпатской Украиной) — находится Народная Рада, избранная съездом народных комитетов в Мукачево.

Первые декреты Народной Рады — о наделе землей безземельных и малоземельных крестьян, о наделе лесом погорельцев, о национализации имущества врагов народа, бежавших с немецко-венгерскими захватчиками, о помощи жертвам фашистского гнета, об учреждении университета и многие другие — встретили всеобщее одобрение населения. Рабочие, крестьяне, интеллигенты увидели в Народной Ра-

КАРСТОВАЯ АРКА НА УРАЛЕ

Фото проф. В. Зенковича.

В дремучем лесу на берегу реки Нугуш на Урале я нашел величественную арку метров десяти высотой, выточенную в известняковом обрыве. Долго мне пришлось продира́ться сквозь ельник и кусты бересклета, чтобы найти подходящую точку зрения и сфотографировать этот причудливый природный мост.

Пройдя под ним, я попал в узкую долину, которая вскоре кончилась известняковой стеной. Дальше шла главное понижение с глубокими коническими ямами, похожими на гигантские воронки от снарядов.

Все это карст, результат деятельности подземных вод в

растворимых породах, например в известняках. По трещинам вода уходит в толщу породы и образует целые подземные реки. Каждая трещина затем расширяется и превращается в воронку. По мере того как подземная река протачивает себе все более широкий туннель, промежутки между воронками обваливаются. Река становится надземной, но течет по ложу, окруженному крутыми стенами известняка. Иногда перемычка между воронками настолько массивна, что не обрушивается и, таким образом, остается на месте в виде арки. Таково и происхождение арки, изображенной на этом снимке.

де и в народных комитетах свою истинную власть, которая заботится о нуждах народа, об экономическом и культурном росте страны.

Везде, где нам приходилось бывать, народ преисполнен горячей благодарности к Красной Армии.

— Карпаты уже не разделяют

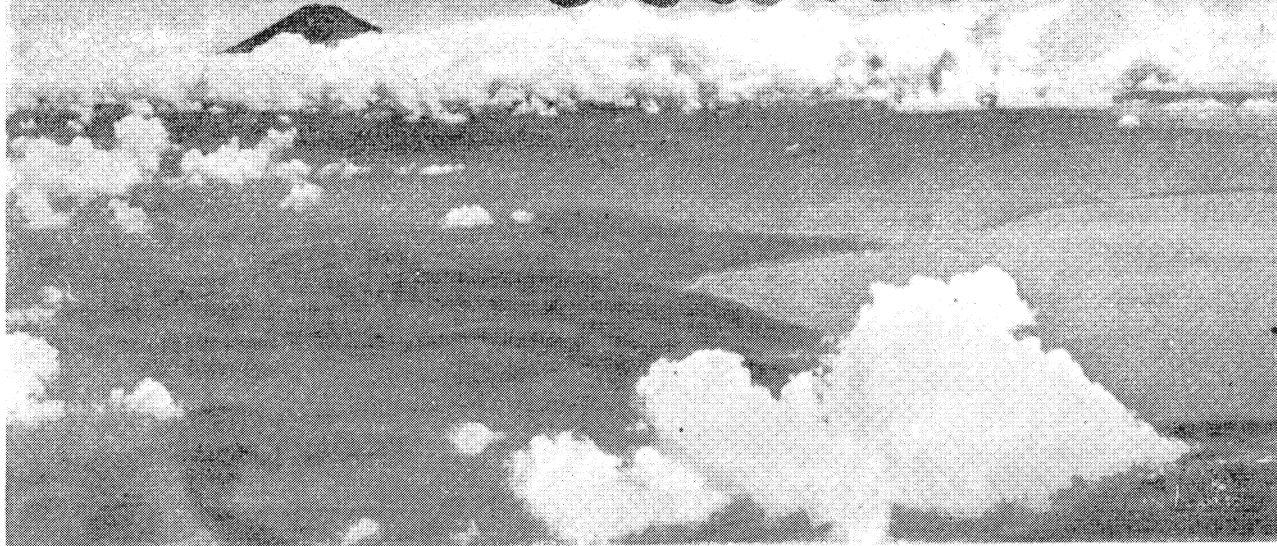
нас, — говорят закарпатские украинцы, — теперь мы едины.

В окно видна площадь, на ней красные обелиски, увенчанные пятиконечными звездами. Ужгородцы построили мраморный памятник героям, павшим в бою за освобождение их родного города.

Вечерет. Седые Карпаты темнеют, сливаются с горизонтом. Город озаряется электрическим светом. И этот свет радует жителей горных селений Закарпатской Украины, возрожденной для новой, свободной и светлой жизни.

В побежденной Японии

НИК. БОГДАНОВ

(Окончание)

Фото Н. Петрова

4. ПОБЕДА В МАНЬЧЖУРИИ

Для чего предназначалась Квантунская армия? — Последняя ставка японской военщины. — Штурм Маньчжурской крепости. — Победа советского оружия.

Побывав в Японии, можно ясно представить все значение нашей победы в Маньчжурии. Конечно, наши союзники за четыре года войны, оправившись от ряда поражений и неудач, нанесли японцам много сильных ударов, особенно на море, но сухопутная армия Японии была цела. Безусловно, союзники, заняв Филиппинские острова и остров Окинава, создали для японского судоходства немалые трудности. Но японцы предприняли поход против войск Чан Кай-ши в Китае, проложили себе прямую дорожку в Индо-Китай и этим путем наладили свои коммуникации со странами южных морей. Они перевели флот в Желтое море, и такие порты, как Дайрен, Порт-Артур и Гензан, стали играть основную роль в снабжении Японии продовольствием и стратегическим сырьем.

Япония перевела в Маньчжурию, недостижимую для бомбежек американской авиации, половину своей военной промышленности и надеялась продолжать войну до тех пор, пока союзники не утомятся и не пойдут на выгодный и почетный для нее мир.

Падение двух атомных бомб, причинивших значительные разрушения городам Хиросима и Нагасаки, не сломило сопротивления японской военщины. Богатые люди уехали в свои имения или на курорты южной Маньчжурии и Кореи, и война продолжалась.

Но лишь только в войну вступила советская держава, верная своему союзническому долгу, на второй же день японский император изъявил свое согласие капитулировать.

Однако после того, как к советскому послу в Токио явился представитель японского правительства и выразил готовность императора капитулировать, японская армия в Маньчжурии не сложила оружия. Пока шли какие-то дипломатические проволочки и министры дво-

ра торговались насчет неприкосновенности прерогатив императорской династии, на сопках Маньчжурии начались боевые действия. Японские войска даже попытались перейти в контрнаступление против Красной Армии. В Токио нам рассказали некоторые подробности этого на первый взгляд непонятого явления.

Оказывается, при дворе императора велась очень хитрая игра: японцы решили сохранить легенду о непобедимости своей армии. Для этого Квантунской армии дали возможность скрестить свое оружие с советскими войсками.

Военный министр генерал Анами уверил придворную клику, что Квантунская армия, самая сильная и лучшая в Японии, конечно, сумеет одержать ряд успехов. Ведь она предназначалась когда-то для завоевания Приморья и Сибири, готовилась к походу до Урала. Когда гитлеровцы штурмовали Сталинград, японские газетчики даже предлагали ей попить своих коней в Волге.

Так неужели эта армия, в которой собран цвет японского воинства, не сможет одержать несколько побед, хотя бы над отдельными советскими частями, в оборонительных боях? Японцам нужна была хоть какая-нибудь «победка», чтобы прошуметь о ней на весь мир и тут же издать рескрипт императора о прекращении войны. И тогда получилось бы впечатление, что «непобедимые» японцы прекращают войну лишь по доброй воле императора.

Японские дипломаты и генералы были уверены, что им удастся этот фокус.

Посмотрите на карту — какие сильные позиции занимала Квантунская армия! Маньчжурия вдавалась в советскую территорию, словно угрожающий кулак. Отсюда можно было наносить удар и на запад, к Байкалу, и на север, чтобы отрезать от Советской страны Дальний Восток, и на восток, чтобы захватить Приморье.

Штурмовать Маньчжурскую крепость было очень трудно. С северо-запада ее прикрывал никем не про-

Наши моряки в Порт-Артуре. (Фото П. Рогозинского.)

ходимый еще Хинганский горный хребет — дикое нагромождение скал и пропастей, южнее шли безводные пустыни Чахара, с востока снова горы. А все удобные проходы были заставлены укреплениями. Железобетонные доты-ансамбли занимали участки до сорока километров в глубину.

Японские генералы думали измотать наступающую Красную Армию на этих преградах, а затем, перейдя в контратаки, нанести поражение отдельным прорвавшимся частям.

Но все их надежды были развеяны в прах мастерством советских генералов и доблестью войск. Красная Армия нанесла удар по всем правилам сталинской военной науки и со всей мощью советской военной техники.

Маршал Мерецков, поставив на километр фронта до двухсот пятидесяти орудий, как орехи, расколол японские укрепления и после штурма Муданьцзянского укрепленного района открыл себе путь к столице марионеточной империи Маньчжоу-Го — городу Чанчуню. Сорок тысяч трупов японских солдат устлали его победный путь.

В то же время маршал Малиновский провел лавины танков через Хинган, и они совершенно неожиданно для японцев появились перед Харбином и ринулись к Чанчуню, замыкая клещи вокруг Квантунской армии.

Громадные конно-механизированные соединения, в которые входили и танки, и мотопехота, и отважные монгольские кавалеристы, прошли через безводные степи Чахара и появились в глубоком тылу японцев, отрезав им все пути бегства. Танки появились в легендарном Порт-Артуре вместе с парашютным десантом моряков.

Водовозами во время похода через пустыни служили нам не верблюды, а сотни самолетов. В большие самолеты вставлялись резиновые баллоны, накачивались водой, и сотни «воздушных водовозов» летели поить моторы и людей.

В несколько дней рухнули все преграды. Под ударами с трех сторон Квантунская армия стала рассыпаться.

Сталинские соколы господствовали в небе Маньчжурии. Они разбомбили железные дороги, нарушили связь, не дали японцам маневрировать.

Паника охватила и генералов и солдат японской армии. Суеверные солдаты императора, которых приучали твердо верить в помощь богов и в особенности «родственницы» всех японцев — богини Аматерасу, вдруг увидели что-то невероятное. Боги словно отвернулись от них. Советские танки, как по волшебству, перенеслись через пустыни, болота и горы и уничтожают «потомков богов». А японские пушки стреляют, но бесполезно — снаряды не берут советскую броню!

В течение недели все было кончено. Сдался в плен и командующий Квантунской армией со своим штабом и марионеточный император Маньчжоу-Го Пу И. Узнав о позорном разгроме, бегстве и сдаче в плен своих незадачливых вояк, военный министр Анами в отчаянии зарезался.

Так и не удалось японским хитрецам одержать хоть какую-нибудь «победку». Об этой провалившейся авантюре сейчас в Японии молчат, как «в доме повешенного не говорят о веревке».

Победа Красной Армии в Маньчжурии развеяла легенду о непобедимости японской армии и поставила самураев на колени. Императору пришлось уполномочить своих обанкротившихся министров и генералов подписать акт о безоговорочной капитуляции.

5. НА БОРТУ ЛИНКОРА «МИССУРИ»

От Иокагамской гавани до Токийской бухты. — Знаменательные встречи. — «Пять минут позора». — Акт подписан. — Исторические сувениры.

Ровно в семь часов утра 2 сентября 1945 года в Иокагамский порт был подан миноносец «Тэйлор», чтобы доставить корреспондентов союзных стран на борт линкора «Миссури», стоявшего на внешнем рейде Токийской бухты. Нас уже было теперь двести сорок человек.

«Священная» сосна в парке Мейдзи, под которой совершали хакари японские вояки, огорченные проигрышем войны.

Шумная компания заполнила палубу небольшого корабля. Тут были и австралийцы в широкополых шляпах, и новозеландцы с черными усиками, и смуглые филиппинцы, и очкастые китайцы, и англичане в морских фуражках, и разбитные американцы.

Все корреспонденты, кино- и фоторепортеры имели значки и гербы своих газетных компаний и фирм, были увешаны оружием разных марок и оснащены пишущими машинками, кино- и фотоаппаратами.

Легкий ветерок разгонял туман, стоявший над берегом, и перед нами вырисовывались очертания Иокагамской гавани, со множеством причальных пирсов, над которыми возвышались стрелы подъемных кранов. Виднелись громады стапелей корабельной верфи. И все это как бы оцепенело, застыло в бездействии.

Миновав маяки, стоявшие на волнорезах, мы вышли на простор и увидели армаду союзных кораблей, стоящую у берегов Японии. В центре возвышались линкоры. Рядом с «Миссури» стояли его «родные братья» — линкоры «Айова» и «Южная Дакота». В той же линии виднелись лучшие линкоры английского флота — «Георг V» и «Герцог Йоркский». И дальше вырисовывались многочисленные крейсера, авианосцы и транспортные суда, прибывшие сюда с войсками для оккупации Японии.

Линкор был убран флагами союзных наций. Матросы — в белой парадной форме. Играл оркестр. Общее праздничное настроение передалось и нам.

На капитанском мостике «Миссури» были вывешены какие-то картинки. На них изображены подвиги корабля в этой войне. Запомнилась одна из этих картинок, юмористическая, посвященная японскому «камикадзе». Один японский «смертник» сумел спикировать на корабль и врезался в его борт вместе со своим самолетом. Линкор устоял. Теперь в насмешку над «камикадзе» его изобразили в виде комара, разбившегося о броню линкора.

Но шутки шуткам, а японские пикировщики и вправду действовали американцам на нервы. Огромная палуба корабля заставлена зенитными установками. Где

только возможно, смонтирована парочка стволов. Здесь можно было видеть и дальнебойные зенитки, и скорострельные «чикагские пианино» — орудия, в которых восемь спаренных стволов, и универсальные орудия для стрельбы и по катерам и по самолетам.

Перед капитанским мостиком, у правого борта мы увидели стол, накрытый зеленым сукном, и установленный около него микрофон. Места было мало — площадь ограничивала башня главного калибра. Корреспондентский корпус пришлось размещать как бы на «галерке» — на башне главного калибра, капитанском мостике, зенитных установках.

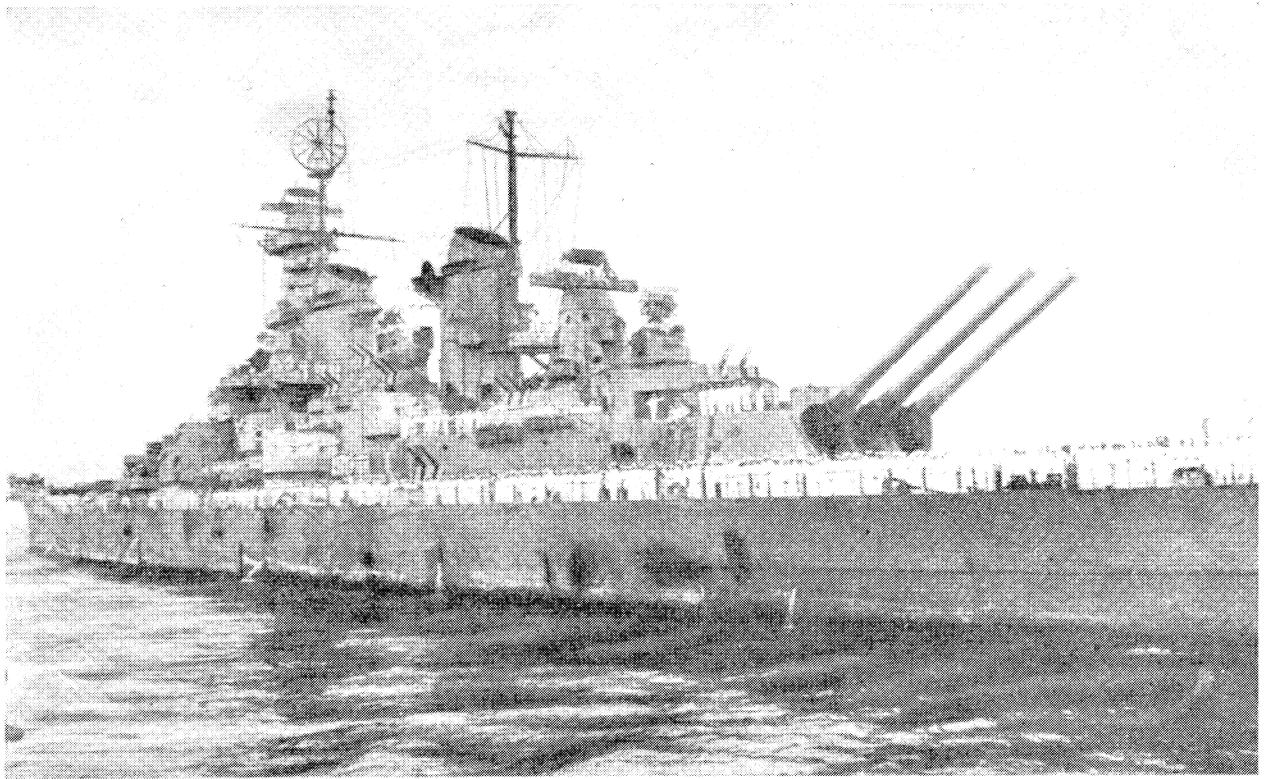
Немало было споров среди фото- и кинокорреспондентов. Но вот все расположились. Нам досталась башня главного калибра, с которой было довольно хорошо видно и слышно.

Первыми съехались американские адмиралы и генералы. Они вели себя весело и непринужденно, как дома. Вот появился командующий соединением авианосцев адмирал Шафрот, добродушный толстяк. Его увидел вице-адмирал Маккей. Подошел, по-приятельски похлопал по животу, и, обнявшись, они стали ходить по палубе.

В своих свободных спортивных костюмах американские адмиралы напоминали охотников, собравшихся на пикник после окончания облавы.

Официальные представители союзных стран прибывали на миноносцах. Обратили на себя внимание английские адмиралы. Их возглавлял знаменитый моряк Англии адмирал сэр Брюс Фрезер. Советское правительство наградило его орденом за отличную охрану караванов судов, ходивших в Мурманск и Архангельск. Все английские адмиралы явились в легкой тропической форме. На них сверкали белые безрукавки, белоснежные трусики, белые носки и туфли. Этот костюм выделял красные, обветренные лица английских «морских волков».

На миноносце «Букован» прибыла советская делегация во главе с генерал-лейтенантом Деревянко. Его сопровождали генерал-майор авиации Воронов и контр-

Линкор «Миссури», на борту которого был подписан акт о капитуляции Японии.

адмирал Стешенко. Широкоплечие, статные советские делегаты вызывали всеобщее внимание.

Когда собрались все делегаты стран-победительниц, на маленьком катере привезли японскую делегацию. Ей пришлось подниматься по трапу. На палубе наступила тишина. Всем хотелось разглядеть побежденных самураев.

В этой тишине раздался странный стук, как будто по трапу поднималась сказочная Баба-яга Костяная нога. Это стучал своим протезом хромой Сигемицу, главный уполномоченный японского императора, министр иностранных дел.

Ногу он потерял в Китае во время парада японских войск; один китайский патриот бросил бомбу в группу японских генералов, среди которых находился и Сигемицу. Теперь этому верному слуге японского империализма предстояло расписаться в поражении императорской Японии.

Вначале над палубой появился его черный цилиндр. На бледно-желтом лице выделялась черная оправа очков. Японский министр был в черной визитке. Он опирался на палку, с трудом волоча хромую ногу. Его поддерживали два секретаря, тоже в цилиндрах, мрачные, как факельщики на похоронах.

Вслед за этой траурной группой скромно выступали японские генералы во главе с начальником штаба генералом Иошихиро Умедзу. Они не осмелились надеть свой яркий орден с изображением белых слонов и восходящего солнца, пожалованные императором за кровавые заслуги. Самурайские мечи у них отобрали. Эти наглеты, мечтавшие завоевать весь мир, шли теперь жалкой, растерянной кучкой. Они старались ни на кого не смотреть. Но им не удалось скрыть под маской равнодушия своей бессильной злости.

Вот их лодвели к столу и поставили напротив делегаций стран-победительниц. Пять минут японцы стояли при полном молчании окружающих, даже фотоаппараты не щелкали. Это «пять минут позора», предусмотренные программой церемонии.

После этой «выдержки» генерал Макартур, как главнокомандующий силами союзников на Тихом океа-

не, произнес краткую речь о победе над Японией и предложил японцам подойти к столу и подписать акт о безоговорочной капитуляции.

Огромные листы акта разложены на столе. Крупными буквами напечатан по-английски первый экземпляр и крупными иероглифами второй, японский. Сигемицу подходит к столу, снимает цилиндр, садится на стул и достает свою автоматическую ручку.

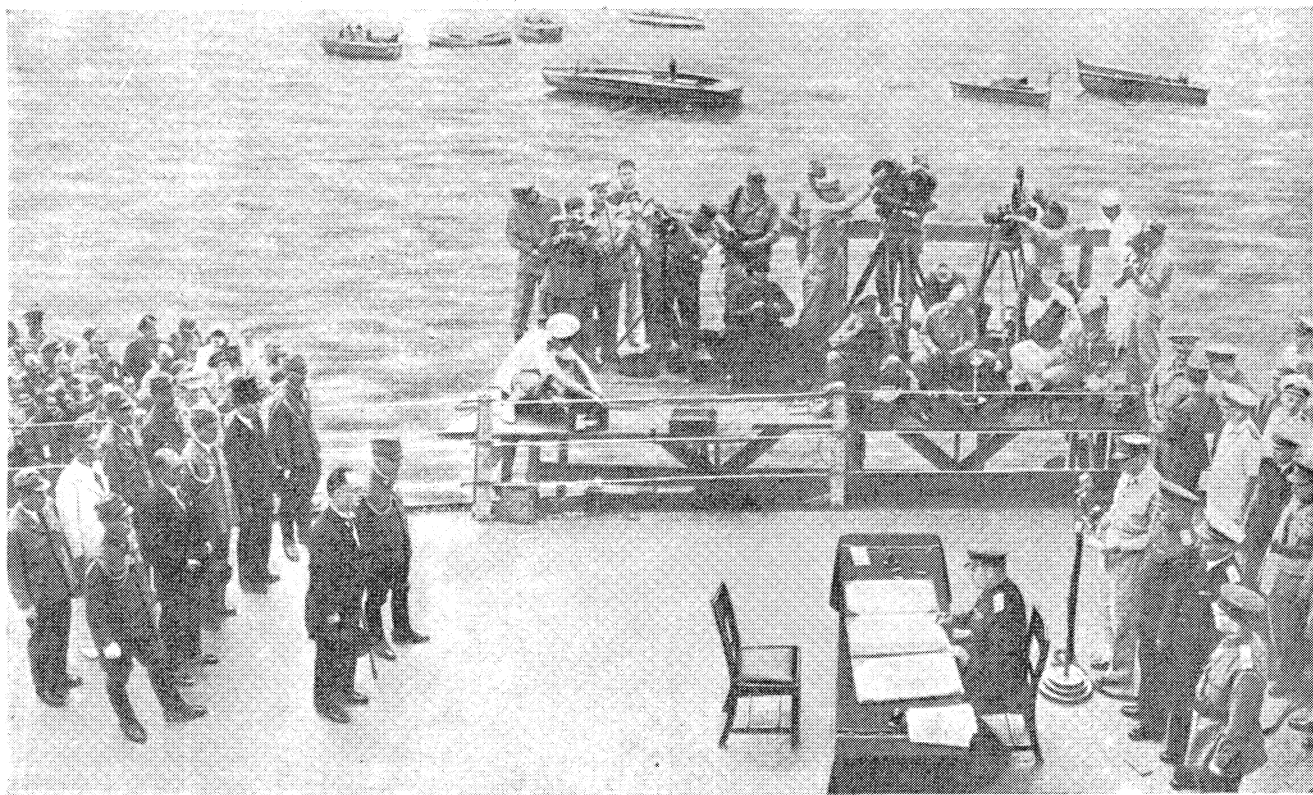
И вдруг неожиданная заминка — ручка не пишет. То ли в ней нет чернил, то ли она неисправна. Японский политик даже растерялся. Такая ответственная историческая минута, на него смотрят тысячи глаз, его снимают сотни аппаратов, а он подписаться не может. Секретарь догадался подсунуть ему свою ручку, и Сигемицу, торопливо начертив иероглифы, поднимается и отходит прочь, не сдержав глубокого вздоха.

Вслед за ним подходит к столу генерал Умедзу. Этот воюка расписывается в своем поражении с таким равнодушным видом, как будто он каждый день подписывал такие бумажки. Но все же и ему не удается показать себя истинным самураем: ведь по кодексу самурайской чести он бы должен засмеяться, прижатый к стенке врагами.

Японские делегаты подавлены значимостью этих исторических минут. Такого позора еще не было в истории Японии.

Когда от имени вооруженных сил союзников подписывался генерал Макартур, он, словно в насмешку над японским дипломатом, у которого была одна ручка, и та плохая, достал из кармана блузы полную горсть автоматических ручек. Разложив их на столе, выбрал пару самых красивых и подписал — японский текст одной, английский другой. Эти две исторические ручки он тут же подарил двум своим генералам — Персиваллу и Уэнрайту.

Эти генералы вместе с Макартом сражались на Филиппинах против двухсоттысячной армии свирепого японского генерала Ямасита. Когда Макартур, вырвавшись из окружения, отплыл в Америку, они боролись

Генерал-лейтенант Дервянко подписывает акт о безоговорочной капитуляции Японии.

до последней черты и были взяты в плен. Уэнрайта освободила в Маньчжурии Красная Армия.

На лицах генералов следы перенесенных лишений. Но с какими радостными улыбками принимали они драгоценные подарки Макарура! Ведь таких исторических ручек будет только две в Америке. Какие редкостные сувениры!

Японцы стояли, не поднимая глаз. Они не пошевелились, когда к столу победителей подошла делегация Китайской республики, представители народа, которому в течение ста лет японцы причинили столько бедствий. Китай первым подвергся нападению, и в числе первых ставят подписи его представители.

Хмуро поглядывая на японцев, ставит свою подпись английский адмирал сэр Брюс Фрезер.

Вдруг треск киноаппаратов усиливается. К столу подходит советская делегация. Тут пошевелились и доселе неподвижные японцы. Поднял голову Сигемицу. Йошихиро Умедзу смотрит исподлобья, как советский генерал просматривает листы акта и неторопливо скрепляет своей подписью победу советской державы над своим давнишним врагом.

Наступает историческая минута расплаты. Ее ждал наш народ сорок лет. И вот зачеркнут позор царской России. «Варяг» и «Кореец» отомщены потомками.

После генерала Дервянко ставят свои подписи представители Австралии, Канады, Голландии, Франции и Ново-Зеландии.

Акт подписан. Подведена черта столетнему периоду японской кровавой агрессии.

Макартур говорит заключительную речь и приглашает делегатов союзных стран в салон линкора «Миссури» на банкет. Победители, подписавшие акт, уходят. Кучка делегатов побежденной Японии остается. Американские офицеры зашнуровывают листы акта в солидную папку и вручают японским представителям, — они должны доставить подлинник своему императору. Некоторые корреспонденты запечатлевают этот момент.

Завершает церемонию парад американской авиации. Плавно, в строю клиньев, проносятся «Летающие крес-

пости», бомбившие Токио; с ревом, на бреющем полете пролетают истребители и торпедоносцы.

Японские делегаты смотрят вверх. Даже цилиндры руками поддерживают, чтобы не свалились. Получается смешно. Корреспонденты фотографируют. Заметив это, Сигемицу что-то сердито говорит своим коллегам. Стукнув тростью о палубу. Японцы спохватываются и горюпкой кучкой спешат к сходам, где их ждет легкий катер.

Корреспондентский корпус снова грузится на миноносец «Тэйлор» и спешит к своим самолетам и радиостанциям, чтобы рассказать всему миру, как был подписан акт о капитуляции Японии на борту линкора «Миссури».

6. В ЯПОНСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

Уловка «божественного микадо». — Депутаты под надзором полиции. — О чем здесь спорят? — Японский парламент — антинародное учреждение.

На второй день после подписания акта о капитуляции мы получили приглашение на открытие очередной сессии японского парламента. Как писалось в газетах, сессия будет посвящена «переходу нации к мирному процветанию».

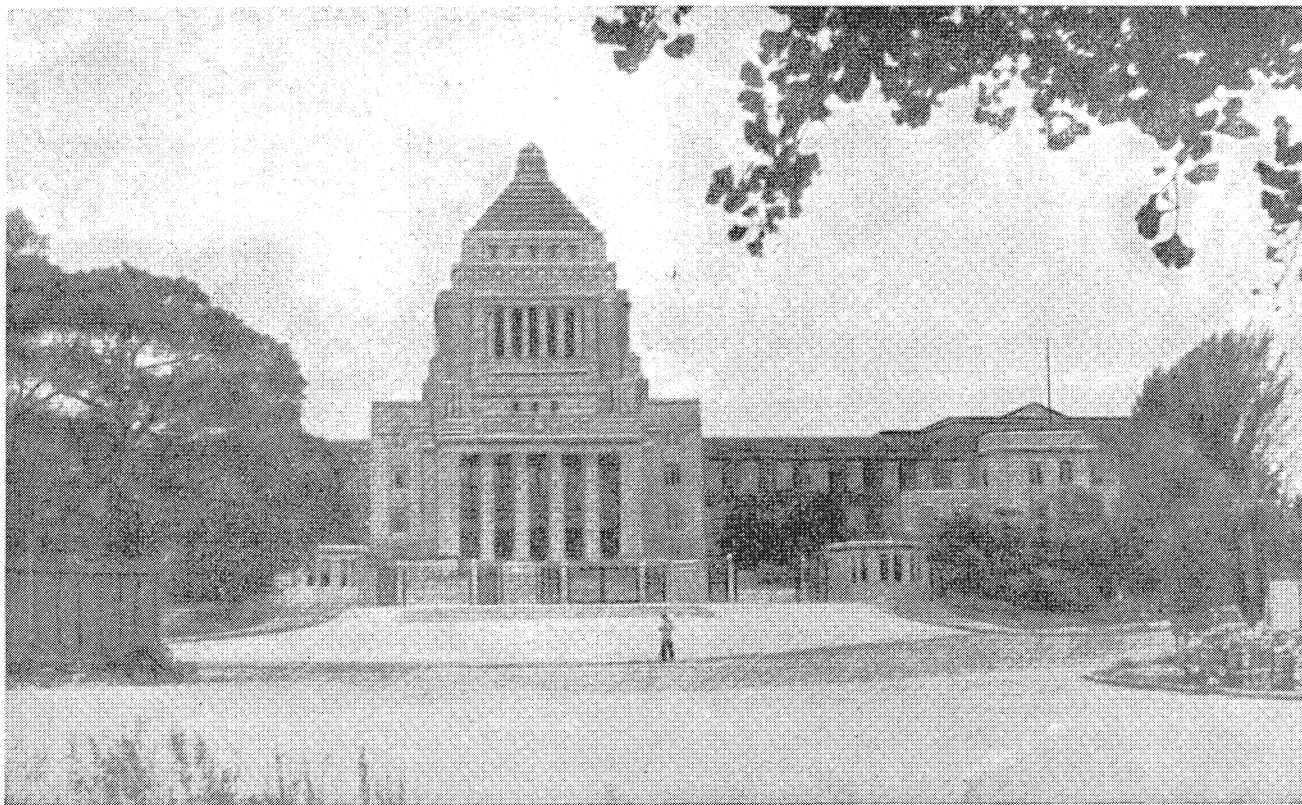
Открывать парламент должен был сам император.

Нам хотелось послушать, что будут говорить в японском парламенте руководители страны, потерпевшие столь сокрушительное поражение.

Некоторые наши иностранные коллеги любопытствовали взглянуть на единственного «живого бога» на земле — японского императора.

И вот на двадцати «виллисах» мы отправились в путь. Открытие парламента было назначено на десять тридцать утра. Мы поспешили приехать к десяти.

По дороге нам рассказывали всевозможные анекдоты о случавшемся в японском парламенте. Отец теперешнего императора, отставленный потом от трона из-за слабоумия, проделал такой фокус. Однажды, когда ему подали свиток с его тронной речью, он, вместо

Здание японского парламента — рабское подражание прусским архитектурным образцам.

того чтобы развернуть и прочесть, взял этот свиток, подудел в него, как ребенок в дудку, и уселся на свой мягкий трон.

Его достойный преемник решил избежать встречи с корреспондентами. Когда мы приехали, то оказалось, что он пришел в парламент раньше времени, открыл его за час до назначенного срока и быстро удалился. Не захотел показаться победителям!

На все претензии придворные с вежливыми улыбками, прижимая руки к груди, отвечали, что их император — божество, у него божественная воля и он может уйти и притти, когда угодно. Тут уж ничего не поделаешь!

В здании парламента пустой трон, украшенный гербом, возвышается над президиумом, и ему обязан кланяться каждый депутат, входя в зал. Ораторы, прежде чем начать речь, три раза кланялись трону.

И это не только традиция. В японском парламенте депутаты ответственны не перед народом, а перед императором, министры — не перед парламентом, а тоже перед императором. Парламент в целом призван помогать императору советами, а уж его дело принимать их или отвергать.

Первый параграф японской конституции начинается словами: «Японская империя управляется династией императоров, царствующей непрерывно вечные времена».

Парламент довольно своеобразный, только внешне он напоминает европейские образцы, с которых был скопирован.

Здание отделано довольно богато. В палате пэров, где мы были, места депутатов расположены амфитеатром. Пюпитры из полированного дерева, а сиденья обиты кожей и бархатом. Много сидений именных, фамильных. На них гербы, иероглифы пожизненных депутатов. В верхней палате заседают по праву наследства японские принцы крови, князья, маркизы, бароны и представители сверхбогачей, назначенные императором.

Депутаты нижней палаты, или палаты представителей, заседают отдельно. Сегодня они присутствовали только на открытии, чтобы узреть своего императора, и удалились.

В нижней палате правила уже другие. Там кресла также обиты кожей, но поглубже, именных мест нет. Зато за каждым креслом депутата стоит полицейский. Главный полицейский сидит в специальной кабинке над президиумом с палочкой-указкой, как дирижер. Когда кто-нибудь из депутатов слишком расшумится, он дает знак, и полицейский «приводит депутата в порядок», не сходя с места. Это уж чисто японское изобретение.

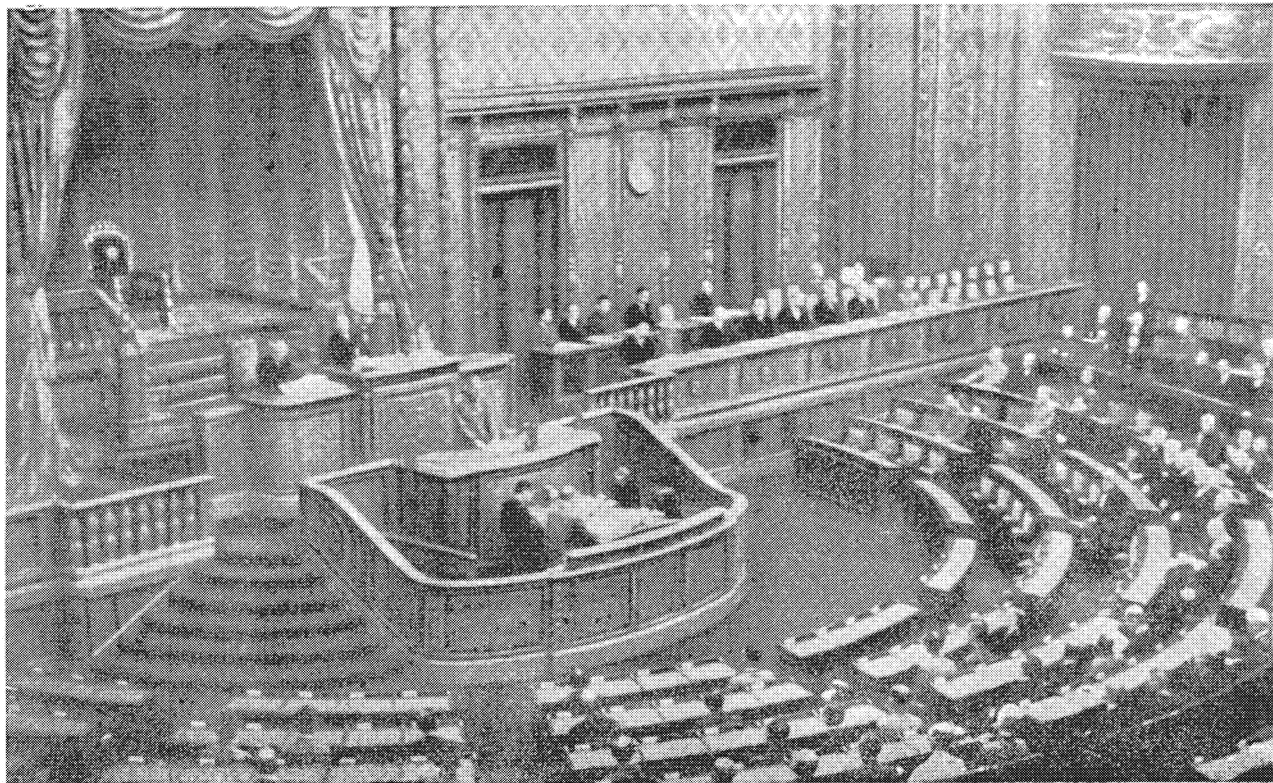
Мы поинтересовались, почему нужны такие крутые порядки, что за люди эти «народные представители».

Действительным представителям народа в японский парламент попасть невозможно. В его составе нет ни одного рабочего, ни одного крестьянина. Для того чтобы выставить свою кандидатуру на выборах, необходимо внести залог в две тысячи иен. Если кандидат не соберет положенного числа голосов, деньги конфискуются в пользу правительства. Император имеет от выборов немалый доход. В 1928 году эти штрафы дали казне 999 тысяч иен — почти миллион золотом!

Не каждый может сыграть в такую азартную игру.

В палате заседают представители купечества, помещиков и фабрикантов. Некоторые крупные предприятия имеют своих ставленников. Например, компания Южно-Маньчжурской дороги истратила на проведение своих кандидатов в парламент миллион иен, концерн «Мицуи» — 450 тысяч иен. Голоса избирателей в Японии во время выборов покупают. Средняя цена была одна иена за голос. Во время выборов всегда возникал кризис, нехватало бумажек стоимостью в иену.

Избиратели рыбацкой деревни неподалеку от города Мито однажды предложили свои голоса двум враждующим кандидатам, кто больше даст, но слишком долго торговались и в конце концов отдали оптом по дешевке.

Палата пэров японского парламента. Этому пустому креслу императора обязан кланяться каждый орагор.

При этом происходит немало ссор и насилий. Председатель партии сейюкай Инукай-Ки даже гордится, что он одолел своего конкурента. Вспоминая предвыборную борьбу, он писал:

«Мне пришлось перенести тяжелые испытания. Мой дом, расположенный на берегу, был окружен так называемыми «соши» — бандитами, которые держали в руках обнаженные мечи. То были агенты, которые пытались помешать мне в избирательной кампании, не давая выйти на собрание.

Но я не дал себя победить: я также нанял известного соши, некоего Ичики Сатайро, который располагал тридцатью сильными людьми...

Мой противник Кио-Хей, председатель пивоваренной компании, затратил на выборы 50 тысяч иен, а получил всего тысячу голосов, тогда как я, затратив всего тысячу иен на наем соши, получил шесть тысяч голосов. Я был счастлив, что одержал такую блестящую победу».

Нельзя без улыбки читать эти воспоминания старшего японского парламентария.

Места в парламенте брались с бою. Из-за чего же там ссорились депутаты?

Последняя драка в парламенте была в 1942 году. В ту пору, когда гитлеровские войска подошли к Волге, чтобы найти себе могилу под Сталинградом, японские парламентарии встревожились, как бы им не опоздать к дележу шкуры еще не убитого «русского медведя». Они устроили бунт. Требовали от правительства немедленного нападения на Советский Союз. Но более осторожные возражали, предлагая вначале победить Америку, а уж потом Россию.

В результате подрались. На два часа пришлось прервать заседание парламента.

Вот из-за чего горячились японские парламентарии, кстати говоря, те самые, которых мы теперь наблюдали на заседании.

Сейчас они смиренные, ведут себя тихо, пришли в поношенных европейских костюмах, чтобы отстраниться от военщины.

Но дело свое знают. Одним из первых вопросов, который они поставили перед правительством, был вопрос не о наказании виновников войны, не о каких-либо реформах, — нет, «о вознаграждении промышленников, потерпевших убытки во время войны при выполнении военных заказов»... на кругленькую сумму — в несколько миллиардов иен!

Премьер-министр заявил в парламенте по поводу виновников войны:

«Нет такого закона, на основании которого можно было бы карать лиц, ответственных за войну. Вновь устанавливать такой закон было бы политически недопустимо. Это создало бы опасность для жизни граждан».

Услышав такие ободряющие слова с трибуны парламента, военный министр Симомура вышел и глубоко поклонился депутатам. Оказывается, военный министр извинялся перед парламентом за неудачную войну.

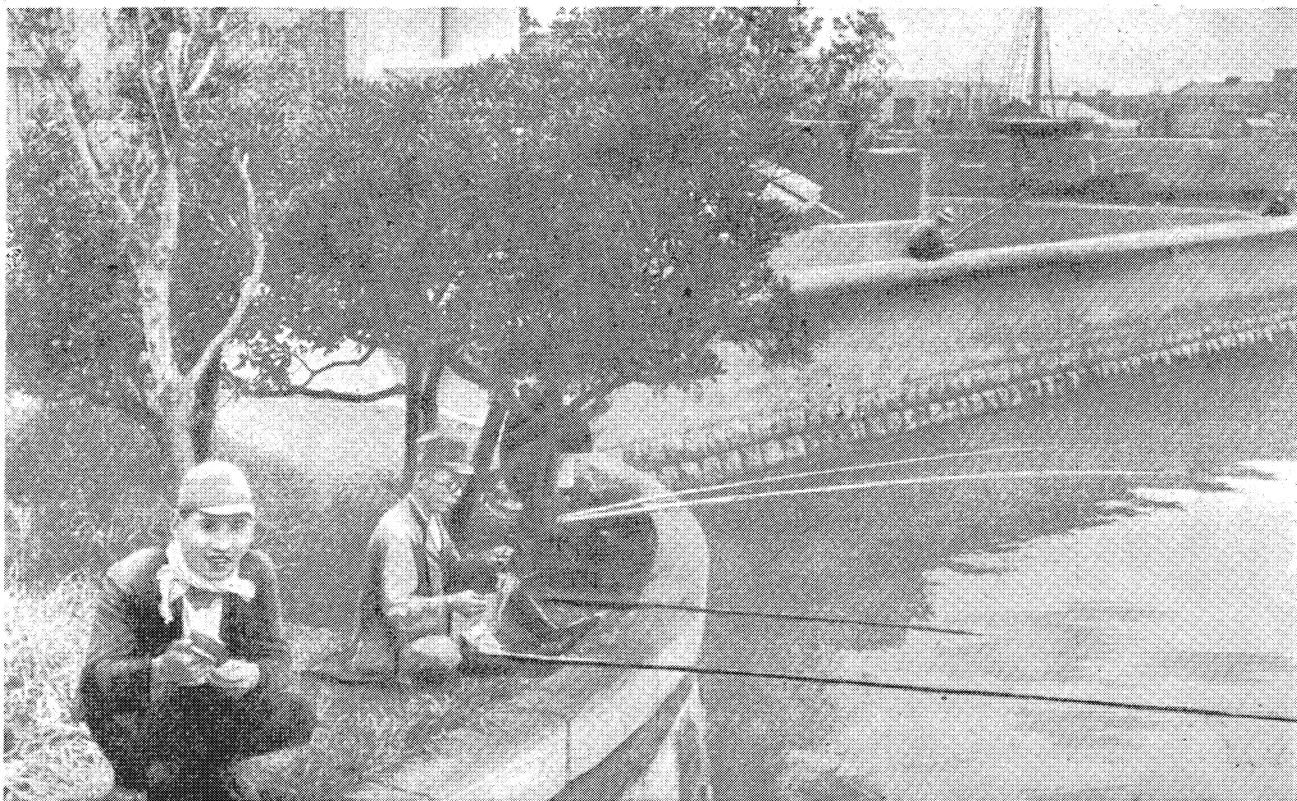
И это было принято с восторгом.

Любопытно, что на сессии парламента, посвященной капитуляции Японии, мы не услышали самого слова «капитуляция». Рескрипт императора называется «Указ о прекращении войны». Смысл хоть и похожий, но не совсем. Мы спросили: почему так? Японские грамотеи нам ответили, что на японский язык иначе нельзя перевести слово «капитуляция». При помощи иероглифов ряд иностранных слов можно перевести только приблизительно.

Вот как могут пригодиться допотопные иероглифы!

Мы хотели им предложить для точного перевода новый иероглиф: нарисовать самурая на коленях с поднятыми руками.

Нам не удалось побывать в японских театрах. Знаменитый театр «Кабуки» в Токио сгорел, остальные закрыты. Но в парламенте мы понаблюдали, какие мастера японцы разыгрывать представления с масками, с переодеваниями и старинными церемониями. Только игра здесь велась не столь безобидная, как в театре. Мы убедились, что это антинародное учреждение, где наглые и беззастенчивые представители правящей

Эти японцы делали пушки и танки, а теперь — без работы и ловят рыбу.

верхушки пытаются за спиной народа решить судьбу Японии.

Более злую карикатуру на демократическое учреждение трудно придумать.

Когда мы покидали палату пэров, то невольно обратили внимание на безлюдность и пустоту вокруг здания парламента. Повидимому, и народ мало интересуется этим парламентом и не ждет от него ничего хорошего.

7. СРЕДИ НАРОДА

Бюджет японского рыбака. — Смысл древней пословицы. — Чего хотят простые люди в Японии. — Мы возвращаемся на родину.

Бесправен и угнетен японский народ. Им правит император, распоряжаются богачи и знать в парламенте; его обманывают в газетах; как смиренная рубашка, его сдерживает многочисленная полиция. Есть полиция морская, речная, железнодорожная, сельскохозяйственная. Была даже полиция по контролю за мыслью!

Попробуй-ка тут, скажи свое слово!

Может быть, поэтому так молчалив и сдержан японский народ. В Японии не слышно ни громкого разговора, ни смеха и очень редки улыбки. Как же этот народ живет? Что он чувствует и переживает в эти дни банкротства его правителей, которые изо всех сил стараются удержаться у власти?

Мы побывали в рыбацком поселке, в деревне, у рыбаков на побережье.

С рыбаком Охаси Таро мы познакомились на берегу океана. Он сидел на своей лодке, занесенной прибрежным илом, и покуривал крошечную трубочку на длинном черенке, задумчиво наблюдая высадку американских войск, которые продолжали прибывать для оккупации Японии.

Были часы отлива. Океан отступил, обнажив широкие отмели, покрытые черной тиной. В маленьких лужицах и в тине осталось много мелкой рыбешки, рачков, креветок и прочей живности.

Толпы детей, женщин и мужчин бродили по колена в этой жидкой грязи, собирая все, что можно съесть. Некоторые тут же поедали каких-то наиболее вкусных рачков и рыбешек.

Рядом возвышался корпус авиазавода, где мы видели и новенькие самолеты, развивающие скорость до семисот километров в час. Они делались руками вот этих самых людей, что полуголыми бродят по отмели в поисках пищи. Завод закрылся, рабочие уволены и промышляют, где только могут.

Впрочем, на этот промысел они приходили и раньше — полакомиться милостивыми подарками океана в часы отлива. Японское простонародье не избаловано.

Рыбак Охаси Таро с удовольствием выкурил наших папирсе, которыми мы его угостили. Он когда-то выезжал на рыбную ловлю на север и в своей жизни не раз встречался с русскими рыбаками. Теперь его лодка давно уже не выходила и на прибрежную ловлю. То японские военные власти не разрешали выход лодок — готовились к отражению предполагаемого десанта союзников, а теперь мешает высадка войск. Маленькому человеку трудно живется во время больших событий. Рыбак даже не может поймать себе рыбы на обед, а подбирать рыбешек и рачков на отмели считает неподходящим делом для мужчины. Он послал жену и детей — наберут и на его долю.

Разговорились о разных способах рыбной ловли в Японии и в России, а затем спросили Охаси Таро, как он относится к капитуляции империи.

— У кого ничего нет, тому нечего терять, — сказал рыбак.

Мы попросили откровенно сказать, не жалеет ли он, что Япония проиграла войну и потеряла все, что она завоевала в Китае, Маньчжурии, в странах южных морей.

— Я не учитель и не политик, а простой человек, — ответил, подумав, рыбак. — Когда Япония жила мирно, никого не побеждая и ничего не завоевывая, я свободно ловил рыбу и свободно продавал ее на базаре.

Так выглядит одна из разрушенных улиц в центре Токио.

Мое счастье было в моем труде. Когда же была объявлена война, и мы одержали первые победы, у меня стали забирать половину улова из моей лодки. Уверяли, что рыба нужна для новых побед. Когда же были одержаны новые успехи и новые победы, полиция стала забирать весь улов из моей лодки, оставляя мне пару рыб на всю семью, только для еды. Наверное, при дальнейших победах мне пришлось бы и на еду выпрашивать себе рыбу у полицейских. Деды наши говорили: «Война — радость самураев, а народ от нее погибает».

— Значит, если бы поставить у власти рыбаков, рабочих и крестьян, Япония никому бы не объявляла войны?

Рыбак долго смеялся, втягивая в себя воздух, отчего его негромкое «хи-хи-хи» было почти не слышно.

Ему даже трудно себе представить, что у власти могут быть рабочие, рыбаки и крестьяне.

Недалеко от него ушел в своих понятиях и рабочий Хирама, с которым мы познакомились в уцелевшем поселке Касаки, вблизи Йокагамы.

Когда зашли мы в его домик, чудом уцелевший от пожара, нас поразила пустота. Кроме соломенных циновок да перевернутого ящика, ничего там не было. А жило в этом крошечном домике человек двадцать родственников рабочего. Днем весь дом представлял собой одну комнату, а на ночь выдвигались бумажные стенки и разгораживали ее на несколько клетушек. Был еще мезонин, где жил старый отец рабочего.

Хирама сидел на полу и точил рыболовные крючки. Завод, на котором он работал по сборке станков, закрылся. Квалифицированный слесарь решил теперь промышленать рыбой. Иначе ему нечего будет есть.

— Почему же вы так бедно живете, Хирама-сан? — спросили мы его. — Ведь при помощи танков, которые вы делали, Япония захватила колоссальные богатства в странах южных морей. На островах Борнео, Ява, Целебес — мировые запасы нефти, каучука, олова.

Там выращивали по четыре урожая в год. Разве вам ничего не перепало от этих богатств?

— Я там не был, не знаю, — мрачно ответил Хирама, — но нам говорили, что эти богатства надо было вначале добыть, потом переработать и затем привезти. У наших промышленников нехватало на это капиталов. Поэтому с нас удерживали каждую нону, чтобы укрепить промышленников... Они-то нажились, а мы вот остались голыми и голодными.

При том страшном кризисе, в который попала Япония в результате войны, затаенной ее правящей кликой, ее единственное спасение — во внутреннем переустройстве. Когда японскому народу дадут возможность самостоятельно устраивать свою жизнь, едва ли он пойдет по ложному пути, по которому пытаются направить его давно обанкротившиеся лидеры правящей клики. Таково наше впечатление, вынесенное из бесед с простыми людьми Японии.

* * *

Срок нашего пребывания в Японии кончился. Наступил день отлета.

Мы едем на аэродром Ацуги, ориентируясь по бензинопроводу, уже проложенному американцами от берега моря. Как тесен стал аэродром! На нем сотни транспортных самолетов — грузового варианта «Летающей крепости». Они ослепительно сверкают новизной не испорченного покраской алюминия. Одни взлетают, другие садятся. Теснота на громадном аэродроме невероятная.

Наша амфибия легко оторвалась от бетонированного поля и пошла на взлет. Гигантские груды облаков закрыли горы, и нам приходится облетать их нагромождения южным путем, через большие озера. Справа, высунув свою лысую голову сквозь облака, показывается гора Фудзияма. Бросив взгляд на этот потухший вулкан Японии, мы, следуя за солнцем, летим к берегам отчизны.

ВОРОС

АННА ГАРФ

Вокруг нет ни гор, ни рощ, чтобы остановить стремительный бег ветра. Он мчится со скоростью тридцати метров в секунду, сбивает с ног, неся с собой облака снега. Олени и песцы ложатся на землю, чтобы занесло снегом, чтобы сугробы защитили от ветра. Ненцы, местные жители, наступают так же, если в пути настигнет пурга. И, занесенные сухим снегом, они терпеливо ждут, чтобы откопаться и ехать дальше.

Толи, болота, зима с ее острой кинжальной пургой, когда люди и звери падают в снег, скрип обледенелых полозьев, черные точки саней с углем на белом просторе тундры, олени, проваливающиеся в мокрый снег, — все это звучит далекой легендой для пассажиров прямого вагона Москва—Воркута. И хотя Северо-Печорская дорога сдана в эксплуатацию только в годы войны, ее существование уже успело изменить представление о крае.

Тундра?

Да ведь это всего лишь семь дней пути от Москвы!

Северо-Печорская магистраль начинается от Котласа. Непосредственно за Котласом наш состав ныряет в девственный, непроходимый, неистребимый, неистощимый северный лес. Когда над ним летишь, то кажется, что меж стволami и змее не проползти, не то что поезду. И потому не настоящей, а сказочной выглядит эта убегающая все вперед по болотам, по холмам, сквозь частый лес, через быстрые реки желтая лента дорог с дрожащими на ней отблесками рельсов.

Поезд мчится между шпалерами ели — царицы северных лесов. Ветви деревьев издали похожи на поднятые нам навстречу флаги. Постепенно меняя обличье, они тянутся к оконному стеклу, словно мохнатые руки с растопыренными пальцами. И радуешься, когда ель вдруг сменяется зарослями светлых, веселых берез, между которыми сверкают красные пики цветов иван-чая.

Только что выстроенная станция — Кожва. Здесь работает почтовое отделение, есть крытый вокзал. Дома железнодорожников — светлые, высокие, двухэтажные — еще пахнут хвоей, и капли смолы золотятся на свежевystруганных бревнах.

За Кожвой лес начинает меняться. Он мельчает, светлеет. Стволы елей здесь похожи на пирамиды — приземистые, широкие книзу, с узкими и редкими ветвями. Березы — едва человеку по плечо. Деревья скрюченные, сторбленные, расщепленные, словно со всех концов мира собрали калек.

Северо-Печорская магистраль проходит в зоне вечной мерзлоты, там, где под почвой лежит не тающий в течение тысячелетий замороженный слой земли. Здесь есть участки так называемого ископаемого льда, который многие ученые считают оставшимся со времен последнего ледникового периода. Над таким ископаемым льдом опасно трогать псчву. Открытый теплу и солнцу, он может растаять, образуя летом наледи на реках, заливая водою весь район земляных работ.

При прокладке Северо-Печорской магистрали окаменевший грунт приходилось взрывать динамитом. Но тронутая человеком мерзлота превращалась в жижу, в ней топились рельсы и шпалы. Оттаявшая за лето подземная вода к зиме опять замерзала, разрывая и раздвигая грунт. И вот с наступлением первых морозов трасса начинала горбатиться буграми: шпалы, рельсы — все сдвигалось, съезжало на сторону. Трассу удалось закрепить, только забив в землю сваи. Теперь дороге не страшны капризы грунта. Она опускается летом и

В тундре

Рис. В. Таубера

поднимается зимой, мягко и цепко поддерживаемая сваями.

Многие километры бежит поезд по полотну, возведенному таким героическим трудом. А ели все мельчают, мельчают березы. Да, тут не раскинешь широко ветвей, — не пустит северный ветер. Да и сил нет на могучий рост. В торфянике всегда слишком холодна. Такую воду не усваивают корни, и, стоя на торфяном болоте, ели изнывают от жажды.

Островками, там, где почвы посуше, у берегов рек, которые дренируют эту болотистую равнину, поднимаются над редколесьем невысокие сосны. Кроны их напоминают стол — хоть скатерть стели, потому что здесь даже сосны, эти светлюбивые дети солнца, всегда тянутся к небу, предпочитают растивширь, а не вверх, чтобы как-нибудь обмануть неумолимый ветер. А ветер дует и дует, выдувая в лесу голые проплешины. Если здесь срубить два-три дерева, повалятся и остальные. Грунт очень мелкий — недалеко от поверхности почвы лежит вечная мерзлота. Корни деревьев стелются поверху: ведь верхний, неглубокий слой земли летом прогревает немеркнувшее заполярное солнце.

Здесь нет цветов. Только меж деревьев с земли поднимается острая и жесткая осока, курчавится то седой, то совсем белый, то красно-бурый мох. С каждым километром лес как будто умирает. Вот совсем прозрачная рощица бледных и жидких берез. Она кончается, — а дальше чуть ли не целый километр сухих стволов со срезанной верхушкой. Эти стволы напоминают не то кладбище, не то бесчисленные телеграфные линии без проводов. Это ветролом — след, оставленный внезапно ворвавшимся сюда пронзительным ветром Большеземельской тундры.

Спасаясь от ветра, который знобит и сушит их своим дыханьем, деревья гнутся, корчатся, скручиваются, косятся, вбирают голову в плечи, чуть не ложатся на землю, лишь бы не расти вверх, не уходить от матери-земли с ее благодатным, спасающим от ветров снегом.

Остановка. Тучами крохотных мошек, словно марлей, задернуты окна вагона. Это — гнус, твари страшнее комаров. Едва выйдешь — тебя так облепляет, что и руки своей не узнаешь, будто надета на ней серая перчатка. Вокруг не то болото, не то луг. Но под ногою не трава и даже не кустарник, а лес, настоящий, ветвистый, да только верхины деревьев по шиколотку, по колено — не выше.

Так деревья, превратившись в карликов, перехитрили своего врага. Непобедимый властитель заполярных просторов — северный ветер — может бушевать, вить, шуметь, злиться всю долгую полярную ночь, но ему не сломить этого прижавшегося к земле карликового леса. Ветви берез так переплелись друг с другом, что их не под силу разнять даже здешнему свирепому ветру. Так в тундру начинает отдельными кусками входить лес. Опять поднимаются деревья.

Поезд идет дальше. Вот впереди сверкнула голубая с золотистыми отблесками гладь Печоры. Ленивая, обмелевшая, она кажется совсем неподвижной, уснувшей в своих желтых песчаных берегах. Но попробуйте подойти к ней весной. Мутная, злая, стремительная, бурная Печора с такой быстротой подхватывает и несет плоты заготовленной к сплаву древесины, точно хочет разнести все бревна в щепы.

Колеса нашего поезда с грохотом вбегают на деревянный мост. Его построили в самый разгар войны с

фашистской Германией. Строители не могли ждать, когда им привезут готовые металлические конструкции для сборки, — не было времени, да и не было металла, все нужно было делать из материала, бывшего под рукой. Работали зимой, и дерево, когда в него забивали гвозди, звенело на морозе. Мост повис над занесенной снегом рекой.

Паровоз мчится все дальше, все глубже в тундру, все ближе к далекой Воркуте. Справа, сопровождающая поезд, бежит вместе с нами гряда синих Уральских гор. Воздух тундры так прозрачен, что и горы кажутся просвечивающими друг сквозь друга, и одна синяя верхина словно не заслоняет, а лишь оттеняет другую, делает ее еще синее.

А как пахнет эта, казалось бы, на первый взгляд, такля унылая, ровная, серо-зеленая тундра!

Невидимые среди полярных мхов эфирносы выдают себя ароматом лимона, мяты и чем-то отдаленно напоминающим запах лаванды и роз. Среди темного карликового леса мелькают серебристые заросли полярной явы. Каждый ивовый листок словно мехом покрыт белыми волосками. Вот почему ивовые заросли выглядят такими серебристыми. Мохнатые цветы пушицы, точно хлопья снега, висят на тонких стеблях, путаясь в скрученных ветром ветвях берез.

Чума оленевода летом в тундре не встретишь. Олени не терпят жары. Кроме того, летом в тундре терзают оводы, и ненцы пасут, или, как здесь говорят, «каслают», свои стада на полярных отрогах Уральских гор.

Из-под самых колес поезда вспархивает стая куропаток. Трепещут белые подкрылья и пропадают в кустах. Полярная сова кружит над триангуляционной вышкой.

Сразу, без всякого предупреждения поезд въезжает в город. Состав идет прямо по улице. Из окна вагона виден городской сквер — место, огороженное пестро расписанным забором. Большие фанерные грибы, цветы, ярко-красная беседка, розовый киоск, зеленые скамейки, и среди всего этого великолепия раскрашенной фанеры стоят березки — тонкие, не толще трости, еще более сгорбленные, чем в Кожве, но не карликовые, а настоящие. Их привезли сюда издалека, и они стоят тут, треща каждым своим листом. Эти неприхотливые обитатели северного леса, которые, уживаясь с елью, могут существовать под Кожвой на холодном торфяном грунте, здесь, в Воркуте, среди своих карликовых сородичей выглядят так, как выглядели бы в Москве на Патриарших прудах аравийские пальмы. Заботливо пересаженный тоже откуда-то издалека дерн уложен перед электростанцией в виде клумбы. Кое-где в качестве декоративного растения посажен овес, свежий, ярко-зеленый. Однако вызреть за лето он не успевает и желтеет от первого осеннего ветра, едва завязав семена.

Сквер — любимое место отдыха воркутян. Они骄傲ливо гордятся своим сквером. Он создан этим летом на том месте, где с первого дня основания Воркуты мутнела никогда не просыхающая лужа. Сотни кубометров песка пошло на засыпку грунта. Воркутяне не считали выходных дней, которые ушли на то, чтобы засыпать эту вечную лужу и потом соорудить здесь танцплощадку, высадить несколько берез, построить фанерные грибы и раскрасить беседки.

За этим сквером, за домами высятся гигантские трубы электростанции, а за нею, на возвышенном берегу реки Воркуты, поднимаются к бескрайнему, полярному небу бункера, копры шахт, высятся груды угля. Под

Характерный пейзаж Северного Урала
(юго-восточнее Воркуты).

одним из бункеров на земле стоит железнодорожный состав и принимает уголь.

Квадраты белых с черными от угольной пыли полосами стандартных домиков, опять бункера, опять копры до самого края неба. Куда ни взглянешь—шахты, домики, шахты и домики.

Вот так город в тундре!

Это больше похоже на Донбасс. И разве что только одно небо осталось здесь таким, как его рисуют в книгах, когда изображают тундру. Пожалуй, нигде на свете, кроме здешних мест, не увидишь такого просторного, чистого, прозрачно-зеленого неба!

Сейчас в Воркуте круглые сутки слышен скрежет пилы, стук молотков. Строится одновременно больше ста индивидуальных домиков. Дома типизированы и утверждены архитектурно-проектным бюро. Хозяин может внутри дома распоряжаться своей площадью, как он хочет. Но строить он обязан по заранее предначертанному типу, и поэтому здесь нет того разнообразия, какой сбывчен в фабричных поселках, во всяком быстро и стремительно выросшем городе, например в Котласе. Правда, сейчас в самой Воркуте всего две улицы, остальные дома составляют рабочие поселки при рудниках. Но все это выстроено по плану. И Воркута, несмотря на свои малые размеры, несмотря на то, что она стоит в тундре, несмотря на то, что она открыта со всех сторон всем четырем ветрам, все-таки производит впечатление большого довольно уютного и уже обжитого поселения.

Вот одна из самых популярных легенд о рождении города Воркуты.

Говорят, что лет тридцать назад какой-то коми-охотник вышел из Ижмы, где живет много народу, поискать мест, вольготных для охоты. Остановился он на берегу реки Воркуты, построил здесь себе «керку», как

Один из железнодорожных мостов через реку Воркуту.

называют коми охотничий домик. Вниз и вверх от своей бревенчатой керки ходил он на плоскодонке, стрелял гусей, ловил маленьких псцов, чтобы продержат их у себя дома до осени. Песец, кормленный дома, голубее и пушистее. Такая шкурка стоит дороже.

На том месте, где сейчас первый рудник, коми добыли сто пятьдесят гусей, а куропаток он не помнит, сколько. Охотники в тундре убитых куропаток считают не десятками, а десятками сотен крыл. До сих пор их бьют здесь в городе и за городом беспощадно. А молоденьких летом ловят просто руками, конечно, если охотник сможет отличить сжавшуюся камешком бурую птичку от лежащих рядом таких же бурых и круглых настоящих камней. К осени куропатки, приравливаясь к снегу, белеют. Снежно-белые, они собираются многочисленными стаями. И, когда они пасутся, выискивая корм, то кажется, будто на землю пал снег.

Вот на таком-то, будто снегом занесенном, белом от куропаток берегу реки Воркуты находились черные «щелья». Старый охотник повидал на своем веку много здешним охотникам неведомого, знал каменный уголь, и сам видел, как кочегары бросают его лопатой в топку паровозов. И когда он развел костер и подбросил в него горсть жирных черных камней, они загорелись.

Старая легенда говорит далее о том, что коми собрал пуд образцов и спустился после охоты по реке Усе к себе в Ижму. Мешок с образцами пролежал у него много лет, все хотел отправить в Москву, да не с кем было.

Первая научно-исследовательская экспедиция на Печору была организована в 1924 году геологом Александром Александровичем Черновым, который в поисках угля река за рекой исследовал притоки Печоры. Его, по справедливости, следует назвать основоположником геологии Печорского края.

В 1929 году товарищ Сталин, занимаясь энергетическими ресурсами Севера, обратил внимание на печорские угли, лично заинтересовался этим вопросом и дал указание организовать здесь добычу угля в промышленных масштабах.

Ради этого угля было предпринято строительство Северо-Печорской дороги, великой магистрали, соединившей Большеземельскую тундру с Москвой и Ленинградом. Легендарным кажется теперь путешествие сначала в Архангельск, оттуда по Белому и Баренцову морям до Нарьян-Мара, потом, против течения, на плоскодонной шняге по рекам Печоре и Усе. Шнягу тянули бечевой головастые коротконогие северные лошади. Когда шнягу приходилось стаскивать с мели или переволакивать через пороги, случалось, что лошади падали и в шнягу впрягались люди.

Но еще недавно так двигалась в глубь Печоры экспедиция геологов Чернова, Варсонофьевой, Добрылюбовой и многих других столь же самоотверженных искателей. В 1930 году сын Чернова, Георгий Чернов, участвуя в экспедиции Иорданского, добрался до Воркуты и открыл здесь на Воркуте богатейшее месторождение угля.

Когда сидишь в уютном кабинете гостиницы «Люкс» на Воркуте в мягком кожаном кресле за массивным письменным столом, на котором стоит телефон, трудно поверить, что в 1931 году на этом самом месте не было еще ни одной землянки. Но я видела фотографию с изображением груды камней, уложенных наподобие доисторического дольмена. Этот дольмен был входом в земляную яму—жилище геолога Инкина, который гордится тем, что подал на-гора первую лопату воркутского угля.

Еще недавно слово «Воркута» было известно, только как название одного из притоков реки Усы. Воркута—речушка, бегущая дну каменистому дну между высоких берегов, среди холмистых просторов Большеземельской тундры. Когда же сейчас говорят о Воркуте, то подразумевают город, прозванный «заполярной кочегаркой». Эта кочегарка давала тепло осажденному Ленинграду. Воркутским углем бункеровались в эту войну все суда Северного флота и пришедшие в наши северные порты корабли союзников.

„Город в тундре“.

На Севере, за далёким Полярным кругом, волею советских людей возник новый город.

С удивлением смотрит ненец на сияющие во мраке полярной ночи огни электростанции.

С каждым годом вокруг Воркуты разведываются все новые, до тех пор даже не нанесенные на карту районы гундры. Геологи сами дают имена здешним, дотоле неведомым рекам—Ручей Ожиданья, Река Раздумья, Пограничная. В Печорском угольном бассейне сейчас уже разведано около двадцати угольных месторождений, и разведки продолжают. По самым скромным геологическим подсчетам запасы углей здесь превышают все запасы Донбасса.

Труд горняка в Заполярье особенно сложен. Прежде чем проникнуть в землю, ее долго прогревают электричеством. Смерзшаяся порода и уголь плохо поддаются отбойному молотку. Шахты прохладны, но забойщики часто работают в одних рубашках, и рубахи мокры от пота. Глыбы камня висят над головой. Тускло светят шахтерские лампочки. Спертый влажный воздух, потрескивает крепь—это оттаял слой мерзлоты, и всда просачивается во все щели. Обычные методы работы здесь на Воркуте не годятся. Приходится изобретать новые способы, применяясь к суровой и дикой природе Заполярья.

Что такое — Заполярье, я почувствовала в прошлом году зимой. В день моего приезда разгулялась пурга. От управления до гостиницы, где я остановилась, метров семьдесят. После работы я кое-как, с большими приключениями, но все же добралась домой, а товарища моего еще не было, хотя он вышел из управления много раньше. Я пошла его искать. Вокруг ничего не было видно. Ветер так и хлестал по глазам.

В пургу можно ориентироваться, идя по ветру, если знаешь, откуда он дует. Но ветер так быстро менял направление, дул то в спину, то в бок, что я потеряла ориентировку и не могла сообразить, где север, где юг. Я поняла, что уже не раз обошла кругом дома, когда наконец ткнулась в дверь, но погала вместо гостиницы в ресторан. В поисках входа в гостиницу я побывала в горисполкоме, затем прибрела на почту. Темнотица! Да и головы не подымеешь: снег так и сечет по лицу, словно горячими прутьями—настоящая кинжальная пурга. И это в центре города! Я уже начала задыхаться, но боялась остановиться—еще ослабеешь и занесет.

Когда я наконец очутилась у гостиницы, перед входной дверью снег лежал на метр. К счастью, дворник уже раскидывал снег лопатой, потому что пурга убежала от дома и выла теперь где-то за электростанцией. Почти тотчас зазвонил телефон: это был мой товарищ. Оказывается, он из управления попал вместо гостиницы в пожарку. Пожарники взялись проводить его, но привели не домой, а в аптеку, откуда они все вместе двинулись в амбулаторию.

Таков ветер Большеземельской тундры. Лето в тундре короткое. Пурги мегут осенью, зимой и весной.

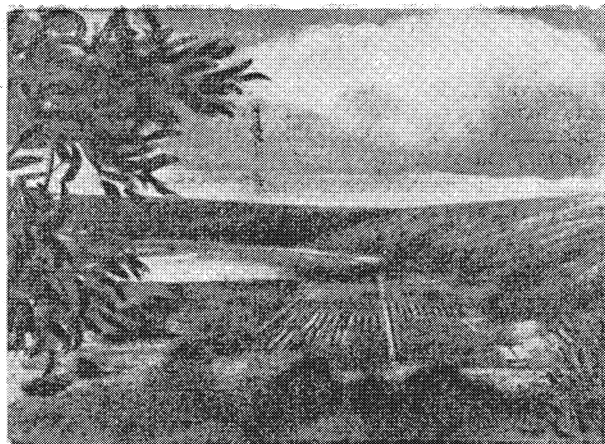
Понятно, что строителей этого города остро волнует вопрос: как строить, чтобы люди могли здесь не только жить, но отдыхать, веселиться, чтоб детям было хорошо и радостно?

А в условиях вечной мерзлоты создать даже самые элементарные удобства—задача невероятно трудная.

Взять хотя бы водопровод. Трубы не проложишь в слое вечной мерзлоты, вода в них замерзнет, трубы лопнут. Приходится вести всю водопроводную сеть и канализацию ниже слоя вечной мерзлоты, а это не всегда возможно. Или вот еще пример: ходить по улице холодно, часто дуют ветры; следовательно, надо застраивать город как можно плотнее. Плотность застройки достигается возведением многоэтажных домов, но грунт здесь для этого слаб, мерзлота под постройкой начинает таять, и дома оседают, трескаются. Значит, нужно изобретать новые, необычные методы строительства.

Чем неприветливее оборачивается к человеку природа, тем смелее, необузданнее его мечты. Человек, живя в суровом сегодня, ободряет себя мечтой о светлом завтрашнем дне. А потому в числе проектов планировки города Воркуты есть и совсем сказочные.

— Нужно совсем отказаться от обычного отопления, — предлагают мечтатели, — и заменить пар конди-

Опытные огороды в долине реки Воркуты.

ционированным воздухом. А чтобы тепло не улетучивалось, можно покрыть весь город стеклянным куполом. Стекло должно быть такое, сквозь которое могут проникать ультрафиолетовые лучи, тогда здесь, за Полярным кругом, в искусственном климате застекленного города будут созревать лимоны и цвести лавры.

Фантазировали и в ином направлении: а что, если построить полуподземный город, обнести его земляным валом, внутри вала возвести дворники по типу античных домов Геркуланума и Помпеи, но только сделать их крытыми? Это спасет от ветра, а кварцевые лампы заменят солнце!

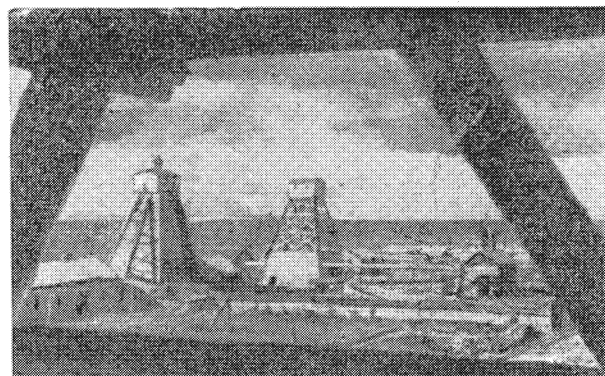
Мы сознательно привели самые утопические высказывания, но именно такая смелость фантазии будила мысль, вводила от рутины, толкала на дерзкое изобретательство даже самых трезвых строителей этого юного города.

Авторы фантастических проектов, ссылаясь на достижения современной техники, указывают, что воплотить смелую мечту о городе будущего можно именно на Воркуте, потому что в ее недрах лежат неисчислимые запасы энергии. Залежи каменного угля, которые здесь начаты разработкой, простираются по всей тундре до самого Ледовитого океана.

На Воркуте умеют самую смелую сказку сделать правдой.

Мы побывали в гостях у «овощного короля» — директора мерзлотной станции, страстного натуралиста и огородника.

За окном его дома растет ива высотой в метр. За ивой к реке террасами спускается сад—его возделывают уже много лет подряд. На клумбах—львиный зев, левкои, анютины глазки, петуния, а на рядках—кочны капусты, такне крупные, что похожи на большие узы с бельем. Дальше—цветная капуста, салат, шпинат,

Воркутинские шахты.

Культурный шавель, кольраби, сахарная свекла, подсолнух, кукуруза — последняя, по правде говоря, уж только так, для декорации. Все это великолепие окаймлено только что высаженными сюда дикими кустами морошки, веселой оранжевой ягоды, не боящейся холода полярной тундры.

Сторожем здесь бродит самый драгоценный, редкий и небывалый на Воркуте зверь — домашняя кошка. Она ловит леммингов, которые прибегают сюда из тундры грызть капусту. В доме «овощного короля» пахнет свежепросушенным сеном и чем-то вроде вереска. Это «королевские» дети накосили на том берегу. Оказывается, есть в тундре места посуше, и там растет самая обыкновенная трава и почти совсем обыкновенные цветы.

А раз существуют дикие злаки, то оказалось возможным организовать не только всегда процветавшее в тундре оленеводство, но и самое обыкновенное молочно-товарное хозяйство. Воркутяне едят не привозной, а свой, воркутинский сыр, воркутинское масло.

Основная трудность заполярного сельского хозяйства в том, что здесь нет почвы, или, вернее, почва здешняя еще так молода, так груба, что культурным растениям не под силу добывать из нее корм, и потому приходится усиленно подкармливать их азотом и фосфором. Но почва, когда к ней приложен труд, дает хлеб.

Этим летом в Воркуте было заложено новое здание городского театра, были утверждены проекты новых общественных зданий, проект застройки городской площади. Меня удивил их стиль.

— Почему здесь, в тундре, такая строгая классика, точно это будет второй Ленинград?

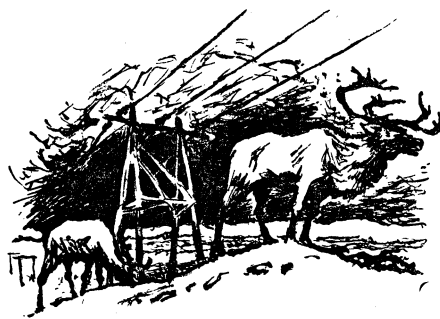
На это мне ответили:

— Обычно архитекторы, задумывая какое-нибудь здание или группу зданий, объединяют их с окружающей природой, чтобы они составляли с ней одно целое,

один пейзаж. Но архитекторы Воркуты вынуждены идти по совершенно иному пути, не связывая архитектуру со скупой природой тундры, а, наоборот, противопоставляя дом окружающему миру...

Зимой здесь небо светлеет всего на два-три часа. Но в городе очень светло. И неудивительно — своя энергетическая база тут же, под боком. Воркуте едва только минуло десять лет, но это уже крупный промышленный центр с населением в несколько десятков тысяч человек.

Что означает слово «Воркута»? Говорят, что если сказать по-ненецки «Варкута», то это будет — «медвежья», если сказать по-коми «Выркута», будет — «держит лес». И то и другое название обосновано. В самом деле, между высокими обрывистыми берегами Воркуты есть ивы в рост человека, потому что берега защищают деревья от ветров. Им теплее у реки, они выпрямляются и растут вверх. Говорят также, что осенью медведи заходили сюда из далеких лесов сосать морошку, когда здесь было меньше людей. Ну, а по-нашему «Воркута» — это значит город угля, это значит самый юный город нашей страны.

В Н Е С К О Л Ь К О С Т Р О К

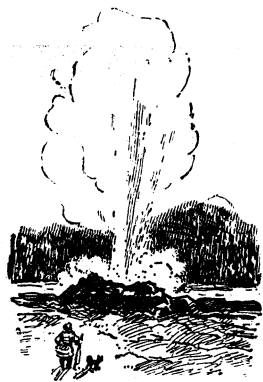
❖ Гейзеры на Камчатке. — До последнего времени считалось, что на материке Азии нет гейзеров. Недавно их открыли на Камчатке, на территории Кроноцкого государственного заповедника, в труднодоступной долине. Всего насчитывается 17 крупных

гейзеров, из них один периодически выбрасывает свой столб кипящей воды на высоту 50 метров.

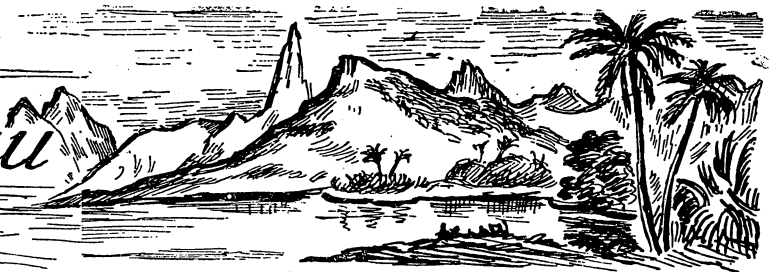
❖ Следы таинственных племен Севера. — В одном из самых глухих уголков Сибири, в истоках рек Конды и Сосьвы — левых притоков Оби, к востоку от Северного Урала, найдены следы обитания легендарной «чуди». По лесным речкам Ляпин, Северная Сосьва, Конда, Юконда, Евра и др. встречены четырехугольные «чудские ямы», круглые городища, остатки керамики, каменного и костяного оружия с изображением птиц и т. д. Такие же остатки встречены и на территории Кондо-Сосьвинского государственного заповедника. Судя по этому, в глубокой древности Сибирский север был населен гораздо гуще. В настоящее время населенных пунктов здесь мало.

❖ Бобровые заповедники. — Почти истребленный в царской России бобр был взят под охрану советской властью. Вопреки мнению о том, что это животное исчезло вследствие вырождения, бобр прекрасно живет и размножается и в Белорусском боб-

ровом заповеднике, и в Воронежском государственном заповеднике РСФСР, и в тех местах, где он был выпущен в опытный порядок (в заповедниках Лапландском, Хопёрском, Мордовском и др.). В одном Воронежском заповеднике бобры за последние 15 лет увеличились в числе с 300 до 1600 голов. Они продолжают постройку плотин и хаток и распространяются по течению рек.

У берегов Австралии

С. ПАНИН

Тринадцать суток находился «Уэллен» в Индийском океане. Мы шли к берегам далекой Австралии приблизительно по тому же пути, по которому шла некогда «Нева», первый русский корабль, приставший в 1803 году к берегам Австралии по дороге из Кронштадта в Русскую Америку.

Дул сильный встречный ветер.

За кормой осталось уже несколько тысяч миль, и моряки с нетерпением ждали дня, когда взорам откроется неведомая земля. Но вот сигнальщик сообщил капитану, что в небе появился самолет, и вскоре мы ясно увидели на крыльях этого самолета английские опознавательные знаки. Это был воздушный патруль на подступах к Австралии. Замигал сигнальный огонек — нас запрашивали по азбуке Морзе, кто мы такие. В ответ на рее фок-мачты взвились флажки: «Судно идет под флагом Советского Союза».

Сделав несколько кругов над парходом, воздушный патруль улетел.

Наконец в дымке желтоватого тумана открылся берег Австралии. Эту страну можно назвать нашим антиподом. В ту пору, когда у нас стоят лютые морозы, там знойное лето, а самый холодный месяц в Австралии — июль.

Летним утром (в это время на нашей далекой родине стояла суровая зима) «Уэллен» отдал якорь на рейде Фримантла — крупнейшего порта на западном побережье Австралии. По шторм-трапу поднялся лоцман; это был первый австралиец, вступивший на палубу корабля. Он протянул нам пачку свежих газет и журналов, крепко пожал всем руки и сердечно приветствовал с благополучным прибытием после дальнего и трудного перехода.

— У вас прекрасный парход! — сказал лоцман капитану Малахову. — Давно ли он сошел со стапелей?

Австралиец был весьма удивлен, узнав, что наша почтенная «коробка» плавает по морям уже тридцать лет.

Порт Фримантл расположен в устье Лебединой реки. А в восьми милях от него вверх по течению стоит Перт, столица штата Западная Австралия. На извилистых берегах реки, между устьем и участком, где стоит Перт, высятся крутые утесы, поросшие густым лесом. Мы сошли с парохода побродить по австралийской земле. Ранним утром воздух над рекой был свеж и прохладен. По

Во время Отечественной войны советские торговые моряки плавали под всеми широтами и посетили многие страны земного шара. Среди торговых судов, посетивших три года назад Австралию и Новую Зеландию, был парход «Уэллен». Это заслуженный корабль советского торгового флота. Уже тридцать два года, как он спущен со стапелей верфи и ходит по морским дорогам мира, совершил рейсы в Индию, Америку, Арктику, Австралию и Новую Зеландию.

Об одном из дальних плаваний корабля рассказывает помощник капитана парохода «Уэллен» Семен Семенович Панин.

зеленоватой воде плыли стаи черных непуганых лебедей. Казалось, их не беспокоил ни шум, ни присутствие человека.

Еще первые мореплаватели, прибывшие сюда, были поражены количеством черных лебедей, обитавших на реке. Поэтому ее и назвали Суон Ривер — «Лебединой рекой». С тех пор лебедь служит эмблемой штата Западная Австралия. Его изображение вы можете встретить на флагах, почтовых и гербовых марках.

Вскоре «Уэллен» снялся с якоря и вышел в море. Парход плыл вдоль острова Кенгуру. Его высокие скалистые берега одеты густой зеленью с вершин до подножий. Низменные участки острова поросли особой травой, которая называется «травой кенгуру». Всюду, где она растет, водятся эти интересные животные.

Чуть покачиваясь на затаихающей зыби и вздрагивая от быстрого хода, подходим к Пири. Удивительно чет-

ко вспоминаются мне дни, проведенные в этом порту, который построен на границе между пустыней и обжитой территорией. Восток Австралии населен гуще, чем запад, почва здесь плодороднее и хорошо возделана. Приморский город Пири является как бы воротами в этот богатый край. Залив окружен горами. На берегу дымят высокие трубы металлургического завода. Кругом на причалах сложены штабелями большие бруски свинца. Пири — важный центр цветной металлургии Австралии. Сюда по железной дороге из богатого месторождения Брокен-Хилл доставляют десятки тысяч тонн свинцово-серебряных концентратов.

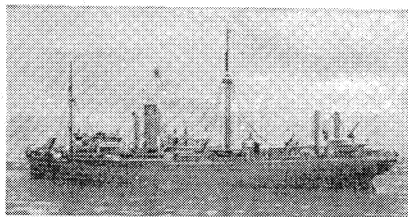
На четвертые сутки стоянки, под вечер, когда раскаленная тишина висела над портом, погода изменилась. Город неожиданно накрыла удушливая полутьма. Оглушительные раскаты грома следовали один за другим. Ветер зарябил воду на рейде. Клиники молнии рассекали мрачное небо, и, наконец, на землю обрушился тропический ливень. Палубу обдавали каскады теплой воды. Наши самые сильные летние ливни — мелкий дождичек по сравнению с тропическими.

Шквал был так силен, что рвались толстые манильские швартовы. Вскоре лопнул якорный канат, и наш парход понесло на два корабля, стоявших в некотором отдалении позади нас. Тревожные портовые гудки перекрыли гул шторма и яростный свист ветра. Был объявлен аврал, и все наши моряки высыпали на палубу. Боцман Уханов, матросы Бабенко, Луцки, Мищенко и Воронов быстро крепили швартовы, и «Уэллен» благополучно остановился метрах в пятидесяти от судов. Опасность миновала.

Тропический ливень прекратился так же резко и мгновенно, как начался. Ключья черных облаков исчезли за горами. Ветер упал, и океан умолок. Тихая, прохладная и спокойная ночь последовала за этим бурным вечером.

...И вот мы вновь в Индийском океане — на пути в Сидней. Стаи акул начинают обгонять наш «Уэллен». Их так много в этих местах, что одна из гаваней даже называется «Заливом акул». Хищники долго сопровождают парход, придавая некоторое разнообразие зрелищу безбрежного моря.

В океане нам встречаются ловцы акул на небольших быстроходных моторных судах. Убитых морских

Парход «Уэллен».

Хищников доставляют на специальные заводы. Из кожи акул в Австралии выделываются привидные ремни для машин, обувь, чемоданы. Туши идут на изготовление рыбьего жира, филе, консервов, кормовой муки и мила.

Неподалеку от одного из ловецких моторных судов на волнах покачивался всплывший труп акулы. По острей морде и длинным серпообразным грудным плавникам, по специфически серому «шиферному» цвету спины и белой окраске брюха мы узнали в ней опаснейшую хищницу морей—«голубую акулу».

Внезапно вблизи бота показалась стая живых акул. Как бы не замечая людей, готовившихся к ловле, хищники накинулись на труп своего соотечественника и стали рвать его на куски.

В Бассовом проливе мы испытали сильную качку; судно имело крен до 35 градусов. Совсем близко, в двух-трех милях в стороне, остался остров Тасмания. С палубы парохода видны живописные горы и долины, цветущие поля и сады.

Старинная морская хреника рассказывает, как голландский мореплаватель Абель Тасман не смог на корабле подойти к острову. Прибой у берега был так силен, что нельзя было спустить шлюпку. Тогда корабельный плотник, взяв в зубы флаг, вплавь добрался до суши и водрузил его на прибрежной скале.

После бурного перехода с постоянной качкой и тревожными вахтами, со шквалами и тропическими дождями, всех нас особенно манил предстоявший отдых в Сиднее.

В тихий солнечный день «Уэллен» достиг Сиднейской бухты на юго-восточном берегу Австралии. Море было великолепно, небо—ясно.

...Вот пароход, плавно рассекая воду, быстро подходит к «Головам»—так называются естественные ворота, огражденные гигантскими скалами и как бы открытые с залива в океан. Утесы надежно защищают порт. Какая бы ни бушевала в океане буря, в гавани спокойно.

Миновав «Головы», «Уэллен» входит в большой залив, глубоко врезаемый в сушу и причудливо окаймленный холмистыми берегами. Зеленые кудрявые острова рассыпаны по морю, подернутому легкой рябью.

Сто семьдесят пять лет тому назад к песчаной косе этого залива, где сейчас раскинулся знаменитый австралийский ботанический сад, пристал парусник «Эндрев». Им командовал знаменитый английский мореплаватель капитан Джемс Кук. Моряков поразила буйная растительность, покрывавшая берега залива. Под исполинскими эвкалиптами цвели невиданные растения, слались мхи и лишайники. Вот почему Кук назвал первую открытую им австралийскую бухту Ботани-Бэй («Ботанический залив»). Название это сохранилось до наших дней. Сейчас тут поставлен памятник отважному исследователю Тихого океана, а

огромный сад, заботливо культивируемый, считается гордостью Австралии—ее национальным парком.

Сидней—один из удобнейших портов мира. Капитан Артур Филипп, прибывший на корабле «Сириус» в январе 1788 года, основал здесь первое в Австралии поселение. Для него он избрал участок «близ источника родниковой воды, молчаливо текущей в густом лесу».

Прямо по носу корабля виднеется подвесной мост через бухту, соединяющий центр Сиднея с пригородами, промышленными районами и

Капитан Малахов.

ботаническим садом. Слева раскрывается панорама города, построенного на крутых холмах. Вдали видны сиднейские небоскребы. Медленно приближаемся к мосту. Он низко висит над водой. Чудится: мгновение—и мачты стукнутся о металл, пароход не пройдет. Но нет! Это обман зрения—мы свободно проходим под мостом.

Этот однопролетный подвесной арочный мост—одна из главных достопримечательностей порта Сидней. В самом узком месте, где ширина бухты около 500 метров, мост связал берега глубокого пролива. По мосту проходят железнодорожные и автомобильные пути, пешеходные дорожки.

По заливу снуют морские трамваи «ферри-боты». У причалов стоят огромные пароходы из Лондона, Ливерпуля, Глазго и других английских портов. Они пришли сюда за шерстью, пшеницей, консервированным мясом и кожей. Тут же ошвартовались корабли из Индии, Африки, Южной Америки, Канады и Соединенных Штатов. Можно видеть здесь и грациозные парусные шхуны и неуклюжие корпуса черных китобойных судов.

В Сиднее же мы видели величайший в мире пассажирский корабль—турбоход «Квин Элизабет»—водоизмещением в 84 000 тонн.

Первое плавание «Квин Элизабет» состоялось в 1941 году, — турбоход вышел в рейс в начале апреля. С тех пор «Квин Элизабет», так же как и другой однотипный корабль—«Квин Мэри», успела обогнуть земной шар много раз. Иногда турбоход совер-

шал рейсы из Австралии и США, имея на борту до 15 000 пассажиров.

Тысячи громадных тюков шерсти, ящиков и мешков поднимаются на всздух, покачиваясь на прочных стропках, чтобы затем исчезнуть в трюмах кораблей. Порой на крепко сбитых ящиках или на тщательно упакованных тюках можно было прочесть советские адреса. Нередко в таких ящиках содержались подарки, собранные австралийцами для бойцов Красной Армии и для населения областей, освобожденных от немцев.

И на берегу и на палубах судов, мимо которых проходил «Уэллен», люди оживленно приветствовали советское судно. Эти приветствия не случайны. Австралийцы в массе—народ общительный и простой в обращении. Многим из них знакомы трудности морской службы. Звание моряка здесь уважаемо, а советский моряк вызывает к себе интерес и доверие.

На берегу нас сразу же окружали портовые рабочие и люди судовых команд. Сыпались веселые и сочувственные вопросы, завязывались приятельские отношения.

В Сиднее, по приглашению союза моряков, мы посетили созданную по его инициативе крупную и пока единственную в Австралии фабрику по выделке овчин. Нам показали цехи, где работницы с воодушевлением шили меховые вещи для бойцов и офицеров Красной Армии.

Всякий раз, едва успевали мы выйти из порта в город, как попутные автомашины останавливались. Водители окликали нас, предлагали подвезти:

— Русские моряки? На ваших фуражках красные флажки! Располагайтесь, мы вас доставим в город...

Сидней—один из старейших городов Австралии. Широкая и разветвленная сеть железнодорожных путей связывает его со всей страной. На автомашинах катятся с гавани по шоссе дорогам мешки с пшеницей и тюки шерсти. В Сиднее есть крупные холодильники, машиностроительные, паровозо- и вагоностроительные, автомобильные и судостроительные заводы и большие верфи.

Главная улица Сиднея Маркет-стрит, широкая, застроенная небоскребами, массивными зданиями правительственных учреждений и универсальных магазинов, была украшена флагами Объединенных наций.

По какой бы улице Сиднея вы ни шли, вдали открывался вид на залив и его бухточки. Одноэтажные и двухэтажные жилые коттеджи пригородов утопают в садах. В самом городе находятся преимущественно лишь правительственные учреждения, банки и конторы торговых фирм.

На много километров по побережью тянется этот город, и естественно, что в выходные дни к морю стекаются на отдых сотни тысяч людей. Громадный людской поток не-

Здесь в вагонах электрической дороги и троллейбусах, автобусах, автомобилях, трамваях, «ферри-ботах». Но нередко праздничная жизнь пляжа прерывается сигналом сирены и тревожными окриками вахтенных матросов с наблюдательных вышек:

— Акулы!

И все купающиеся мгновенно бросаются к берегу.

...На косе Ботани-Бэя, кроме ботанического сада, раскинулся огромный зоопарк. Создать его помог в свое время русский путешественник, исследователь Новой Гвинеи и островов Меланезии—Миклуха-Маклай. Он долгие годы жил в Сиднее, был здесь желанным, почетным гостем, сработал свои богатейшие коллекции и предложил основать зоологическую станцию. Его поддерживали местные ученые. В своем дневнике наш знаменитый соотечественник записал: «Предложение мое было принято сочувственно...» Сейчас Сидней гордится этим зоопарком и его гигантскими аквариумами.

Двухэтажная трибуна окружает бассейн, где плавают серые, пестрые, полосатые и голубые акулы. Тело морского хищника, отливающее жирно-серым блеском, похоже на металлический вал, спинной плавник — на руль. У этих страшных животных огромный хвост, железные челюсти, которые могут расщепить человека пополам, и мертвенно-тусклые, стеклянные глаза.

По просторным лужайкам зоопарка стаями бродят кенгуру. Мы наблюдали, как они проводят день. Чуткого кенгуру способен вспугнуть самый легкий шум. При этом животное вытягивается, как только может, кверху, чтобы осмотреться: оно становится на пальцы хорошо развитых задних ног и опирается на конец мощного хвоста. Заметив что-либо подозрительное, кенгуру пускается в бегство с необычайной быстротой и подвижностью. Его прыжки огромны. Мы видели исполинских серых и рыжих кенгуру, прыгающих на расстоянии в 6—10 метров! Они могут бежать без отдыха много часов. Охотникам за кенгуру нужно иметь крепких, выносливых и быстрых собак, неутомимых собак.

Однажды поздно вечером, возвращаясь на пароход, мы проходили вблизи зоопарка. Вдруг в ночной тишине послышались отдаленные глухие удары, похожие на бой барабана. Наш спутник, австралийский моряк, быстро рассеял недоумение. Он, смеясь, рассказал, что у кенгуру есть забавная привычка—бить задними ногами по земле, как бы от избытка сил. Сейчас мы и слышали стук этого звериного «барабана».

Моряк, сопровождавший нас в ту ночь, был хорошо знаком не только с побережьем Австралии, но и с природой всего материка. Он много рассказывал нам о ней, и мы, заинтересованные этой страной зоологических чудес, поняли увлечение великого русского исследователя Миклуха-

Маклая, научились сочувствовать исканиям ученого.

Чем же так замечательна Австралия? Ведь ее пейзажи не так уж эффектны, а в пустынной части угрюмы и даже скучны. Немалая часть материка действительно представляет собой желтую тоскливую пустыню, которую, к сожалению, колонисты только расширили и, если можно так выразиться, углубили. Дело в том, что неорганизованная, неплановая вырубка лесов ухудшила климат, без того сухой, лишив воздух и почву необходимой влажности. Огромные отары австралийских овец вытаптывают эту пересохшую почву, и она постепенно мельчится в пыль, которую ветер уносит с материка на острова.

Австралия—страна овцеводства и скотоводства, материк фермеров, крупных сельских хозяйств, разбросанных зачастую на огромном расстоянии одно от другого в полупустынной степи.

На севере Австралийского материка и на части его восточного побережья растут роскошные тропические леса, и в наши дни привлекающие любознательного исследователя. Но еще интереснее растительность районов, расположенных в умеренном поясе. Все мы читали когда-либо о гигантских эвкалиптах—деревьях, осушающих болота, но вместе с тем увлажняющих и освежающих воздух, дающих целебное ароматическое масло. Пейзаж эвкалиптовой рощи характерен для Австралии. Серовато-зеленые листья этих деревьев как бы обращены к солнцу ребром и поэтому почти не дают тени. Такой лес необычайно светел и прозрачен. Замечательно красивы и разнообразны дикие австралийские цветы, похожие порой на насекомых, бабочек, на пестрые живые создания. На горах растут чудесные древовидные папорот-

ники. Здесь развито садоводство, при этом в городах и пригородах больше, чем на фермах.

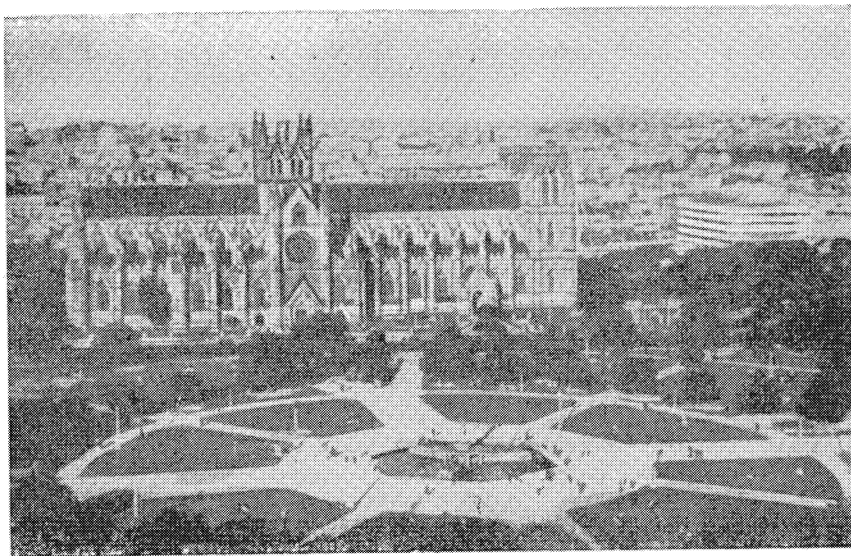
Но поистине поразительна фауна этого самого маленького в мире материка, который многие географы называют большим островом. Отдаленность от других материков, заброшенность среди гигантского океана превратили Австралию в естественный заповедник. Таких животных, как в Австралии, нет больше нигде на всей нашей планете. Некоторые породы их как бы застыли в переходной стадии развития от одного вида к другому. Таковы, например, утконос и ехидна—одновременно млекопитающие и яйцесосные. Рот утконоса похож на птичий клюв, а тело покрыто нежным мехом. Утконос откладывает яйца, но кормит детенышей молоком. Водятся здесь также породы сумчатых, то есть таких животных, которые донашивают своих недоразвитых еще детенышей в особых сумках, имеющихся на брюхе.

Удивительны и австралийские пернатые: есть птица хохогун, живущая обязательно в паре со своей подружкой около человеческого жилья; есть сказочная красавица—райская птица; маленькие попугай-неразлучники, попугай какаду, страус эму. Певчих птиц здесь почти нет: одни стонут, другие издают протяжные, грустные крики, третьи хохочут, как люди—насмешливо и заразительно.

Да, Австралия, это действительно заповедник! Только «приезжая» собака, да прилблудившаяся с корабля крыса, да обычный кот, вывезенный для разведения из Европы и Америки, напоминают здесь о животном царстве нашего земного шара.

Каждый день нашего пребывания в Австралии обогащал нас все новыми и новыми знаниями.

В один из праздничных дней в парке демонстрировали сцену охоты с

Городской парк в Сиднее.

бумерангом—одним из самых примечательных видов оружия.

Коренные жители Австралии—темнокожие люди с живыми глазами, толстыми губами и необычайно густой жесткой шевелюрой—отличные охотники и следопыты. Несколько таких австралийцев собрались на опушке небольшого леса. Один из охотников, неслышно скользя в кустарнике, выбрал удобное место, остановился, ловким движением взмахнул бумерангом и метнул его... Оружие с молниеносной быстротой пролетело горизонтально, затем взвилось кверху, сбило с верхушки дерева нескольких птиц и, описав в воздухе замкнутую кривую, вернулось обратно к ногам охотника.

Уходя из парка, мы горячо и громко обменивались мнениями об искусстве метать бумеранг. Услышав это, наши австралийские знакомые подарили нам на память по бумерангу. На пароход уэлленовцы вернулись «вооруженные» бумерангами. Тут же на палубе начали упражняться в метании. Однако не у всех получилось это удачно, и многие бумеранги оказались в море, за бортом.

У меня австралийский бумеранг сохранился надолго. Он висел на перборке в каюте, проделал с нашим пароходом тысячу миль по морям и, наконец, добрался вместе со мной до Москвы.

Днями отдыха, непритязательного и легкого, как в детстве, останется в моей памяти время наших стоянок в Австралии. Прелесть ее невиданной, декоративной растительности в садах Сиднея, своеобразие ее животных, таких диких животных для человека наших широт, прогулки—во всем этом было много такого, что вспоминается потом, как прогулка отроческих лет. Приятельские и простые отношения с чужими людьми еще усиливали это чувство любопытства к жизни. Но вместе с тем никто из нас не забывал ни на одно мгновение, что в тысячах километров отсюда наша родина ожесточенно и тяжело борется с немецкими захватчиками. «Война!»—с этой суровой мыслью мы пробуждались каждое утро и засыпали ночью после дня, полного таких приятных, казалось бы, впечатлений. И, разумеется, война не замедлила показать себя. Грозной невидимкой она дохнула на нас во мгле теплой океанской ночи.

То, что я сейчас расскажу, произошло в тридцати милях от берегов Австралии.

Мгла, сгущаясь над океаном, затягивала горизонт. Ночь пала внезапно, почти без сумерек. Царил штиль, и по поверхности фосфоресцирующего моря, за кормой «Уэллена» тянулся пенящийся след.

На мостике было темно: горели только лампы над приборами. Время от времени молчание прерывалось очередным приказанием капитана.

В 22 часа 30 минут во тьме сверк-

нули короткие молнии. Донеслись звуки орудийных выстрелов... В двадцати метрах от правого борта разорвался снаряд, за ним—второй, третий. Невидимый враг стрелял с ожесточенной частотой. У борта вырастали столбы пенящейся воды; задерживаясь на мгновение в воздухе, они с гулом рушились обратно в море и на палубу.

Прозвучали громкие звонки боевой тревоги. По трапам быстро взбежали на палубу кочегар Симбердеев, машинист Николаев, механик Рутковский. Матросы, кочегары, механики,

Юные австралийские охотники с бумерангами.

штурманы заняли свои посты у орудия и пулеметов.

— Тревога! На близкой дистанции неизвестная подводная лодка!

Глухой удар, огонь, взрыв... Крупные осколки посыпались на мостик. Капитана Малахова ранило в шею и в руку. Он тяжело опустился на поручни, но продолжал управлять пароходом. Николай Никитич искусно маневрировал судном, круто разворачивался, выписывал кривые, чтобы уйти из-под обстрела. Машинисты работали на полных оборотах, и огромный корабль ускользал от вражеских снарядов ловко, как легкая яхта. Кочегары Селезнев, Невмывако и Каменев безустали швыряли уголь в топку котлов, шуровали и подламывали шпак.

Первый натиск противника был отбит. Но после неудачной атаки подводная лодка продолжала невидимо следовать за нами. Снова установилась тишина. Нигде ни звука, лишь плеск волн о борт судна. Минуты, казалось, текли медленно, напряженно.

Экипаж пережил еще сорок пять томительных минут неизвестности. «Уэллен» шел противолодочными зигзагами.

Наш раненый капитан Малахов и сигнальщики на мостике неотступно всматривались в ночь, а она была непроницаемой.

Неожиданно снова стали рваться снаряды, как и раньше; у самого борта высоко взметнулся водяной столб и обрушился на палубу. Каскады соленой морской воды обдавали судно. Командир орудия штурман Александр Мель засекал вспышки вражеских выстрелов и открыл беглый огонь, ориентируясь на предполагаемое местонахождение врага. Пароход наш устремился вперед. Из глубины его доносилось напряженное дыхание машин.

Затем снова последовала почти часовая пауза. Неожиданно сигнальщик заметил, что рейдер всплыл на поверхность моря, перейдя с правого борта на левый. Подводная лодка шла полным ходом, параллельным, немного секущим курсом. Вражеский корабль теперь был хорошо виден.

Капитан Малахов почувствовал, что наступает самый трудный и опасный момент боя. Он принял смелое решение и искусным маневром так развернул пароход, что подводная лодка оказалась на близкой дистанции в секторе обстрела.

Матрос Павел Уткин, находившийся со своим пулеметом на капитанском мостике, принял бить трассирующими пулями. В рубку подводной лодки уперлись огневые струи. Ориентируясь по этому светящемуся пунктиру, стал стрелять бронебойными пулями из крупнокалиберного пулемета кочегар Ибрагим Симбердеев.

Капитан дал новую команду. Пароход отвернул. Артиллерийский расчет штурмана Александра Мель сказал свое решающее слово. Снаряд попал в основание боевой рубки и вызвал сильный взрыв. В клубах черного и желтого дыма, пара и пены подводная лодка погрузилась в глубину.

Громовое «ура» прокатилось по пароходу.

Бледный и окровавленный капитан обнял наводчиков, пожал руку штурману Мель.

— Благодарю вас за службу, товарищи!—обратился Малахов к экипажу.

Перед ним стояли черные от пороховой копоти и машинного масла, взмокшие от пота и соленой воды моряки-победители. На палубу выбрались кочегары, простоявшие подрядом две вахты у пылающих топков.

Так в далеких океанских просторах закончился этот бой, беспримерный по своему напряжению и упорству бой транспортного парохода с подводным рейдером.

АРАРАТ

Много на земле высоких гор, но нет другой такой горы, кроме Арарата, которая поднимала бы свою снеговую вершину почти на 4 километра над плоской степной равниной. И Эверест в Гималаях, и пик Стелла на Памире, и Эльбрус на Кавказе, и Мон-Блан в Альпах—все они поднимаются среди множества высоких снежных вершин; соседние вершины и гребни скрывают их склоны от взоров путешественников. Арарат же стоит одиноко над ровной долиной Аракса и простирающимся за ней плоскогорьем и так высоко поднимается над всем окружающим, что соседние вершины этого плоскогорья, которые в тридцать раз выше египетских пирамид, кажутся карликами.

Арарат расположен вблизи Аракса, по которому сейчас идет граница СССР и Турции. В 1920—1921 годах турки оккупировали часть армянских земель, входивших в состав России. До этого времени граница проходила южнее, как раз там, где подни-

мается Арарат. В Сарлар-Булакской седловине, разделяющей две вершины Арарата—Большой Арарат и Малый Арарат,—распологалась пограничный кордон. У Арарата сходились границы России, Турции и Персии. Арарат является потухшим вулканом. Только вулкан и может подниматься такой одинокой громадой. Он состоит из двух конусов. Северо-западный конус—Большой Арарат—достигает высоты 5 156 метров над уровнем моря. Он выше Казбека, но уступает по высоте Эльбрусу и еще двум-трем вершинам Кавказа. Однако он превышает почти на 350 метров высшую точку Европы—Мон-Блан.

Вершина Большого Арарата более чем на километр по высоте окутана вечным снегом. С ее северной стороны, среди снегов, сверху вниз идет глубокая расщелина, окаймленная зубками черных скал. В этой расщелине обнажается внутреннее строение вулкана. От снежной шапки Большого Арарата спускаются небольшие ледники, но талые воды их быстро впитываются рылыми вулканиче-

скими породами. Поэтому склоны Арарата сухи, имеют дикий и пустынный вид.

Малый Арарат, немного не достигший 4 километров высоты над уровнем моря, представляет собой типичный конус,—форма, которую может иметь только вулканическая вершина. Склоны конуса рассеяны расходящимися в разные стороны от вершины довольно глубокими ложбинами, вырытыми талыми снеговыми водами в рыхлых вулканических породах. Зимой, весной и осенью вершина Малого Арарата бывает покрыта снегом, но летом снег сохраняется не каждый год. Летом обычно только в затененных местах встречаются небольшие остатки снегового покрова.

По склонам Арарата спускаются громадные выветрившиеся потоки застывшей лавы. Везде хаотически нагроможденных обломков они достигают равнины у подножья горы. Древесной растительности склоны Арарата очень бедны. Травиистая и кустарниковая растительность здесь тоже скудна. Хороших пастбищ нет. Лишь в седловине между Большим и Малым Араратом трава пыш-

нее. Здесь пробивается на поверхность обильной водой родник, а у подножья конуса Малого Арарата есть березовая роща.

Арарат необыкновенно красив и величествен в ясный день, когда вершина его свободна от облаков. Снежная громада, высоко поднимаясь среди опаленных солнечным зноем попустынных и степных пространств, привлекла восторг многих путешественников.

Первые человек достиг вершины Большого Арарата в 1829 году.

Значительная часть восхождения была совершена русскими исследователями. В середине прошлого столетия для точного определения высоты и положения (то есть широты и долготы) Большого Арарата русский военный геологист генерал Хользко поднялся на его вершину с целой экспедицией и оставался там в течение двенадцати дней. Восный топограф А. В. Пастухов заснял планы обеих вершин Арарата.

С вершины Арарата открываются необычайно далекие просторы. «Самые большие реки отсюда кажутся ниточками, а города имеют вид горстки камешков».

Охота на КИТОВ

Фото Д. Дебаова

Одним из интересных видов морских промыслов на Дальнем Востоке является китобойный промысел. Наши китобои добывают ежегодно не менее 600 этих гигантских морских зверей. Кит — млекопитающее, но по внешнему виду напоминает рыбу. Его передние конечности превратились в ласты. Задние конечности совсем неразвиты. Благодаря своей рыбообразной форме киты необычайно подвижны в воде и могут двигаться с большой скоростью.

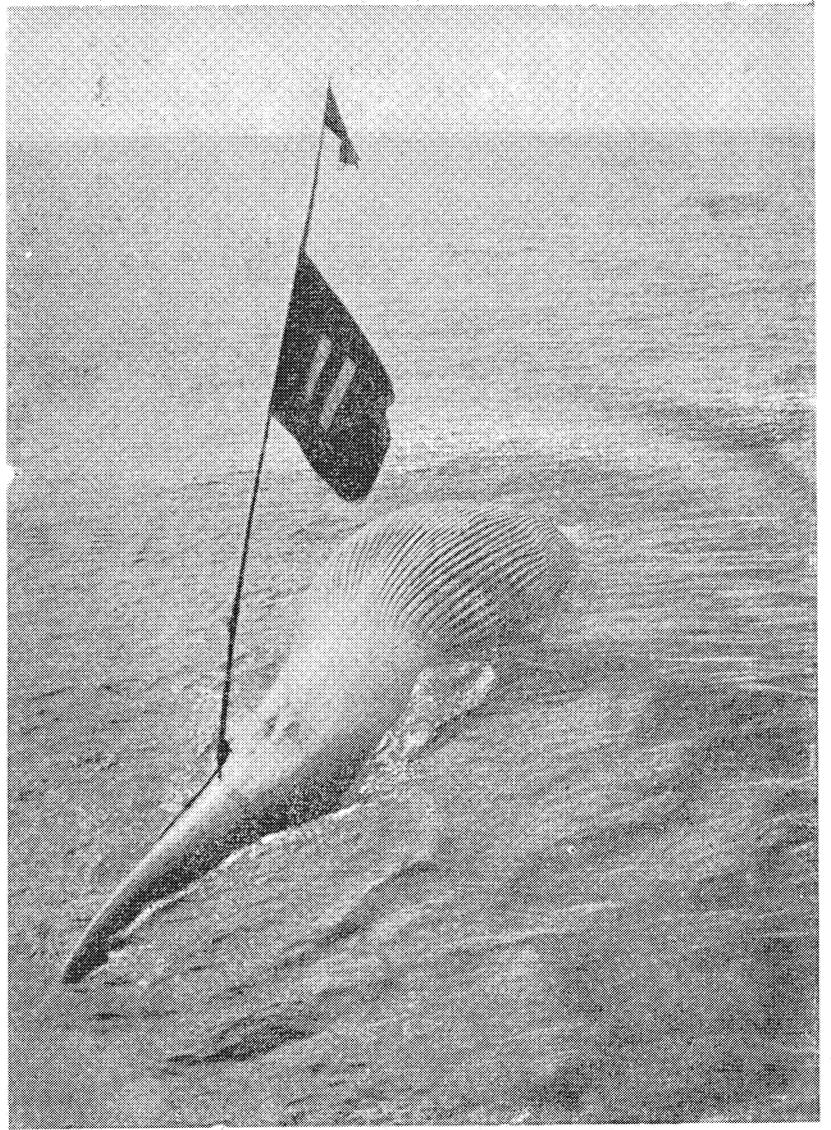
Как и все млекопитающие, кит дышит атмосферным воздухом и потому может оставаться под водой ограниченное время. Выходя на поверхность моря, он набирает запас воздуха при помощи «дыхала», расположенного на верхней части головы. При этом кит выбрасывает вверх фонтан. В море, где много китов, все время вокруг судна видны такие фонтаны.

Беззубые киты, несмотря на свою огромную величину (некоторые из них достигают 30 метров в длину), питаются мелкими обитателями моря. Кит набирает в открытую пасть большой объем воды и затем процеживает его через систему длинных тонких пластинок, помещающихся в его пасти. Мелкие рыбешки, ракообразные и даже планктон служат его пищей. Другая группа китов, так называемые зубатые киты (к ним относятся кашалоты, дельфины, белухи, нарвалы) питаются более крупными обитателями моря.

Киты обитают главным образом в холодных морях северного и южного полушарий. Теплокровные животные полярных морей сохраняют температуру тела при помощи толстого жирового слоя, находящегося под его кожей. Китовый жир представляет главную промысловую ценность.

Охота на кита прежде проводилась ручным способом. Охотник с лодки бросал в вынырнувшего кита гарпун. Теперь гарпун выбрасывается специальной гарпунной пушкой. Она помещается на носу маленького, чрезвычайно быстрого и подвижного судна — «китобоя». Команду его составляют десять человек.

Прежде обработка китов велась исключительно на берегу. Теперь у нас на Дальнем Востоке имеется специальная пловучая фабрика — китобойная матка «Алеут». На нашем нижнем снимке изображен «Алеут» с кашалотом на палубе, приготовленным для разделки. Верхний снимок изображает мелкого кита «финвала» с опознавательным знаком китобойной бригады.

КРЕПОСТЬ У ЖЕЛТОГО МОРЯ

(Из истории Порт-Артура)

СЕРГЕЙ МАРКОВ

Этот город-порт, сооруженный русскими людьми, выросал на месте китайской рыбацкой деревни. Здесь, на Ляодунском полуострове, в середине 80-х годов прошлого века возник город-крепость Люй-шун-хоу—будущий Порт-Артур. Воды Порт-Артура не замерзали и были доступны для кораблей круглый год. Порт имел замечательную якорную стоянку. Он запирает вход в Чжилйский залив, прикрывая путь к Тяньцзину и Пекину, и занимал выгодное положение на морских путях в Корею и Японию. Китайские власти хотели сделать его базой для молодого броненосного флота Китая.

В 1891 году Люй-шун-хоу гордился своим морским портом, доком и мастерскими для починки кораблей, складами боевых припасов. В городе было свыше тысячи домов. В 1893 году была построена часть железной дороги Пекин—Мукден, и из Порт-Артура можно было проехать до китайской столицы через Шанхайгуань, куда из Порт-Артура можно было, в свою очередь, попасть, проделав путь по суше вокруг всего Ляодунского залива. У Шанхайгуаня начиналась Великая Китайская стена... Через три года японский граф Ойяма напал на Порт-Артур. Двадцать тысяч японцев подошли к городу и бросились на редуты, защищавшие Порт-Артур со стороны суши. На следующий день японским солдатам удалось занять и береговые укрепления. Четырнадцать тысяч китайцев не могли удержать крепость и город в своих руках; в боях с японцами пало четыре тысячи защитников Порт-Артура.

Взятие Порт-Артура графом Ойямой сопровождалось зверствами. Японцы не пощадили ни женщин, ни детей, ни стариков. Три дня продолжалась кровавая резня в Порт-Артуре. Год с небольшим властвовали там японцы, и город был возвращен обратно Китаю после заключения трактата от 28 ноября 1895 года. Сорок японских самураев, узнав об отказе микадо от Ляодуна, сделали себе хакарири.

Между тем был решен вопрос о постройке Китайской Восточной железной дороги и сдаче в аренду русскому государству Ляодунского полуострова вместе с Порт-Артуром и другими городами у Желтого моря.

Первым русским обитателям Порт-Артура пришлось много потрудить

ся, чтобы восстановить город и порт после волчьего набега Ойямы. Один за другим прибывали русские корабли в гавань; с них сгружали рельсы, строительные припасы, лес, цемент, паровозы, машины, станки, якоря. Огонь маяка Ляотешань, на южной скочечности Ляодуна, встречал корабли «Петербург» и «Тамбов»; на них были привезены скорострельные пушки и мортиры для будущих твердых на Желтом море. Из Одессы, Кронштадта и Владивостока в Порт-Артур прибывали части Квантунского гарнизона.

Русским мореплавателям довелось покорять бурные южные воды, где свирепствовали тайфуны, во время которых не раз погибали китайские корабли даже в самой гавани Порт-Артура.

Вскоре ученые офицеры гидрографической экспедиции Восточного океана взялись за описание берегов Квантуна и исследование глубин Желтого моря; метеорологи стали изучать область муссонов и особенности климата Ляодуна. В один-два года было написано множество русских книг, научных статей о Ляодуне и Порт-Артуре. Замечательный писатель Н. Гарин-Михайловский одним из первых посетил Порт-Артур в 1898 году. Вместе со своим спутником Н. Е. Боршинским он впервые прошел и описал весь путь от Владивостока до Порт-Артура — длиною в 1500 верст. Н. Гарин тепло вспоминал о первых русских порт-артурцах, о тех моряках и «путейцах», которые, строя здесь русскую культуру, стояли «за полную равноправность» китайцев, за «их право жить, как они хотят».

Прошел год, и в Порт-Артуре начала выходить русская газета «Новый край» П. А. Артёмьева, издание которой не прекращалось во время японской осады. В Порт-Артуре побывал знаменитый геолог К. Богданович, знаток Аляски и Центральной Азии, Маньчжурии и Туркмении. Он составил геологическое описание южного Ляодуна; в недрах полуострова таились уголь и золото.

Русский флаг развивался над Желтым морем. В 1899 году из Порт-Артура вышла экспедиция на острова Элиота, почти неизвестные европейской науке. Морские офицеры произвели съемку этого архипелага, лежавшего к востоку от Ляодуна. Острова Элиота приобрели большое военное значение своими замечательными рейдами.

Наибольшего размаха строительные работы в Порт-Артуре достигли в 1900—1901 годах, когда началась прокладка железной дороги к Мукдену, к Харбину, который был в то время скромной речной пристанью.

В гавани Порт-Артура работали землечерпательные машины, углубляя дно Западного бассейна за Тигровым полуостровом. Этот обширный, но очень мелководный морской залив мог быть прекрасной внутренней гаванью для больших броненосных кораблей, но для этого нужно было увеличить его глубины.

На Золотой горе вырос маяк, расплодилась батарея. Знаменитая Золотая гора стояла направо от узкого входа в гавань Порт-Артура. С ее вершины был виден весь город.

К северу от Золотой горы лежали Восточный бассейн и Старый город, над которым высилась Перепелочная гора.

На Пушкинской улице в Старом городе стоял дом газеты «Новый край»; в нем были размещены типография, редакция и книжный магазин.

Огромное здание флотского экипажа возвышалось между Старым городом и Пресным озером.

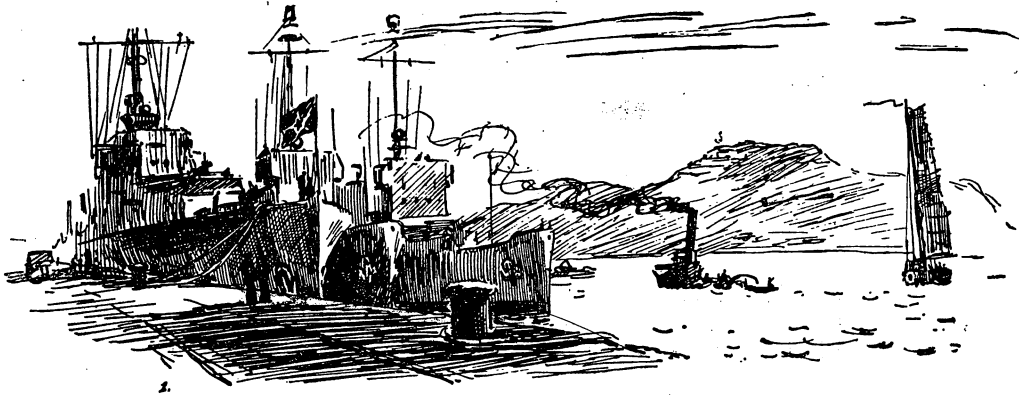
Новый город выросал на северном берегу Западного бассейна. Там была оживленная Морская улица с большими домами, реальное училище, инженерное управление.

Был в Порт-Артуре еще и Новый китайский город с базарами, мастерскими ремесленников; были дачные места близ моря.

На берегу моря, на побережье внутренних бассейнов, частью на холмах и косогорах стоял этот город русской славы. Грозная крепость, морской порт, конечный пункт великой железной дороги — вот чем был Порт-Артур. Но он был еще и индустриальным центром. На берегах Восточного бассейна находились корабельные мастерские, угольные склады, причалы для кораблей.

В 1901 году в Порт-Артур был доставлен из Петербурга в разобранном виде миноносец «Сильный». В Порт-Артуре его снова собрали и спустили на воду. Впоследствии «Сильный» прославил себя в боях за родину.

Русские матросы и мастеровые Порт-Артура, рабочие-китайцы соби-

1.

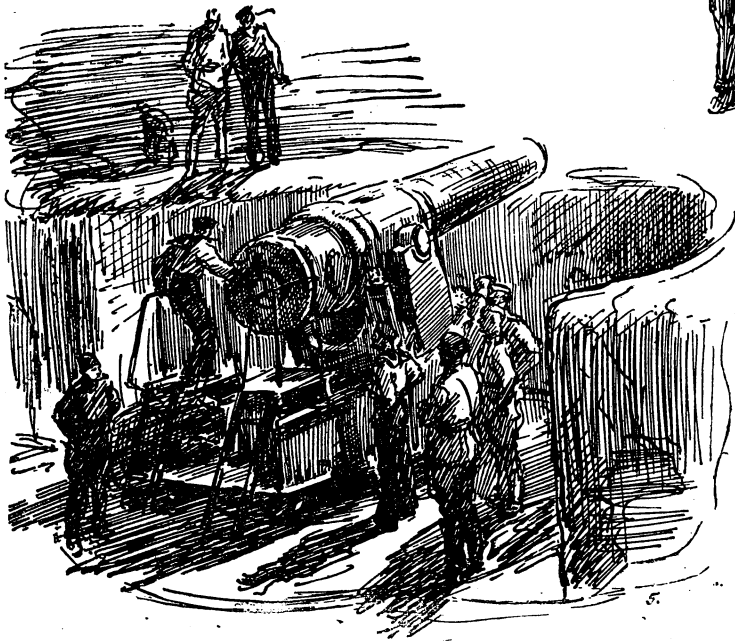
4.

2.

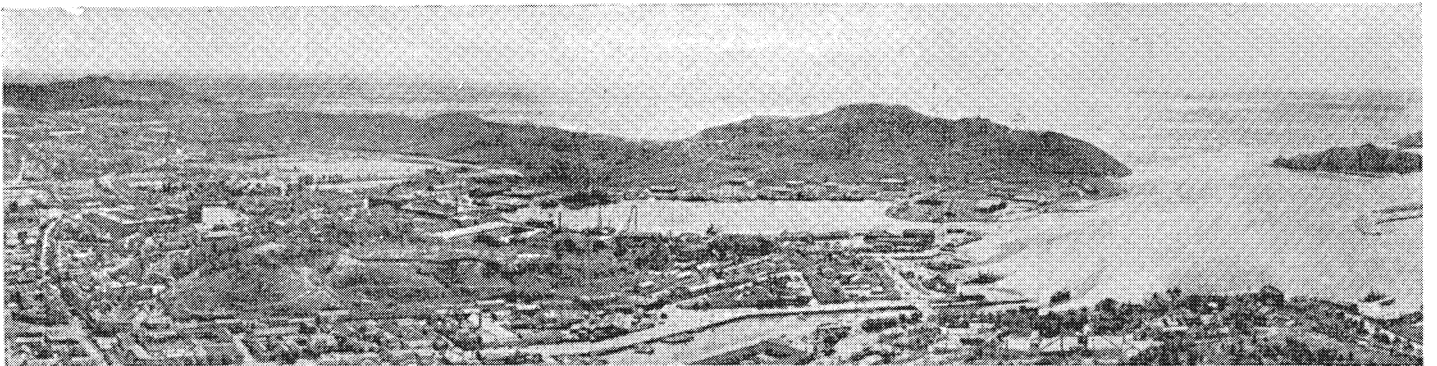
3.

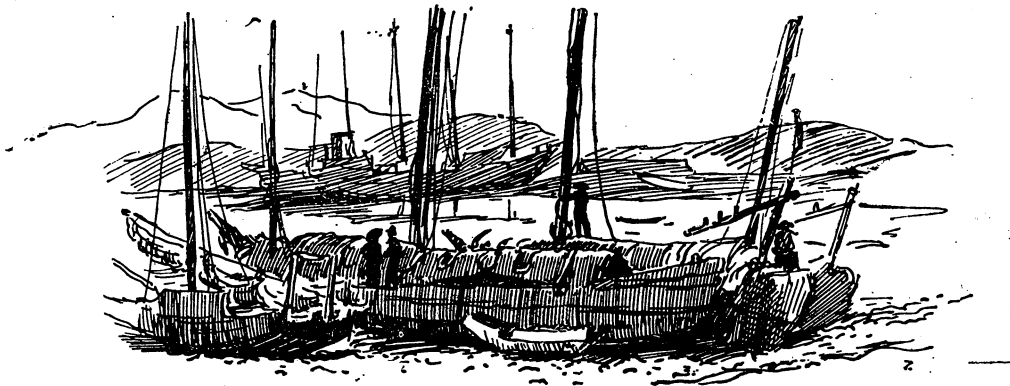

5.

6.

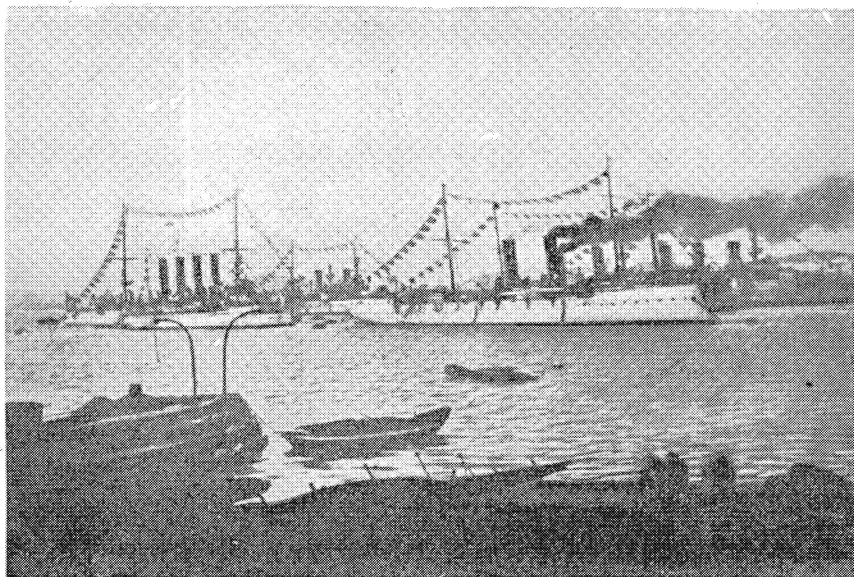

Порт-Артур сегодня

Из фронтового альбома военного художника
В. Высоцкого

1. Первые советские боевые корабли в бухте Порт-Артура.
2. Торговец фруктами.
3. Молодой и старый китайцы.
4. Японка с ребенком.
5. У тяжелого орудия времен 1904 года.
6. Китайский лама.
7. Китайские джонки в часы отлива.
8. Китаенка с зонтиком.
9. Китаец-рыбак.
10. Продавец овощей.
11. Уличка в Порт-Артуре.

Русская эскадра в Порт-Артуре весной 1903 года.

рали в портовых мастерских корабли, строили цилиндрические котлы и производили большой ремонт кораблей эскадры Тихого океана. Надо сказать, что портовые мастерские Порт-Артурса были созданы русскими руками заново, так как солдаты графа Ойяма, бесчинствуя в порту, разграбили и увезли с собою все ценное, что было в китайских мастерских. Русские порт-артурцы осветили порт электричеством, перестроили оставшийся еще от китайцев док, начали заново строить второй.

Русская церковь и Суворовский плац, Морское собрание и Пушкинская школа, чайная-театр для матросов и китайский театр, Военная школа и Общество садоводства, загородный сад и гостиницы, теннисный клуб и библиотеки — вот что можно было найти в Порт-Артуре. В 1901 году был основан Русско-китайский музей; он знакомил китайцев с жизнью и культурой России. На окраине города помещались русские молочные фермы, и китайцы охотно перенимали от фермеров их опыт. Известностью пользовалась образцовая ферма доктора Малова.

В 1903 году на величественных высотах, окружающих город, заканчивалась постройка военных укреплений, установка новых батарей. Город продолжали застраивать; один за другим вырастали каменные дома, составлялись планы постройки трамвая, водопровода, сети электрического освещения. Из гавани уходили в плаванье суда Общества Китайской железной дороги — «Маньчжурия», «Хайлар», «Инкоу». Была открыта морская линия Порт-Артур — Цифу.

Цифры 1903 года говорят о том, что в Порт-Артуре жило свыше 42 тысяч человек, из них — свыше 10 тысяч русских военных.

Начиная с 1902 года, в Порт-Артуре, Дальнем и на южной линии Китайской Восточной железной дороги были замечены подозрительные гости из Японии. Японцы свободно разъезжали по Квантуну, собирая повсюду сведения о деятельности русских в Маньчжурии. В Порт-Артуре селились японские купцы, цырюльники, фотографы. В 1903 году среди обитателей Порт-Артурса насчитывалось 678 японцев. Они внимательно следили за ростом города, строительством укреплений, работой железной дороги и порта.

Порт-Артур рос и укреплялся. В порту работало двенадцать буксирных пароходов, стоял большой землечерпательный караван, пловучие краны. На Невском заводе шла сборка новых миноносцев.

Все флаги мира видел в те годы Порт-Артур. На его рейде стояла французская эскадра, у его причалов запасались углем норвежские корабли. Приходили гости из Тулона и из южных морей. Поэтому неудивительно было, если казачий сотник Квантунского гарнизона гарцовал на австралийском коне, если в лавках Порт-Артурса продавались товары из Парижа. На пути из Кронштадта в Порт-Артур русские военные корабли шли через тропические воды.

Известно, что крепость Порт-Артур не была подготовлена к обороне. Порт-артурцы не успели выполнить до начала войны всего проекта русского инженера-фортификатора К. Н. Величко. На береговом фронте к 1904 году было отстроено лишь 9 долговременных и 12 временных батарей. На сухопутном фронте поставлено было 4 форта, 3 укрепления и 3 батареи.

На подступах к городу форты тянулись вереницей по Драконовым го-

рам, форты и батареи стояли на горе Белого Волка, Лисьих горах, на Ястребиной горе. Со стороны моря Порт-Артур был защищен мощными батареями Электрического утеса, фортами Тигрового полуострова и другими укреплениями. Верстах в десяти от города стояли форты Ляотешаня, составлявшие как бы отдельную крепость. Многие из укреплений строились уже во время осады.

Триста двадцать семь дней длилась осада Порт-Артурса, русского Иллиона у Желтого моря. Японские снаряды били не только по порт-артурским фортам, но и разрушали плоды русской культуры в Ляодуне. Снарядами была разбита типография газеты «Новый край», но газета не прекращала своего выхода, даже после того, как в печатный цех упало два одиннадцатидюймовых снаряда. Типографские рабочие и сотрудники «Нового края» до последнего часа оставались в Порт-Артуре. В осажденной крепости находился рабочий отряд Балтийского завода, посланный на Ляодун. Рабочие порта под непрерывным обстрелом из японских орудий успели оборудовать новый док для починки военных кораблей. Не бросал работ также Невский завод на полуострове Тигровый Хвост, где перед самой войной был построен корабль «Страшный»; не покидали цехов рабочие портовых мастерских.

Много изобретательности было проявлено русскими людьми во время защиты города. Военный воздухоплаватель лейтенант М. И. Лавров собирал по всему Порт-Артурсу шелковые полотнища и простыни; из них Лавров делал воздушные шары. Он не раз поднимался на таких аэростагах, оглядывая с высоты птичьего полета город и желтые горы. Вскоре Лавров погиб под Порт-Артурсом.

На побережье Желтого моря действовала станция русского беспроволочного телеграфа, стояли мощные прожекторные фонари.

Искусными руками порт-артурцев были построены во время японской осады и три батареи, выпускавшие «бомбы-звезды» по врагу; ночью темные высоты освещались ослепительными огнями.

В Порт-Артуре были изготовлены пулеметы и другие боевые средства. Нашли также способ бить японцев их же двадцатипудовыми снарядами.

...Еще продолжались изумившие весь мир бои за Порт-Артур, когда в типографиях Петербурга печатались русские научные труды по описанию Квантуна и Желтого моря. В Порт-Артуре побывало с 1898 по 1904 год много русских путешественников, исследователей, писателей, художников. Историю возникновения города у Желтого моря создавали офицеры Б. М. Лобач-Жученко, Тимченко-Рубан. Торговля Порт-Артурса и других го-

родов Ляодуна описана известным знатоком Востока проф. Д. Позднеевым. В Порт-Артуре побывал в числе русских военных корреспондентов известный писатель Вас. Немирович-Данченко, сумевший прорваться из осажденного города на паровозе.

В героическом городе, на батареях, на кораблях эскадры Порт-Артурская, кроме всемирно известных С. О. Макарова, В. В. Верещагина, В. И. Кондратенко, было немало замечательных русских людей. Участники плаваний на «Витязе» и «Ермаке» с Макаровым и походов к Шпицбергену, топографы и гидрографы, строители портов и железных дорог, военные изобретатели, искусные врачи, петербургские рабочие—все они жили в Порт-Артуре и героически защищали его.

Семь лет создавалась русская культура в Порт-Артуре, и только ей был обязан своим существованием город-твердыня на Тихом океане. Много книг написано о героях желтоморской твердыни, но в летописях ляодунской эпопеи до сих пор есть еще много «белых пятен».

Захватив Квантунскую область с Порт-Артуром, Япония стала мечтать о... прибайкальских степях. В годы, когда в Токио показывали огромную панораму «Взятие Порт-Артурская», японцы в Порт-Артуре думали о завоеваниях в Сибири...

Японцы сделали город-порт особой вспомогательной базой для своего военно-морского флота. Верфи, доки для ремонта судов, топливные склады, склады вооружения были размещены в Порт-Артуре.

В августе 1945 года русские люди вновь увидели утесы Порт-Артурская, его улицы и сады.

25 августа пятнадцать летающих лодок советского флота кружились над Золотой горой и Тигровым Хвостом. Утром над серой колонной, стоявшей на Перепелочной горе, взлетел бело-голубой флаг нашего военного флота. Несколько раньше автоматчики Николай и Тимофей Довборш первыми водрузили красное знамя на шпилье Морского штаба, когда наши войска вступали в город у Желтого моря.

Первым японским комендантом Риоджунко (так называли японцы Порт-Артурская) в свое время был вице-адмирал Сибайяма. В 1945 году русские пехотинцы и моряки пленили последнего начальника особой военно-морской базы в Риоджунко—вице-адмирала Кабаяси. Генерал-полковник Людников, комендант нового Порт-Артурская, утвердил военную власть над городом.

Осенью в Порт-Артурская пришел первый отряд наших кораблей. Проходя водами Цусимского пролива, они салютовали в память русских героев. Салют в 21 выстрел раздался и в тот момент, когда корабли пришли в Порт-Артурская и отдали якоря на месте, где более сорока лет назад стояла эскадра адмирала С. О. Макарова.

В доме бывшего Морского собрания, в Старом городе, залы которого видели Макарова и Верещагина, в октябре 1945 года было торжественно открыто новое офицерское Морское собрание. Участникам первого обеда подавали столовые приборы времен 1904 года с изображениями якорей и надписью: «Морского ведомства»...

В здании собрания были обнаружены русские книги, которые могли читать когда-то офицеры с «Петропавловска». В механическом цехе

верфи стояли станки, изготовленные когда-то на Николаевском и других заводах.

В долине между Золотой горой и Электрическим утесом можно было видеть здание казармы солдат знаменитой Пятнадцатой батареи. Русские люди 1945 года поднимались на Электрический утес по ступеням, выбитым в камне, и там видели остатки железобетонных стен и заросшую травой узкую железную колею для подвозки снарядов. Маршалы, офицеры и солдаты Красной Армии навещали Русское военное кладбище в северо-восточной части Нового города. Там жил смотритель Исачев—второй по счету русский житель Порт-Артурская, которого нашла Красная Армия по своему приходе в город. В кладбищенской часовне хранились портреты Р. И. Кондратенко и С. О. Макарова, погоны и георгиевские кресты офицеров, венки. За каменной оградой были похоронены тела 14 630 порт-артурцев.

Один из наших журналистов долго разыскивал в Порт-Артурская и Дайрлене и наконец нашел бывшую сестру милосердия Е. И. Едрену, когда-то награжденную боевым крестом с надписью: «Порт-Артурская». Она была живым свидетелем боевых подвигов своих друзей и современников. Будучи уже в преклонных годах, она до 1945 года сберегла дорогие ей реликвии, связанные с историей обороны города.

Осенью 1945 года по Порт-Артурская ходили люди, бравшие Берлин и защищавшие Сталинград, Ленинград и Севастополь. Дорога победы привела их на желтые утесы над Тихим океаном—в легендарный Порт-Артурская. И песня о гибели «Варяга» звучала на улицах города русской славы.

Эпизод осады Порт-Артурская.

ЖИЗНЬ и НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Капитан-лейтенанта
ГОЛОВНИНА
путешественника
и
мореходца

Р. ФРАЕРМАН и П. ЗАЙКИН

Морская повесть (продолжение)

Рисунки М. Витинга

БОЙ С КОРСАРАМИ

Прошло, однако, немало лет, пока Василий Головнин стал опытным морским офицером.

После плавания в шхерах — небольшой отдых в виде летних вакаций, посещение с Петей Рикордом Петербурга, где они на золотой адмиралтейской спице дали детскую клятву добыть себе морскую славу. Потом снова ученье, участие четырнадцатилетним гардемаринном в морском бою со шведами, за который он получил медаль за храбрость. Затем окончание учения в корпусе, плавание на военных кораблях в Балтике, служба во вспомогательной эскадре адмирала Ханькова за границей в тревожные для всей Европы наполеоновские дни и, наконец, четырехлетнее практическое плавание на кораблях английского военного флота, куда он в числе других молодых офицеров был послан адмиралтейской коллегией для усовершенствования знаний, — вот вехи, по которым шла жизнь будущего знаменитого мореходца Василия Головнина.

Плавая на английских кораблях, знакомясь с жизнью и морским искусством англичан, он уже был лейтенантом.

То было тревожное время. Наполеон потрясал Европу.

Тревожась сердцем о мире для своего собственного отечества, Головнин в эти беспокойные годы наполеоновских войн все же хотел бы видеть английский флот не только в мирном плаваньи, но и в бою.

Надежда на это появилась, когда эскадра Нельсона, в которой служил Головнин, пришла в Средиземное море и обложила Тулон. Но вскоре выяснилось, что французы не склонны выходить в море и принимать бой, предпочитая отсиживаться в хорошо защищенном

порту. Блокада сделалась затяжной, не интересной для молодого офицера, учившегося сражаться и побеждать.

Головнин об этом сожалел. Жалел он и о том, что, служа в эскадре Нельсона, ни разу не видел этого знаменитого английского адмирала, перед которым трепетало и которым восхищалось великое множество моряков.

Но однажды, в довольно сильную непогоду, когда брызги от волн достигали палубы корабля, к «Героду Парижу», на котором плавал Головнин, подошел многовесельный катер под вымпелом командующего эскадрой. На корабль прибыл сам адмирал Нельсон, повергнув всех в удивление и восторг.

На шканцах выстроилась команда. Бесшумно, в одно мгновение с борта был спущен парадный трап. По трапу медленно поднимался адмирал, как бы в состоянии задумчивости, заложив назад свою единственную левую руку. Голова его была слегка опущена. И Головнин, замерший в ряду других офицеров, увидел сперва лишь треугольную шляпу и большой припудренный парик, которым адмирал скрывал свою рану, полученную в Абукирском сражении.

«Так вот он, Горацио виконт Нельсон, человек, всю жизнь неукословно служащий девизам быть верным трону до последнего вздоха; не смей обсуждать приказаний начальников; ненавидеть всякого француза, как чорта... Так вот он, покоритель Корсики, флотоводец, одержавший столь блестящую победу при мысе св. Винченца над испанцами, уничтоживший флот великого Наполеона у берегов Египта, жестокий в своих действиях, но верный слуга своего отечества, превыше всего ставящий его пользу и славу».

Так думал Головнин, с волнением глядя на худощавую фигуру адмирала.

Нельсон вдруг с живостью поднял голову, и тогда Головнин увидел его лицо. Единственный глаз адмирала глядел пылливо и сурово. Однако адмирал привет-

Льво поздоровался со стрелем и сделал смотр всему кораблю. Адмирал остался доволен. После этого капитан пригласил многих офицеров к обеду.

За обедом адмирал ел мало и часто шутил. Офицеры пили много. Беседа велась непринужденно, что свидетельствовало о духе заманчивой вольности, царившей за столом.

Иногда казалось, что адмирал ничего не слышит. Он молчал, и рука его с длинными пальцами, худыми и цепкими, неподвижно лежала на белой скатерти. Глядя на эту руку, Головнин думал: «О, сколь много силы и власти морской вмещает в себе сия крепкая длань!»

И хотя из всех славных англичан почитал он более других знаменитого мореплавателя капитана Кука, но и на этого старого морского льва смотрел с волнением, стараясь запомнить образ сего хотя и жестокого, но сильного человека, чья морская слава была столь заманчива для мореходца.

Заметив на себе пристальный взгляд Головнина, адмирал обратился к нему с вопросом:

— Не вы ли тот молодой русский офицер, что служит в моей эскадре?

— Да, сэр, — почтительно подтвердил Головнин.

— Я знал об этом, но ни разу не видел вас. Я только слышал о вас много похвал от капитана вашего корабля и разделяю их.

— Похвала английского капитана, сэр, делает честь каждому мореходцу, — сказал Головнин.

Адмирал улыбнулся, оставшись доволен столь учтивым ответом.

— Где вы так хорошо научились английскому языку? Довольны ли вы своей службой в нашем флоте? Находите ли вы у нас что-либо достойное подражания?

— Слишком много, сэр, достойного. Для того я и послан к вам учиться, ибо отечество мое желает иметь столь же образцовый флот, как флот его величества короля Англии.

Но старший лейтенант Корбет, который уже изрядно выпил, вдруг воскликнул:

— О да, но желает ли того его величество король Англии?

Адмирал улыбнулся, однако тут же сказал Головнину серьезно и задумчиво:

— Вы, русские, слишком хорошо бьете и турок и шведов. У вас имеются искусные адмиралы, такие, как Ушаков и Синявин, и много храбрых офицеров, которых его величество король Англии, наверно, желал бы иметь в своем флоте.

— Я с гордостью передам ваши слова, сэр, своим соотечественникам, — сказал Головнин с учтивым наклоном головы, не обращая внимания на слова Корбета.

Но Корбет не унимался.

— Чорт возьми, — сказал он, — я солдат, а не политик. Но Российская империя не Испания. Ваше отечество, как всем известно, простирает свои границы по суше, а не по морю. А океан, хоть он и велик, но в нем всегда тесно.

Молодой Головнин нахмурился, и глаза его сверкнули.

— Мое отечество, — сказал он с достоинством и громко, — столь обширно и могущественно, что вмещает в себе берега не одного—двух океанов и восьми морей. Ему приличествует иметь флот, равный его могуществу.

Адмирал пытливо посмотрел своим единственным глазом на молодого русского офицера.

— Я вижу, наша навка идет вам впрок: вы очень хорошо научились говорить по-английски...

И вдруг, обратившись к своим офицерам, добавил:

— А вам я могу сказать, господа: будучи в бою, помни правило — бери на abordаж француза и маневрируй с русскими. Наши соотечественники, служившие в русском флоте, свидетельствуют, что мужество русского моряка в борьбе с противником является несомненным и бескорыстным. Он сражается до последнего вздоха. Он имеет все данные, чтобы занять первое место среди моряков мира.

Адмирал кончил обедать и встал, отпустив офицеров. Головнин вышел из-за стола, взволнованный спором. И позже, стоя на вахте, он думал: «Ах, ужели для того, чтобы любить свое отечество, следует не уважать чужое?»

В тот день он ничего не записал в своем журнале, который вел всегда во время своего плаванья.

...Наступил 1805 год. Головнин плывал теперь на английском корабле «Фосгарт» под командой капитана лорда Маркера у берегов Испании. Корбет случайно плывал на том же корабле в качестве старшего офицера, как бы попрежнему сопутствуя Головнину в его ознакомлении с английским морским искусством.

Однажды — это было в январе — Корбет, возвратившись от капитана, сказал Головнину:

— Новость! Сегодня ночью предстоит интересное дело. В заливе Сервера обнаружен греческий корсар, недавно ограбивший несколько купеческих судов. Командующий эскадрой приказал взять и уничтожить корсара, не делая особого шума. Что вы на это скажете, дружище?

— Это будет горячее дело, — отвечал Головнин. — Я бы тоже хотел участвовать в нем.

Корбет свистнул:

— Боюсь, что вас не пустят. Все ж таки вы еще учитесь, и капитан не знает, искусны ли русские моряки в abordажном бою.

— Если он не знает, так теперь предстоит случай узнать, — сказал Головнин.

— Но вас могут ухлопать корсары, они дерутся, как черти. Зачем вам это нужно, по совести говоря?

— Затем, — ответил Головнин, — что я хочу видеть, как английские моряки берут не только рифы, но и корсарские суда.

Корбет захохотал.

— Честное слово, вы славный парень, мистер Головнин, и в карман за словом не лезете. Только боюсь, что мы научим вас слишком многому. А впрочем, пойдите к командиру. Если он разрешит, почту за честь участвовать с вами в экспедиции, руководство которой поручено мне.

Головнин тотчас же отправился к капитану.

— Вы хотите участвовать в сегодняшнем ночном сражении? — спросил с некоторым удивлением лорд Маркер. — Но, знаете, это может быть хотя и небольшое, но очень опасное дело. Греческие корсары — народ отчаянный и режутся до последнего.

— Все же я просил бы вас, сэр, разрешить мне принять участие в сегодняшней ночной экспедиции, — настаивал Головнин.

— Но вы у нас гость, и подвергать вас ненужной опасности я не хотел бы. Ведь вас сюда прислало ваше правительство с лестной для вас целью учиться. А если вас убьют?

— Военный моряк всегда должен быть готов к этому.

Лорд Маркер сказал:

— Вы, я вижу, храбрый офицер. Ну что ж, если хотите. Я не считаю себя вправе отказать в подобной просьбе молодому офицеру, даже если бы он и был гостем. Передайте Корбету, что вы зачисляетесь в его экспедицию.

— Вот и отлично! — воскликнул Корбет, узнав о согласии капитана. — Беру вас с собой. Будет забавное дело.

...Около полуночи несколько гребных баркасов и шлюпок, вооруженных легкими однофунтовыми фальконетами, в полной тишине отплыли от борта «Фосгарта», направляясь к хорошо скрытой с моря крохотной бухточке в заливе Сервера, где, по данным разведки, должен был находиться греческий корсар.

Шли с таким расчетом, чтобы затемно войти в бухту и напасть на корсарский бриг. Море было спокойно настолько, что отражения звезд в воде были почти неподвижны. Шлюпки скользили бесшумно — весла их были обернуты в уключинах парусиной, и лишь ритмически дружный плеск их о воду нарушал безмолвие ночи.

Корбет с Головинным шли впереди всей флотилии на большом десятивесельном баркасе. Корбет говорил.

— Мы должны напасть на корсаров неожиданно, чтобы захватить их врасплох.

— Едва ли это удастся, — заметил Головинн.

— По данным нашей разведки, сегодня у этих разбойников праздник какого-то их святого, и они гуляют с утра. Но все же мы должны быть осторожными. Имеются сведения, что у них на борту есть одна медная пушка и несколько коронад и тяжелых фальконетов.

Плавание продолжалось около двух часов.

Мягкое движение шлюпки, тишина, ритмические всплески воды — все это незаметно отодвинуло вдалеке ожидание предстоящей стычки. И даже не верилось, что так близка возможная опасность. Головинна стало клонить ко сну. И в то самое мгновение он не столько заметил, сколько почувствовал, что Корбет, сидевший против него, вдруг привстал и начал напряженно вглядываться в темноту.

Головинн взглянул по тому же направлению, и он мгновенно отлетел от него. При неясном свете звезд он увидел почти перед самым носом своего баркаса силуэт довольно большого судна. Его рангоут был ясно виден на звездном фоне неба. Это был двухмачтовый бриг узкой и длинной формы, видимо, рассчитанный на большой ход.

На бриге все было тихо. Не светилось ни одного огонька. Охранные шлюпки вокруг него заметно не было. Казалось, что корабль либо оставлен людьми, либо беспечно погрузился в крепкий сон.

— Перепились и спят... — шопотом сказал Корбет. — Я же говорил...

Английские шлюпки стали осторожно и бесшумно обходить корсарский бриг, беря его в кольцо. Они уже почти вплотную подошли к нему.

На корсаре попрежнему все было спокойно.

Англичане уже были у самого брига, и матросы стали бесшумно забрасывать на его борта абордажные крючья. У многих в этой напряженной тишине билось сердце. У Василия Головинна тоже билось сердце, но он думал не об опасности близкого боя...

«Вот они, отважные корсары, — думал он, вглядываясь в темную безмолвную массу корабля. Сыны древней Эллады, соотечественники Одиссея и Телемака, славные имена которых так волновали когда-то его детское воображение. — Так проходит слава мира!»

Но вот кто-то неосторожно стукнул крюком о борт. На палубе брига неожиданно звонким, плачущим лаем залилась собачонка.

«Как у нас в Гульенках», подумал Головинн, невольно улыбнувшись в душе.

Английские моряки со всех сторон дружно полезли на бриг, однако попрежнему стараясь не шуметь. Корбет, перелезавший через борт рядом с Головинным, шепнул ему:

— Мы возьмем их сонными, как куропаток. Они не слышат даже собачьего лая.

Но Корбет ошибся. Не успел он произнести этих слов, как на палубе блеснул огонь и прогремел выстрел, прокатившийся эхом среди камней и скал на берегу. И в ту же минуту со всех сторон послышался топот бегущих босых ног.

Бриг ожил в одно мгновение. Где-то под палубой слышались глухие крики, из люков начали выскакивать корсары, с бешеной яростью бросавшиеся на англичан. Уже начинало светать. Даже виден был блеск ножей в руках пиратов. На палубе засверкали новые огни, слышалось несколько беспорядочных выстрелов.

Англичане уже были на бриге. Теперь они стреляли со всех сторон. Несколько корсаров упало.

Это было последнее, что заметил Головинн. Дальнейшего он не помнил. Он наносил в полутьме частые и сильные сабельные удары. Казалось, что сливающаяся перед ним в одно целое, мечущаяся в предрассветном сумраке толпа сама лезет под его удары, не позволяя промахнуться.

Порою эти удары достигали своей цели, порою от чего-то отскакивали с такой силой, что один раз сабля едва не вырвалась из его онемевшей от напряжения руки. После одного из таких особенных сильных ударов Головинн почувствовал, что в руке у него остался один эфес. Тогда он схватил подвернувшийся под ноги ему чей-то интрпель, рукоятка которого была в крови, и начал разить им налево и направо.

Вокруг него слышались крики боя, стоны раненых, выстрелы, лязг оружия. Из палубных люков, как из преисподней, без конца лезли все новые и новые корсары. У некоторых из них ножи были не только в руках, но и в зубах. Многие были еще пьяны. Они бросались прямо на английские ружья, падали и вскакивали и снова лезли на врагов, презирая смерть.

Палуба была завалена телами убитых и раненых. В воздухе стоял крепкий запах винного перегара, крови, порохового дыма, который висел облаком в неподвижном воздухе над бригам.

Был момент, когда, благодаря численному перевесу корсаров, им удалось в бешеном натиске потеснить англичан к югу. Но в ту же минуту Корбет, сражавшийся бок о бок с Головинным, как рядовой боец, выстрелил сразу из двух пистолетов и бросился в толпу с саблей в руке, увлекал за собою своих солдат.

Но этот порыв едва не оказался для него роковым. Босой корсар, в разорванной на груди рубашке, с горящими злобой глазами, с лицом, залитым кровью, уже готовился вонзить свой нож в спину Корбета, как Головинн ударом интрпеля свалил грека на палубу.

Англичане быстро оправились и снова начали теснить врагов; они окружили их со всех сторон и прижали к борту. На горизонте показалось огромное красное безлунное солнце. Оно как будто остановило бой. В действительности же это произошло оттого, что со стороны корсаров уже некому было сражаться. Жалкая кучка морских разбойников, обезоруженных и теперь трепещущих от страха, толпилась у мачты, к которой был привязан их атаман. То был бородастый великан, почти старик, с налитыми кровью глазами, с широко раскрытым ртом, из которого еще продолжали вырываться призывы к бою, пересыпанные проклятиями и крепкими греческими ругательствами. Вся одежда его была в крови, и вместо рукавов болтались окровавленные клочья.

Теперь только Головинн несколько пришел в себя, впервые заметив, что и его мундир во многих местах разорван и забрызган кровью, кивер исчез, и левая рука мучительно ноет от плеча до кисти, быстро опухая.

— Все кончено? — спросил он, подходя к Корбету, который в это время отдавал распоряжение караулу, приставленному к пленным.

— Конечно, — сказал Корбет. — Но посмотрите, что натворили эти черти! Я потерял четвертую часть моих людей, да и сам не остался бы в живых, если бы не вы, мистер Головинн. Нет, чорт меня возьми, русские — храбрые ребята. Честное слово, я хотел бы всегда видеть вас рядом с собою в бою.

И Корбет крепко обнял Головинна и пожал ему руку. В этот день лорд Маркер вызвал к себе Головинна и сказал ему:

— Считаю приятным долгом донести командующему эскадрой сэру Нельсону, что вы вели себя в бою, как лев. О вашей неустрашимости и вашем великодушном поведении мне многое рассказал мистер Корбет. Я буду просить сэра Нельсона довести до сведения вашего министра в Лондоне о проявленных вами качествах.

— Сэр, — отвечал Головинн, — я выполнял только свой долг солдата.

И он учтиво поклонился и вышел. Он до сих пор был возбужден боем, и ему было приятно, что не только лорд Маркер, а и сам великий английский адмирал теперь будет знать из прямых донесений своих подчиненных, как русские ведут себя в бою.

В эти минуты ему хотелось побыть одному, и он постарался найти на корабле такой уголок, где никого и ничего не было, кроме моря.

Море окружало его со всех сторон. Корабль лежал в дрейфе, так как вдруг настал штиль, и паруса повисли в ожидании первого порыва ветра. И морская зыбь, обгоняя корабль, блестя и шурша, как шелк, уходила вперед далеко, до самой черты горизонта.

Во все стороны света — на север, на запад, на юг — во всей своей красе, как юность его, простирался перед ним океан. И в эту минуту океан показался ему особен-

но родным и близким. Почудилось ему, что не под чужими, а под своими, российскими парусами пересекает он его извечную равнину. То была его старая мечта.

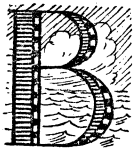
Однако он еще год прослужил в английском флоте и тогда вернулся в Россию. И тут он понял, что юность его прошла. Но он не пожалел об этом.

Она прошла среди морей — его любимой стихии.

Он наносил в полутьме частые и сильные сабельные удары...

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

теплый и ветреный день 25 июля 1807 года с Кронштадтского рейда вышел небольшой трехмачтовый корабль и, подняв паруса, при попутном свежем ветре взял курс на запад.

Это был русский четырнадцатипушечный шлюп «Диана», который указом царя Александра I направлялся вокруг всего света в далекие восточноазиатские и американские владения Российской империи для описания еще не исследованных окраин русской земли.

Капитаном его был Василий Михайлович Головин. Желания его сбылись.

Та мечта, которая посещала его в детстве, в родных Гульенках, которая не оставляла его в юности, во время долгого четырехлетнего плавания на кораблях английского флота то у берегов Испании на палубе «Фосгарта», рядом с капитаном Корбетом, которого спас он в бою с корсарами, то у жарких берегов Вест-Индии, — мечта пересечь океан под родными русскими парусами, на русском корабле наконец осуществилась.

По выбору адмиралтейской коллегии и императора Александра капитан-лейтенант Головин был одним из первых русских офицеров, которые отправлялись в «безвестную», как тогда называли кругосветное плавание.

Правда, лишь недавно такое же плавание к берегам североазиатских владений империи совершили русские капитаны Крузенштерн и Лисянский на кораблях «Надежда» и «Нева».

Но корабли «Надежда» и «Нева» были сделаны в Англии, английскими мастерами, хотя и несли на своих мачтах флаг русского флота.

«Диана» же была кораблем русским — от киля до верхушки мачт, который был создан им же, капитаном Головинным, из простой свирской лесовозной баржи. И строили его из русского леса русские корабельные мастера и рабочие.

Это был небольшой, трехсоттонный, но ладный кораблик, который ходко резал сейчас отливающие сапфиром желтоватые волны Балтики, легко и свободно взбираясь с одного водяного вала на другой, несмотря на полную нагрузку.

И корабль радовал глаз капитана своим прекрасным ходом.

Плавание «Дианы» обещало быть длительным и опасным. Океанские бури и далекие неизвестные земли ожидали корабль на пути. Но Василия Михайловича Головина сии опасности несколько не страшили.

Отправляясь в «безвестную» и покидая родные берега, он увозил с собой в своем сердце Россию.

Она была тут с ним, в его душе, в его мыслях, на его корабле.

Едва только получив команду над «Дианой», он написал из Гульенков верного спутника своего детства, Тишку, который из дворового мальчишки, сына птичницы Степаниды, превратился в ладного уже мужичка со светлой бородкой и светлыми голубыми глазами.

Бороду Головин велел ему сбрить тотчас же, а самого Тишку записал к себе на корабль своим слугой и матросом.

Первым помощником капитана и старшим после него офицером на корабле был Петр Рикорд — тоже старый и верный друг Головина, с которым провели они вместе долгие годы ученья в корпусе.

Юная дружба связывала их на всю жизнь.

Остальные офицеры «Дианы» были еще молодые, но команда состояла из старых русских матросов.

Итак, мечты его осуществились.

Однако одна тревога не оставляла его.

То было время, беспокойное для Европы. Наполеон был в зените своей военной славы и потрясал европейские троны, угрожая несогласным государям войной, а согласных вовлекая в союзы.

Англия со своих островов вела с ним борьбу, по-прежнему господствуя в морях и океанах.

Это все могло помешать плаванью «Дианы» и внушало беспокойство капитану.

Это беспокойство еще более усилилось, когда в Копенгагене Головин и его спутники сделались свидетелями попытки англичан завладеть датским флотом под предлогом того, чтобы он не достался Наполеону. Они даже присутствовали при феерическом зрелище беспорядочной и безрезультатной пальбы копенгагенских батарей по судам английского флота.

Когда «Диана» выходила из Кронштадта, Россия еще стояла в стороне от этого конфликта. Но с того момента прошло уже два месяца, корабль приближался к Ла-Маншу. Каково положение было теперь? Продолжает ли Россия оставаться в стороне от этого конфликта, а если нет, то на чьей стороне она — датчан или англичан?

С такими тревожными мыслями Головин подходил к берегам Великобритании.

Наконец вот он, Портсмутский рейд!

Снова знакомое небо Англии, столь же хмурое и столь же незримое для глаз, завешанное облаками и туманами, как и близкое его сердцу небо Кронштадта в эту пору.

Василий Михайлович, стоя на вахтенной скамье и осторожно ведя «Диану», смотрел на Портсмутский рейд с волнением. Тысячи мачт, неподвижно взнесенных к небу, тысячи флагов, бегущих по ветру, сотни купеческих кораблей. Какая мощь, какие нескончаемые богатства!

Маленькая «Диана», лавируя, осторожно пробиралась среди этой крылатой армады. А Василий Михайлович все глядел на просторные воды рейда, на корабли, на разноцветные флаги. Сколько раз входил он на этот рейд под чужим, английским флагом, под чужими, английскими парусами, волонтером английского флота! Вот они, его старые знакомые — «Город Париж», «Минотавр», «Ильдефонца», «Фосгарт», на котором он плавал с Корбетом. Он узнает этот корабль издали по столь знакомому рангоуту.

Как примут они его теперь? Кто снi теперь для него? Попржнему ли добрые знакомые, порою друзья, у которых он учился с неутолимой завистью и горячим рвением побеждать морскую стихию, с которыми вместе пережил так много волнений и опасностей? Являются ли они теперь радушными хозяевами, около которых может спокойно положить свой русский якорь его «Диана»?

Он торопился получить ответ на этот вопрос и послал на берег за английскими газетами. В них писали уже о возможности разрыва между Англией и Россией. Тогда он выхлопотал через русского посла в Лондоне паспорт от английского правительства на свободное плавание «Дианы» и поспешил покинуть берега Англии, на сей раз показавшейся ему загадочной, что-то замышлявшей.

И когда «Диана», направляясь в Атлантический океан, проходила мыс Лизард, южную оконечность Англии, являющуюся последним клочком европейской земли, он долго не покидал вахтенной скамьи.

Непонятная грусть, печаль, даже скорбь тревожили его сердце, словно он покидал собственное отечество.

Он любил не только Россию, — он любил Европу, свое духовное отечество, питавшее корни его мыслей свежими соками и посылавшее и на его родину свои освежающие ветры.

Европа лежала в тумане, в тревогах наполеоновских дней.

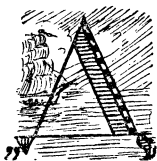
Сколько раз он ни покидал Европу, отправляясь в дальние моря, он никогда не оставлял ее берега с таким чувством горечи и душевного прискорбия, как на сей раз. Даже когда уходил в Вест-Индию, климат которой считался пагубным, смертоносным, никогда никакие мысли об опасности, никакой страх его не беспокоили.

«Что сие значит? — думал он. — Внутренние ли, непостижимые нами тайные предчувствия суть причины такой унылости в душе? Или продолжительность экспедиции, в течение коей мы должны находиться вне Европы, в отсутствии друзей, и во исполнение которой необходимо должны неоднократно встречать опасности и быть близко к гибели? Не все ли сие рождает отдаленным, неприметным образом такие мысли, кои наводят на огорчения при взоре на оставляемый берег?»

Вся команда собралась на палубе и с таким же чувством, как и ее капитан, смотрела на постепенно удалявшиеся и таявшие в морской дымке очертания мыса Лизард.

Выражение печали и задумчивости можно было прочесть на лицах людей, неотрывно смотревших в ту сторону, где быстро таяли контуры последней европейской земли.

ПОД ЗВЕЗДАМИ ЭКВАТОРА

«Диана» приближалась к экватору.

Есть в жизни каждого мореходца, — будь то простой служитель корабля, или молодой мичман, или даже сам капитан, совершающий уже не в первый раз свое дальнейшее плавание, — есть в жизни каждого из них торжественные минуты, которые наполняют их сердца волнением, знакомым только морякам.

Это минуты, когда, покидая берег, мореходец глядит на него в последний раз. Это минуты, когда он снова ступает на землю и идет в свой дом, еще не зная, найдет ли там свою жену и детей. Это первая буря, первое боевое крещение. Это те минуты, когда он впервые пересекает экватор.

Эта минута для моряков старого парусного флота была особенно торжественна и сопровождалась шумным и веселым праздником бога морей Нептуна, праздником, который справлялся по давно установленному обычаю.

Головнин не в первый раз пересекал экватор, но и для него и для всей команды «Дианы» это событие имело на сей раз особый и радостный смысл.

Впервые корабль целиком русский — от бугшприта до руля — пересекал незримую линию, делящую Землю пополам.

Потому Василий Михайлович и не удивился, когда в дверях его каюты появились с таинственным видом трое матросов, попросивших разрешения войти.

То были матросы 1-й статьи — Михаил Шкаев, Спиридон Макаров и Дмитрий Симонов, все крепкий, кряжистый народ, немного сутуловатый, широкий в плечах и твердый на своих матросских ногах.

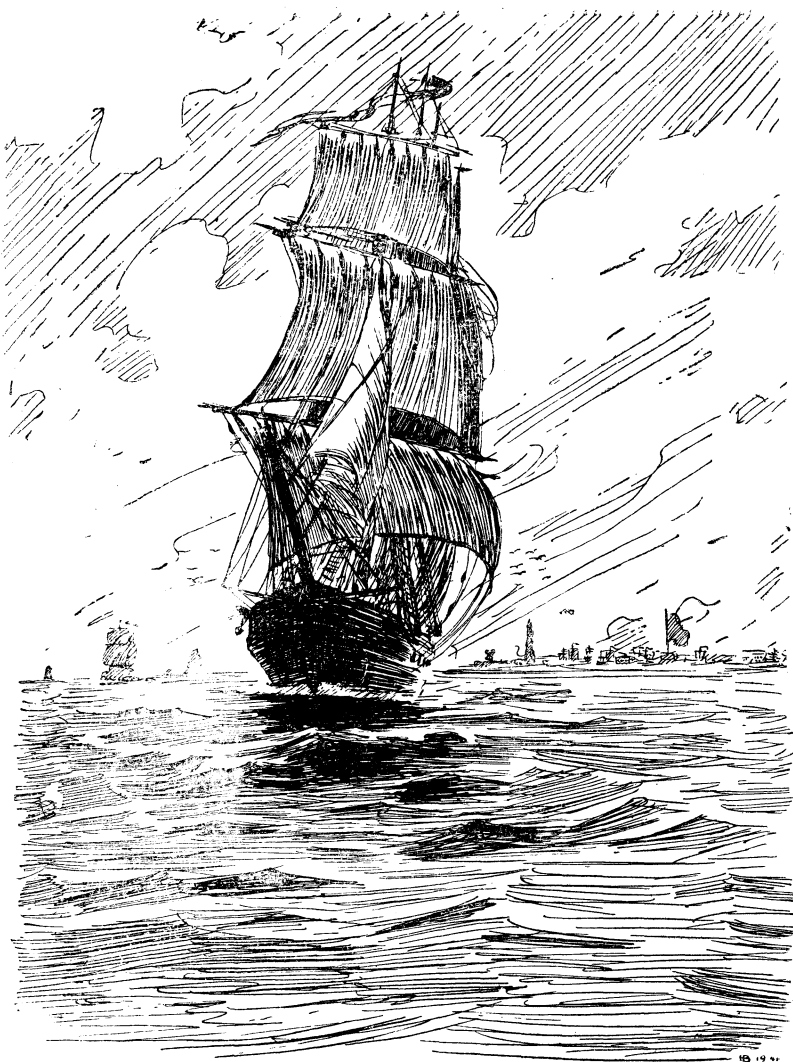
Все трое молча поклонились и стали в свободно-почтительных позах, едва переступив порог, — на шлюпе не было показной муштры, которая заставляла бы зря таянаться людей.

— Вам что, братцы? — спросил Головнин, уже наперед зная, в чем дело.

— До тебя, Василий Михайлович, — сказал выступивший вперед Шкаев. — Люди бают, днями будем проходить экватор.

— Да, сие верно, — подтвердил Головнин.

— Просим позволения отпраздновать переход, как полагается, по морскому уставу.

Это был небольшой, трехсоттонный, но ладный кораблик...

— По уставу вовсе не полагается, — засмеялся случившийся при этом Рикорд.

— Ну, так уж говорится.

— Обычай такой, — вставил свое слово Макаров.

— Одним словом, Нептунов праздник просим разрешить, — пояснил Симонов.

— Празднуйте, — отвечал Головнин. — Это и впрямь праздник для нашего русского корабля. Только ведь вам придется перекупать, почитай, всю команду. Много ли у нас народу-то ходило через экватор?

— Где уж всех купать! — согласился Шкаев.

— А кто у вас на примете? — спросил, улыбаясь, Головнин.

— Это как ребята решат, — уклончиво отвечал Макаров, глядя куда-то в сторону.

— Ну что ж, купайте, — сказал Василий Михайлович. — Только вот что: брать выкуп водкой я запрещаю. Заместо того всей команде будет угощение от меня.

И на русском корабле «Диана» начались приготовления к празднику греческого бога Нептуна. Они велись при таинственной, волнующей обстановке.

В кубрике при помощи паруса был выгорожен угол, куда пропускались только избранные. Оттуда слышались горячие споры, временами взрывы смеха. Туда

таскали паклю, ведёрки с краской, тряпье, цветную бумагу. У Макарова, который иногда выглядывал из за занавески, на большом пальце сидел огромный наперсток в виде кольца. Гардемарины Филатов и Якушин были особенно возбуждены. У себя в каюте они что-то резали и клеили из цветной бумаги, делали венки из фантастических цветов, сооружали из ярко раскрашенного картона чудовищных рыб, тритонов, кланчили у капитана то бус, то бисера из запасов, взятых для обмена с дикарями.

Что делалось за таинственным парусом в кубрике, большинство команды не знало. Тишка сунулся было туда, но был тотчас же изгнан, получив при этом от Макарова увесистый щелчок в лоб железным напертком.

Среди команды только и было разговоров, что о предстоящем празднестве.

Наконец 20 декабря 1808 года, в 2 часа дня, пересекли экватор в долготе до 20° 11" при умеренном ветре и прекрасной погоде.

К этому времени Нептун, которого изображал Шкаев, его божественная супруга Амфитрида и сын их Тритон, в сопровождении свиты морских чудовищ, собрались на баке. В Амфитриде все узнали матроса Макарова, в Тритоне — матроса Симонова, хотя он и был с хвостом из парусины, набитой сеном, и в маске, изображавшей голову чудовищной ящерицы.

Дружным хохотом сопровождалось появление этой троицы.

Команда выстроилась на шканцах.

Нептун, голый до пояса, с телом, раскрашенным разноцветными красками, с длинной бородой из пакли, в золотой короне, с трезубцем в руках, сел верхом на доску, привязанную к веревке, и спустился с носа шлюпа до самой воды.

Оттуда диким голосом он стал взывать:

— Эй, люди! Чей это корабль?

— Русский шлюп «Диана», — отвечал с борта штурман Хлебников, которому Головин поручил заменить капитана в этом празднестве.

— Кто командир?

— Капитан-лейтенант Головин.

Дружным хохотом сопровождалось появление этой троицы...

— Откуда идете?

— Из Кронштадта.

— Есть ли люди, в первый раз проходящие экватор?

— Есть и такие.

— Ложись в дрейф! — крикнул Нептун.

Хлебников отдал шуточную команду лечь в дрейф.

Нептуна вытащили на борт. Он сел в колесницу, оклеенную цветной бумагой.

За спиной у него села Амфитрида в венке из фантастических цветов, с развевающимися волосами из той самой пакли, что и борода ее супруга, в короне, а рядом с нею — Тритон.

Вокруг колесницы выстроились чудовища в масках, изображавшие рыб, черепах и сирен с рыбьими хвостами. Шестеро таких чудовищ, нагих до пояса, размалеванных красками, впряглись в колесницу и повезли ее на шканцы.

Строй матросов отдал честь этому шествию.

Хлебников встал перед Нептуном и подал ему бумажку. Это был список всех, кто еще не проходил экватора.

А Нептун продолжал допрашивать:

— Что за люди идут у вас на корабле?

— Идут русские люди.

— А в бога они веруют?

— Веруют.

— А водку пьют?

— Пьют.

— И в баню ходят?

— Ходят.

— И бреются по праздникам?

— И бреются.

— Поглядим... — многозначительно сказал Нептун, стукнув рукояткой своего серебряного трезубца о палубу. — Извозчик, вали на Невскую першпективу!

При общем смехе, под звуки шуточного оркестра, игравшего под управлением экономического помощника Начатиковского на гребешках, самодельных дудках, деревянных ложках и пустых бутылках, колесница тронулась к месту, где была поставлена деревянная кадка с водой.

Нептун, держа перед собой бумажку, начал выкликать:

— Мичман Мур!

Гардемарин Филатов отвечал:

— Болен. Со вчерашнего дня не выходил из каюты.

— Мичман Хлебников!

— Держит вахту.

— Мичман Рудаков!

— Весьма просит прощения. Жена пошла с утра на базар да и запропала. Качает малого ребенка в люльке. Раз бы чести представиться владыке морей, да не может.

— Лекарь Бранд!

Приготовляет на завтра вытрезвительный киндербалзам для царя морей, его супружницы, сына и свиты, — отвечал при общем смехе Филатов.

— Тихон Спирионов!

— Тихон, здесь я, — отозвался Тишка, не зная для чего его выкликают.

Он стоял в толпе зрителей, оттертый старыми матросами в самый последний ряд. Но ему очень хотелось быть поближе к Нептуну, поэтому, воспользовавшись случаем, он заработал локтями и торопливо забормотал:

— Пропусти, ребята, пропусти! Слышь, меня зовут! — И выскочил вперед.

— Через экватор не ходил? — грозно спросил его Нептун.

— Ходить — не ходил, а пройти могу, где хочешь, если капитан прикажет, — отвечал Тишка, сам довольный таким молодцовским ответом.

— Не ходил? Тогда садись на бочку.

— Это для чего же? — заупрямился было Тишка.

Но тут его живо подхватили под руки, завязали глаза и посадили на доску, положенную поперек бочки с водой. Откуда-то выскочил матрос Васильев и, вытащив из-за спины деревянную бритву величиною с аршин и банку с салом, смешанным с печной сажей, приблизился к Тишке.

— Позвольте вас побрить, — ломаясь и гримасничая, заговорил он.

— Чай, в прошлый четверг брился, рано еще! — крикнул Тишка при дружном смехе матросов, подозревая что-то неладное. — Пустите, чего охальничаете. Жалиться буду капитану.

Но Васильев, не слушая его, быстро прошелся по мазку из тряпки по лицу Тишки, сразу обратив его в арапа, и начал брить своей аршинной бритвой.

Тут Нептун подал знак, из-под Тишки вырвали доску, и он бултыхнулся в бочку, вызвав тем дружный хохот всей команды.

Таким же образом выкупали несколько других молодых матросов, затем гонялись друг за другом с ведрами и окатывали морской водой с ног до головы. Угломонились только к ночи и долго не могли уснуть, делясь впечатлениями веселого праздника.

А Тишка и вовсе не мог спать. То ли грызла его душу давешняя насмешка товарищей, которой он никак не мог забыть, то ли просто взяла его тоска под этими прекрасными тропическими звездами. Но только он выбрал себе местечко на рострах, держа за пазухой свою липовую дудочку, которую захватил с собой, отправляясь из родных Гульенок, и долго сидел так, не играя, боясь, что вот-вот ободняет.

Но долга тропическая ночь.

«Теплынь, духота, а светает, видно, не скоро», думал Тишка.

Незнакомые крупные звезды горели в черном небе над ним, роняя свой свет на океан, отражаясь в нем, качаясь на океанской зыби. В каждой волне их тысячи, но даже они не могут наполнить океан.

Тишка долго смотрит на них, и ему вспоминаются свои гульенковские звезды, хоть и не столь большие и ясные, а все ж таки куда нежнее и милее здешних.

Он достает свою дудочку из-за пазухи, прикладывает ее к губам и тянет одну за другой долгие знакомые нотки, в которых слышится все, что мило сердцу: то ворчливый голос зимней вьюги, залетевший на их тесный двор, то музыка жаркого летнего полдня на опушке березовой рощи, то звон колокольцев, подвязанных к шеям пасущихся коров.

До того печальны, милы и удивительны были в тишине океанской тропической ночи эти звуки простой русской дудочки, вырезанной из обыкновенной липы, что многие матросы проснулись и слушали их. Слушали и вахтенные, и матросы, сидевшие в смотровом гнезде у бугшприта, и Хлебников, и Рикорд, и сам Васильев Михайлович, которому ближе и роднее всех были эти звуки. Он узнавал в них и голос, и песни, и сказки своей няньки Нилонны.

И так всем понравилась игра Тишки на дудочке, что матросы порою и днем, в часы, свободные от работы, стали просить его сыграть.

И Тишка играл.

Так шли дни на «Диане». А вокруг крохотного русского островка, очерченного бортами шлюпа, разливался без конца и края океан, сверкавший на солнце миллионами танцующих блесток, споривший своей яркой голубишной с небом и блеском своим с самим солнцем.

Иногда слева или справа от судна над водной синью начинал сверкать на солнце фонтан, высоко выбрасываемый китом. Над шлюпом пролетала стайка каких-то морских птиц, поблескивали над водою лучистые крылья летающих рыб. И снова внимание человека поглощалось созерцанием океана.

Величественная космическая тишина этих дней плавания, покой, разлитый в чудесном сочетании неба, моря и воздуха, какое-то рождающееся в душе сгущенные неповторимости переживаемых минут, ощущение

мира, ласкающая глаз красота его днем и что-то говорящее, волнующее сверканием многоцветных огней в темном небе, дорога из расплавленного металла за кормой — ночью, — все это захватывало, пленяло душу русского человека, всегда склонного к восприятию величественного и прекрасного.

Однажды Головнин собрал у себя в каюте всех свободных от службы офицеров и сообщил им, что решил идти мимо мыса Горн, а не вокруг мыса Доброй Надежды.

— Я не ласкаю себя надеждой, господа офицеры, — пояснил он при этом, — что нам посчастливится обойти мыс Горн ранее марта, каковой месяц читается наиболее безопаснейшим и наименее опасным для судов в сих широтах. Множество кораблей всех наций в сем месяце претерпели здесь великие бедствия, однако были и исключения. Известный мореплаватель Моршан благополучно обошел сей мыс в апреле, а «Надежда» и «Нева», направляясь в наши североамериканские владения, — в марте. Посему и я положил покуситься пройти вокруг мыса Горн. Сие сулит нам немалое облегчение в дальнейшем нашем плавании в Камчатку, хотя ведаю, что оный путь весьма опасен в рассуждении цыгги. Все путешественники на то жалуются. Но мы сего не устараемся, запасшись доброй провизией.

И «Диана» пошла к бразильским берегам.

(Продолжение следует)

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СТРЕКОЗЫ

Фото С. Успенского

Летним днем стрекоза опустилась под воду и прочно прикрепила к растению свои яички. Прошло несколько дней, и из яичек, окруженных студневидной массой, вышли личинки. Уродливая личинка мало походила на родителей у нее было толстое туловище и громадная голова с большими глазами. Утоляя свой ненасытный аппетит, по целым часам караулила она добычу, прячась среди растений на дне водоема. Мелкие насекомые, головастики, зазевавшиеся рыбы мальки попадали в крепкие челюсти неразборчивой личинки.

Проведя в водоеме год и перезимовав под ледяной толщей, личинка несколько раз перелиняла и с каждой линькой увеличивалась в размере.

Но вот в яркий солнечный день она выползла на стебель растения.

Солнце высушило личинку, кожа на спине ее лопнула, и взрослая стрекоза начала вылезать из своей мрачной оболочки (это показано на нашем снимке). С неокрепшими крыльями и бледно окрашенная, только что появившаяся стрекоза еще беспомощна. Пройдет немного времени, цвета ее обретут должную яркость, и окрепшие крылья легко понесут стрекозу над водной гладью.

На стебле останется лишь сброшенная сухая шкурка, сохраняющая форму личинки.

НОЧНОЙ ПОЕЗД в Калессе

Ч. ДОННЕЛ

Рассказ

Рисунки В. Горяева

Клэй Гарнет, из особого отдела американской разведки в Стамбуле, был справедливо раздражен предстоящей поездкой в Анкару. Это было похоже на бегство от Гесслена.

Немец стоил Клэю его правого глаза. Конечно, не сам Гесслен орудовал ножом. Даже тайная турецкая полиция признавала это.

Но для Клэя не являлось тайной, что здесь не обошлось без Вальтера Гесслена. У Вальтера была какая-то загадочная должность и еще более непонятная работа в германском консульстве. Впрочем, всем было известно, что в своей области он был таким же экспертом, как германский посол, господин фон Пален.

Начальник отдела, Сэм Дженкинс, пригласил Клэя к себе в кабинет спустя месяц со времени его выхода из госпиталя.

— Завтра вы отправляетесь в Анкару, — сказал Дженкинс. — Томассон просил прислать вас.

Краска бросилась в бледное лицо Клэя.

— Если только вы умышленно сделали это, чтобы удалить меня из Стамбула, то я прошу освободить меня от работы! — вспыхнул Клэй.

Сэм достал из ящика телеграмму и вместо ответа протянул ее Клэю. «Томассон сообщает, что Мустешар Хассим, министр горнорудной промышленности, выехал в Калессе для осмотра марганцевых залежей и окончательного разрешения вопроса о концессии на их разработку».

Клэй оживленно взглянул на Сэма, мгновенно успокоившись. Томассон просил командировать именно его. Это было другое дело.

— Мне не надо объяснять вам ни того, что немцы очень рьяно добиваются этого марганца, — ровным голосом продолжал шеф, — ни того, что означает для нас получение этой концессии. И если Хассим рекомендует правительству разрешить разработку этих залежей фашистским голубчиком... — Сэм покачал головой. Он знал, что объяснить Клэю последствия этого не было необходимости.

— Кажется, по марганцу для Томассона работал Билл Миллер? — с сомнением спросил Клэй.

— Об этом будете беседовать с Томассоном. Что же касается Гесслена...

— Мне бы не хотелось разговаривать на эту тему.

— ...то забудьте о нем, — продолжал Дженкинс. — Я не допущу никакого кровопролития! Не допущу, чтобы нас ставили на одну доску с фашистами. А ваше намерение может привести к этому.

Клэй взглянул в строгое лицо шефа и помимо своей воли усмехнулся.

— Не кипятитесь, Сэм. Я все же займусь Гессленом по возвращении.

— Сперва возвратитесь. Мы живем в эпоху неожиданностей.

Тем же поездом, который на следующее утро привез Клэя в Анкару, приехал и Хараламбус — агент полиции, приставленный к Клэю турками. Клэй помахал ему рукой, когда они проталкивались сквозь переполненный душный анкарский вокзал, но маленький, юркий Хараламбус игнорировал его приветствие и исчез, следуя за босоногим носильщиком, сбавшимся под тяжестью чемодана. Но когда Клэй вышел из такси у дверей американского посольства, то на другой стороне улицы он увидел Хараламбуса, разглядывающего витрину книжного магазина.

Клэй на мгновение задержался. Неподдалеку от Хараламбуса он за-

метил высокую фигуру, одетую в серый фланелевый костюм и в прехладную панаму. Человек был занят лицезрением витрины с дешевыми ювелирными изделиями. Хараламбус перешел к следующему окну, и человек в панаме незаметно покосился на него. И так, за Хараламбусом в свою очередь была установлена слежка.

Клэй усмехнулся и пошел докладывать о своем прибытии Томассону.

— Поездом в девять двенадцать вечера вы отправляетесь в Калессе, — сказал ему Томассон. Это был седой, но еще не старый человек, лицо которого покрывали морщины, свидетельствующие о бессонных ночах. — Когда-нибудь там бывали?

— Никогда. Курортный городок, не так ли?

— Курортная часть города находится на озере Тикри. Один отель — «Локанда Марина». Мустешар Хассим вместе с экспертами и охраной остановился там. В последнее время пресса довольно оживленно комментирует вопрос о марганце. Говорят, что Хассим собирается передать калесские залежи германскому концерну.

Клэй почувствовал беспокойство.

— Я считал, что этими делами у вас занимается Билл Миллер...

Брови Томассона удивленно полезли вверх.

— Разве Сэм Дженкинс не говорил вам?

— Что именно?

— Пять дней назад я послал Билла Миллера в Калессе, с тем чтобы он сделал предложение Хассиму, как только тот закончит обследование.

Клэй ждал.

Человек был занят лицезрением витрины...

— Двумя днями позже Билл прислал предварительный рапорт, — ровным голосом продолжал Томассон. — Руда, между прочим, содержит сорок с лишним процентов...

— Это считается хорошо?

— Уже тридцать пять — высокий процент содержания. Миллер должен был встретиться с Хассимом вчера, но позавчера ночью...

Беспокойство Клэя увеличилось. Он потянулся за сигаретой.

— Билл застрелился в своем номере в отеле.

Ни в голосе, ни на лице Томассона не отразилось и тени волнения. В комнате наступила тишина.

— Все было в порядке, — продолжал Томассон. — Я имею в виду самоубийство. Револьвер в руке. Пороховые ожоги. Бутылка виски, почти выпитая.

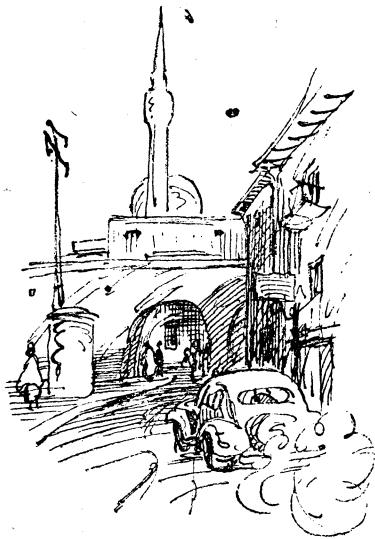
Клэй держал во рту незажженную сигарету.

— Билл Миллер никогда не выпивал больше двух рюмок за вечер!

— Дверь была заперта изнутри, — продолжал Томассон. — Я сам был в «Локанда Марина». Все комнаты имеют общий балкон вдоль всего этажа. — Он замолчал.

Клэй хорошо знал Миллера. Тяжесть в груди давила его, и с трудом он проглотил слюну.

— Гесслен обхаживает дочку Хассима, — наконец произнес он.

Автомобиль исчез в облаке удушливых бензиновых паров...

— Гм... — Томассон отложил карандаш. — Вы знаете, что Гесслен выехал из Стамбула одним поездом с вами? Сэм Дженкинс сообщил мне об этом по телефону. Вместе с Гессленом уехал этот левантинец, его секретарь — Марко Дизар.

— Я их не видел. Поезд был переполнен.

Клэй выслушал это известие, удивляясь тому, что оно не удивило его.

— Что еще сказал Сэм?

— Он считает, что Гесслен собирается в Калессэ. Велел вам быть предельно осторожным. Никаких поспешных, необдуманных действий. Он сказал, что вы знаете, на что он намекает.

— Я предполагаю, что, если перерезать глотку немцу, это не может быть истолковано как чересчур поспешное действие, — произнес Клэй. — Что предложить Мустешару Хассиму?

— Все, что он попросит, — просто ответил Томассон.

Расставшись с начальником, Клэй закурил сигарету и задумчиво зашагал по улице. У него зародилось подозрение, что его собственная миссия могла оказаться чем-то большим, чем простая беседа с Мустешаром Хассимом за чашкой кофе в отеле. Еще надо было добраться до Калессэ, то есть добраться живым и невредимым.

Он переходил через улицу, как вдруг со стороны его невидящего глаза на Клэя наскочила автомашина. Сильный удар отбросил его в сторону. Он полетел, как ему казалось, в бездну. Он перелетел через тротуар и ударился о стену. И в то же мгновение автомобиль исчез в облаке удушливых бензиновых паров, словно злобное и дурно пахнущее животное.

Поднявшись, Клэй гневно посмотрел вслед машине, и ему бросился в глаза пассажир в панаме, из-под которой виднелись одетые в серую фланель плечи.

Ни пассажир, ни шофер не обернулись. Шофер даже не нажал на тормоза. Клэй заскрежетал зубами.

Пройдя два квартала, он встретил свободное такси и без дальнейших происшествий приехал на станцию. Усы и плечи билетного кассира красноречиво задралась кверху, когда Клэй просил резервировать ему билет. Из его ломаных французских слов Клэй понял, что все места в единственном спальном вагоне в поезде на Калессэ были заняты.

— Дайте мне список пассажиров, — бесцеремонно приказал Клэй, вынув из кармана бумажку достоинством в одну лиру.

— Пожалуйста! — тотчас же ответил билетный кассир, который стал внезапно очень мил и любезен. Одной рукой спрятав лиру в карман, он другой вынул из-под конторки длинный лист бумаги.

В вагоне было всего восемь купе. Шесть двухместных и два одноместных. Возле каждого номера были нацарапаны синим карандашом фамилии пассажиров, для которых были оставлены места. Клэй был страшно удивлен, увидев имя Хараламбуса против «Купе № 1». Второе место в этом купе было занято для какого-то Фарантини.

Клэй просмотрел остальные фамилии, на мгновение задержав свое внимание на имени фон Грюнау, который занял одноместное купе № 3. Он смутно вспомнил, что где-то слышал это имя. Среди пассажиров были также Гесслен и Марко Дизар, в пятом купе. Клэй не оторвался от списка, пока не дошел до восьмого купе. Билетный кассир вприсильно приподнял брови в ответ на хмурый взгляд Клэя.

Клэй похлопал рукой по списку.

— Кто этот преподобный Кевиль О'Мур, — спросил он, едва сдерживая гнев, — который может бронировать для себя одно целое купе?

— Место для него было закреплено через «Гранд-отель», — сказал в свою защиту билетный кассир.

— Я поделю купе вместе с О'Муром, — тоном, не терпящим никаких возражений, произнес Клэй.

Вторая лира присоединилась к первой, и Клэй, усмехаясь про себя, приписал свою фамилию под фамилией преподобного О'Мура. «Какой-нибудь посольский попик со слугой», подумал он, выходя из кассы.

Кевиль О'Мур! Клэй остановился, как вкопанный, посредине станции и, щелкнув пальцами, двинулся вперед, словно подталкиваемый сзади невидимыми силами.

Через три минуты Клэй разговаривал с Томассоном по телефону.

— Вы некоторое время жили в Лондоне, — сказал он. — Говорит ли вам что-нибудь имя Кевиль О'Мур?

— Безусловно, — усталым тоном ответил Томассон. — Он лорд или маркиз. Ирландец. Насколько мне известно, он до сих пор находится в тюрьме.

— Есть ли у него сын?

— По-моему, нет. А зачем вам это?

— Просто так. Интересуюсь. Теперь расскажите мне о Викторе фон Грюнау. Что вы знаете о нем?

— Кое-что. Виктор фон Грюнау служил здесь в германском посольстве лет десять назад. Образование получил в Англии. Нечист на руку. Был выгнан за подделку чеков посольства.

— Вы все знаете! — с преувеличенным восхищением сказал Клэй. — Не одет ли он в серый костюм и панаму?

Томассон, усмехнувшись, повесил трубку. Дело О'Мур постепенно начало всплывать в памяти Клэя во всех подробностях. Лорд Кевиль О'Мур, фанатичный ирландский пэр, совершил какое-то политическое преступление, после чего был на долгие годы заключен в тюрьму. «Мои нервы все же не в порядке, — подумал Клэй, — если такие, не относящиеся к делу факты могут меня волновать».

К 8.30 Клэй был на вокзале и велел перенести свой чемодан в вагон. Войдя в купе, он сел и, закурив, принялся ожидать пассажиров.

Первым в вагоне среди грохота чемоданов появился фантастически толстый джентльмен южноамериканского происхождения, в белом костюме. Клэй высунул голову из купе, и его обдала волна коньячного перегара, когда пассажир прошел мимо, уверенно наступая на пятки маленького носильщика, несущего два огромных чемодана. Толстяк был совершенно пьян и громко пел что-то. Клэй следил за ним, пока он не дошел до дальнего конца коридора и исчез в первом купе. Это, повидимому, был попутчик Хараламбуса — синьор Фарантини. Носильщик ушел, и пенне оборвалось так внезапно, что Клэй расхохотался, представив себе, как синьор Фарантини, войдя в купе, мешком свалился на полку и заснул мертвым сном.

Минут пять-шесть в вагоне было тихо. Следующий пассажир был полной противоположностью шумного жужанина. Клэй вообще был не уверен, слышал ли он его шаги или нет. Затем ему показалось, что кто-то остановился у дверей его купе. Он приготовился к встрече с преподобным Кевиль О'Муром.

Послышался легкий шорох. Затем звук шагов стал постепенно удаляться. Сердце Клэя усиленно забилось, и он подскочил к двери. Он собрался открыть ее, когда увидел на полу у своих ног конверт. Клэй сунул конверт в карман.

Вскоре в вагоне снова появился носильщик с чемоданом из сыромятной кожи. За носильщиком шел Хараламбус. Дав носильщику пройти вперед, он быстро взглянул на перрон. Человек в сером костюме стоял спиной к окну.

— Виктор фон Грюнау, — прошептал Хараламбус, кивая в сторону

перрона. — Он был в Калесе в ту ночь, когда умер ваш Миллер. Останавливался в том же отеле, через две комнаты от Миллера. Сегодня после случая с вами беседовал с Гессленом в кафе. Мне необходимо поговорить с вами. Это очень важно. Приходите попозже в мое купе.

— А Фарантини? — прошептал в ответ Клэй.

— Этот безвреден. Пьян.

Когда фон Грюнау обернулся, Хараламбус был уже в другом конце вагона. Клэй заперся в купе и распечатал адресованный преподобному Кевиль О'Мур конверт, который фон Грюнау, — кроме него, никто не мог это сделать, — подсунул под дверь. В конверте лежало два листка. Содержание одного, напечатанное на бланке, гласило:

«Настоящим подтверждаются наши прежние инструкции. Действуйте сeldьмого утром. Наше условие будет выполнено немедленно после выполнения вами взятых на себя обязательств».

Это было все, если не считать подписи: «Стикней». Клэй хорошо знал эту подпись, так же как и самого Стикнея из британского посольства в Анкаре.

Фон Грюнау — О'Мур — британское посольство — Стикней, — голова у Клэя закружилась.

Вторая записка была написана от руки четким и мелким почерком и начиналась с приветствия: «Mon cher Hesslen!»

Она была на бойком французском языке, и ее содержание было таково, что, пробежав ее глазами, Клэй перечел ее сызнова, и только тогда его ум воспринял то, что содержалось в этих ровных и четких строках.

Писавший информировал «Mon cher Hesslen» о том, что после соответствующего и внимательного рассмотрения он решил в интересах Турции предоставить концессию на разработку в скором времени, но писавший, считая вопрос решенным, позаботился сообщить об этом своему другу Гесслену заранее, с тем чтобы Гесслен и его коллеги могли незамедлительно начать необходимые приготовления.

Подпись была «Хассим». Дата — 7 мая. А 7 мая было лишь завтра! И в то же время письмо это уже прошло через руки фон Грюнау и было передано Кевиль О'Муру, который, наверное, был работником британского министерства иностранных дел.

Клэй был ошеломлен.

Коридор вагона внезапно наполнился шумом шагов и голосов. Клэй

Толстяк был совершенно пьян...

сунул бумаги и конверт в карман и торопливо повернул ключ в двери.

Голоса становились громче, затем прошли мимо — твердый четкий голос Вальтера Гесслена и мягкие, вкрадчивые ответы Дизара. Клэй услышал, как они вошли в свое купе и захлопнули за собой дверь.

Поезд скоро должен был отправиться. Желание встретиться с О'Муром, поговорить с ним преобладало над всеми другими. Разговор с ним и с Хараламбусом мог бы пролить свет на некоторые вещи, до сих пор остающиеся непонятными Клэю. Но где же О'Мур?

Свисток паровоза разодрал воздух. Гулкий грохот шагов раздался в коридоре. В купе просунулось чье-то лицо, и волосатые руки бесцеремонно бросили на пол два маленьких кожаных чемодана. За дверью послышалось задыхающееся «мерси, мерси» носильщика и его быстро удаляющиеся шаги. Поезд тронулся.

Чувство огромного облегчения овладело Клэем. Он отвернулся от двери, чтобы выражение лица не выдало его, и закурил, надеясь, что его поза должна была изображать невинное безразличие.

Дверь растворилась, и чей-то голос резко произнес:

— Прошу прощения!

Слова, которые заранее заготовил Клэй, сразу же вылетели у него из головы, когда он обернулся.

— Это мое купе. Оно было резервировано для меня еще вчера. Пожалуйста, немедленно выйдите отсюда.

— Я еду в этом купе вместе с преподобным Кевиль О'Муром, — пышно произнес Клэй. — Вы не туда попали.

— Кевиль О'Мур — я. Будьте любезны выйти.

— Нет, — спокойно ответил Клэй. Сдержанный смех вырвался из его гортани.

Преподобный Кевиль О'Мур глядел на него с нескрываемой недоброяжелательностью. Это была очень красивая девушка, — «немного даже больше чем очень красивая», решил Клэй.

— Подождите звонить проводнику, — сказал он. — Я хочу сперва поговорить с вами.

Она не обратила никакого внимания на его слова, но яростно обернулась к Клэю, когда он отвел ее руку от кнопки звонка. В первый момент он даже подумал, что она сейчас ударит его.

Он поспешно сказал:

— Я прочел ваши письма. — И, вынув из кармана смятый конверт, протянул его девушке.

С побледневшим лицом она вынула из конверта бумаги. Ее руки дрожали. Клэй достал из чемодана фляжку с виски. Налив полстакана, он поднес его к губам девушки. Она закашлялась и взглянула на него с любопытством и страхом.

— Прочтите вашу почту, — проговорил Клэй. — После мы обо всем поговорим.

К его удивлению, она согласно кивнула головой и, не произнося ни

слова, углубилась в чтение писем. Прочитав обе бумажки, она спрятала их в свою сумку.

— Кто вы такой? — спросила она.

— Меня зовут Клэй Гарнет. Я из американской разведки в Стамбуле, еду в Калессэ, — при этих словах она подняла ресницы и взглянула на него, — чтобы повидать Мустешара Хассима относительно концессий на разработку марганца, тех самых, о которых говорится в ваших письмах. Я не знал, что вы так активно заинтересованы в этом.

Последнее он произнес с вопросительной интонацией, но она ничего не ответила ему.

— Я приношу свои извинения за вмешательство в ваши дела, но так как я уже видел ваши бумаги, не можете ли вы разъяснить мне, что значит эта записка, адресованная Гесслену, и каким образом она датирована завтрашним днем? Нам дали понять, что вопрос относительно того, кому будут сданы концессии, все еще находится в стадии разрешения.

— Нет, — задумчиво произнесла она, — нет, я не могу... Я тоже еду в Калессэ. Я училась вместе с Нилой Хассим в школе в Швейцарии. Это все, что я могу вам сообщить. А теперь я ложусь спать. Я очень устала.

Клэй перевел дыхание.

— Надеюсь, вы понимаете, что я собираюсь разделить это купе с вами?

— Нет, я этого не понимаю. — Ее голос не был ни возмущенным, ни удивленным; она просто ждала объяснений.

— Этим поездом едут несколько немцев, — сказал он, — которые, прошу извинить меня, но это истинная правда, хотя и может показаться

дурной мелодрамой, с радостью перерезали бы мне горло. По некоторым причинам они не хотели бы, чтобы я добрался до Калессэ. К сожалению, это единственное свободное место в спальном вагоне.

Он помолчал и добавил:

— Я очень благодарен вам, что вы не испугались и не начали скандала.

Тень улыбки коснулась губ мисс О'Мур.

— Я вовсе не испугалась, — уверила она его.

— Вы находитесь в родственных отношениях с лордом О'Муром? — в упор спросил Клэй.

— Да, — ответила она. — Я его дочь. В каком часу мы прибываем в Калессэ?

— Если не ошибаюсь, около шести, — механически ответил Клэй. — Я выйду в коридор, пока вы готовитесь ко сну. Я раздеваться не буду.

— Так же и я, — ответила мисс О'Мур.

Она села на край постели, скинула туфли и легла, натянув на себя одеяло.

Она взглянула на Клэй.

— Вы случайно не знаете, едет ли в нашем вагоне англичанин? Высокий мужчина. Его фамилия Морнингтон.

— Нет, не едет, — подумав мгновение, ответил Клэй.

— Лучше запереть дверь, — сказала она. — И мне бы хотелось, чтобы вы как можно скорее погасили свет. Я очень хочу заснуть.

Погасив свет, Клэй устроился на верхней полке, которая была ему слишком коротка. Он думал о фон Грюнау, пытавшемся убить его и передавшем его попутнице бумаги от Стикнея. Какая же, именем бога, была роль фон Грюнау? Мог ли он работать одновременно на двух хозяев? И Хараламбус? Что удалось ему узнать? Но ведь Хараламбусу было предписано следить за Клэем, а вовсе не сотрудничать с ним.

Прошло, казалось, пять столетий, пока стрелки часов передвинулись на одиннадцать. Еще тысяча лет прешла, пока они дошли до двадцати пяти минут двенадцатого. Возбужденное состояние Клэя усиливалось. Больше ждать он был не в состоянии. Он тихо спустился вниз и наклонился над девушкой. Она спала. Клэй вышел в коридор.

Остановившись у первого купе, он прислушался. Из-за двери до его слуха донесся шорох. Тщеславие Клэя было уязвлено. Он считал, что его приближение было совершенно бесшумным, все же Хараламбус услышал его. Затем раздался глухой удар. Полнейшая тишина, последовавшая после этого, заставила Клэя сдвинуться с места. В следующее мгновение он был в этом купе и ощупывал руками стену в поисках выключателя. Повернув выключатель, он увидел Фарантини. Толстяк лежал на нижней полке совершенно одетый. На его лице была кровь.

Клэй налил девушке виски...

Остановившись у первого купе, он прислушался...

Только после этого Клэй заметил Хараламбуса, который лежал на полу. Прошло несколько секунд, прежде чем Клэй понял, что Фарантини спит и совершенно невредим. На его лице была кровь Хараламбуса. Она капала на него с окровавленной простыни на верхней полке. Клэй поморщился, вспомнив глухой удар, который был не чем иным, как падением тела Хараламбуса на пол.

Он опустился на колени перед маленьким турком и, увидев рану, поразился, как может быть еще жив этот человек.

Хараламбус взглянул на него и облизал губы.

— Кто? — спросил Клэй по-турецки. — Кто это сделал?

— Бумага! — довольно явственно прошептал Хараламбус с внезапно оживившимся взором. — Бумага! Бумага!..

— Какая бумага? — хрипло спросил Клэй.

— Бумага! — нетерпеливо повторил Хараламбус. — Я обыскал его вещи на станции... Нашел бумагу... Должен показать ее Мустешару Хасиму... — Он захлебнулся. — Большой важности, — добавил он официальным тоном.

Клэй с трудом сдерживал себя.

— Где она, Хараламбус?

— Повидайте фон Грюнау, — медленно произнес Хараламбус и закрыл глаза.

— Фон Грюнау?

Хараламбус не отвечал. Он был мертв.

Клэй встал. Было очевидно, что бумаги этой в купе нет. Он с грустью взглянул на убитого. Голова Хараламбуса покачивалась из стороны в сторону в такт поезду. Далеко впереди загудел паровоз, и пронзительные свистки морозом прошли по спине Клэя.

Клэй вышел из купе и запер за собой дверь. Он не завидовал пробуждению синьора Фарантини. Вдруг он ощутил чье-то постороннее присутствие в коридоре. Быстро повер-

нувшись, он услышал голос Вальтера Гесслена:

— Поднимите руки вверх, Клэй!

Длинные руки Клэя медленно потянулись кверху.

— Вы слишком увлекаетесь детективной литературой, Вальтер, — сказал он.

Гесслен не отвечал. Его поведение было нерешительным, и это поразило Клэя.

— У меня очень быстро устают руки, Вальтер, — сказал Клэй. — Пойдемте спать!

В его словах не было той непринужденности, которой он хотел. Это звучало, скорее, как дешевая фраза из дешевой пьесы. Пальцы его правой руки коснулись чего-то свисающего с потолка коридора. Он собиравшись взглянуть вверх, желая выяснить, что это.

Марко Дизар появился за спиной Гесслена и шепнул что-то своему шефу. Он говорил по-немецки, на языке, которого Клэй не понимал. Гесслен утвердительно кивнул головой и взглянул через плечо Клэя вдоль коридора. На этот раз Клэй понял. Между вагонами был тамбур.

Качающийся предмет, свисавший с потолка, вновь скользнул в раскрытую ладонь Клэя.

— Повернитесь, Клэй, и идите вперед, — приказал Гесслен. Револьвер в его руке задрался дулом кверху.

— Я не знал, что вы убийца, Вальтер. Я бы и не сказал, что вы настолько отважны, — проговорил Клэй.

Губы Гесслена сжались. — Повертывайтесь! — резко сказал он.

Клэй не двигался с места. Секунды шли. Гесслен не хочет делать этого в коридоре, это было очевидно, но и ждать дольше он не мог. В любой момент мог появиться кондуктор, какой-нибудь страдающий бессонницей пассажир мог выйти из купе.

Пальцы Клэя схватились за качающийся рычажок стоп-крана. Он резко дернул его вниз. Гесслен взглянул вверх, и это мгновение решило все.

Резкая остановка поезда толкнула Гесслена вперед. Там, где дело касалось Гесслена, у Клэя не было никаких ложных представлений о джентльменстве и благородстве. Он ударил коленом прямо в пах Гесслену. Удар снизу в челюсть был совершенно ненужен, так как Гесслен без единого звука опустился на пол.

В следующее мгновение рука Клэя почти любовно охватила толстую шею Дизара.

— Убирайтесь в купе! — сказал он и втолкнул его внутрь пятого купе.

Там он схватил левантинца за горло и с энтузиазмом ударил его головой о дубовый край верхней полки. Звук был настолько удовлетворительным, что Клэй даже не стал терять времени, чтобы взглянуть на результаты.

В коридоре послышались возгласы, двери начали открываться, когда Клэй выскочил к Гесслену, валявшемуся на полу. Клэй поднял револьвер и спрятал его в карман. Усатый кондуктор в сопровождении нескольких железнодорожных служащих вбежал в вагон. Клэй подхватил Гесслена за плечи.

Кондуктор, с круглыми, как чайные блюдца, глазами, подбежал к нему.

— Помогите мне, — стараясь перекричать оглушительные свистки паровоза, крикнул ему Клэй. — У моего друга припадок, и в бессознательном состоянии он дернул стоп-кран. Он скоро оправится. Это с ним часто бывает. Помогите мне внести его в купе.

Клэй втолкнул Дизара в купе...

Вместе они подняли Гесслена, который начал стонать. Открывая дверь в купе, Клэй прикрыл вход своим телом, чтобы кондуктор не увидел валявшегося на полу второго «припадного».

— Спасибо. Теперь я присмотрю за ним, — благодарно улыбнувшись, сказал Клэй. — Приношу извинения за моего друга. Он сам принесет вам извинения утром. Вполне подходящие извинения. Он очень богат.

Вместо ответа кондуктор поклонился. Закрывая за собой дверь, Клэй услышал, как он выкрикнул:

— Спокойствие! Произошла ошибка. Никакого несчастного случая. Поезд отправляется немедленно.

Клэй бросил Гесслена на нижнюю полку и без всякой жалости взглянул на его позеленевшее лицо. Клэй знал, что удар в пах очень болезнен и опасен для жизни, и приложил все старания, чтобы исполнить его как можно лучше. Когда он вышел из купе, Гесслена начало рвать.

Дверь в третье купе была закрыта. Клэй тихо постучал и что-то невнятно произнес по-французски. Револьвер Гесслена был у него в руке. Фон Грюнау открыл ему дверь. Клэй не очень сильно ударил его по лбу рукояткой револьвера и вошел в купе, тщательно закрыв за собой дверь.

Мисс О'Мур зажмурилась от яркого света, когда Клэй вернулся в свое купе.

— Пожалуйста, встаньте. — сказал он. — Вы мне нужны.

Он выглянул за дверь, чтобы удостовериться, что коридор попрежнему пуст. Девушка последовала за ним в третье купе. Он пропустил ее вперед и зажег свет. С испуганным возгласом она отпрянула назад.

— Это тот самый англичанин, о котором вы меня спрашивали?

Она утвердительно кивнула головой, схватившись рукой за горло. Фон Грюнау выглядел не слишком привлекательно. Первый удар Клэя был ему недостаточен, и он пытался оказать сопротивление.

— Он говорил, что он из британского министерства иностранных дел? — настаивал Клэй.

— У него есть бумаги, подтверждающие это, — ответила она. — Его имя — Морнингтон.

— Его имя фон Грюнау, — поправил ее Клэй. — Виктор фон Грюнау. Он фальшивомонетчик. И к тому же квалифицированный. И убийца, между прочим. Также и агент гестапо, если не ошибаюсь.

— Он сказал, что его зовут Морнингтон, — едва слышно повторила она.

Они вернулись в свое купе.

— Не хотите ли глотнуть виски? — предложил Клэй. Ему надо было так много сказать этой девушке, что он не знал, с чего начать.

— Нет, — ответила она и села. Затем вновь встала. Лицо ее потемнело, руки дрожали. Она была сильно взволнована.

— Вам не придется теперь делать этого, — сказал Клэй. — С этим покончено.

Она опять села.

— Не будете ли вы протестовать, если я расскажу вам, что, по моему мнению, произошло? — сказал Клэй. — Вы будете иметь возможность поправить меня, если я ошибусь. Но мне кажется, что я знаю все довольно точно.

— Он явился ко мне в Швейцарии, — сказала она. — Я живу там одна с тех пор, как мой отец был...

— Разрешите мне рассказать, — участливо перебил Клэй. — Он сказал, что он из британского министерства иностранных дел и сделал вам определенное предложение. Он рассказал вам, что одно официальное лицо в Турции настроено против Англии, что этого человека — Мустешара Хассима — необходимо убрать и что, если вы сделаете это, британское правительство в свою очередь освободит вашего отца. Он сказал, что этого человека очень хорошо охраняют, но что вам удастся добраться к нему через его дочь.

Она смотрела на Клэя широко раскрытыми глазами, но не прерывала его.

— Итак, он привез вас в Турцию, — продолжал Клэй. — Он сказал, что отправляется в Калессе, чтобы все подготовить, а вы должны были ждать его. В первую поездку в Калессе он, — я уверен, что это был именно он, — убил нашего Миллера. Видите ли, немцы затеяли очень опасную игру и не могли ничем рисковать, а встреча Миллера с Хассимом могла им все испортить.

— Что вы хотите этим сказать?

— Это должно было послужить инцидентом большого значения — убийство Хассима англичанами... Видите ли, фон Грюнау собирался доказать, что министерство иностранных дел подкупило вас для совершения этого террористического акта в обмен на обещание вернуть свободу вашему отцу.

— Морнингтон, то есть фон Грюнау, уверил меня, что все это останется в тайне и что после... после того, как я сделаю это... они вывезут меня из страны. Я сказала, что мне важнее всего освобождение отца...

— Вам приказали, после того как вы застрелите Хассима, оставить в его кармане записку, адресованную Гесслену, — продолжал Клэй, и она только молча кивала головой. — Другая бумажка, на бланке, назначающая вам срок покушения (обе

они были подделаны фон Грюнау), должна была быть найдена на вашем трупе.

Он увидел, что глаза девушки расширились:

— На моем трупе?!

— Да. Видите ли, после убийства Хассима вас должен был навестить фон Грюнау... И тогда должно было произойти другое «самоубийство» — ваше. — И Клэй протянул ей бумагу, которую он отобрал у фон Грюнау.

— Моя рука! — воскликнула она.

— Фон Грюнау, я уже говорил вам, очень искусный жулик, — напомнил ей Клэй.

Удивленная, она прочитала вслух: — «Я не могу вынести этого. Я убила Мустешара Хассима. Пусть теперь британское правительство выполнит свое обещание и освободит моего отца. Я пишу это для того, чтобы никто не был обвинен в убийстве...» Даже моя подпись, — сказала она. — Это... это... — И слезы потекли у нее из глаз.

— Фон Грюнау пытался убить меня сегодня, — продолжал Клэй, когда рыдания перестали душить ее. — Они знали, что я еду в Калессе, и хотели действовать наверняка, чтобы им не помешали никакие случайности. — Он покачал головой. — Бедный Хараламбу! Он получил бы удовольствие от финала этой истории. Он нашел ваше «признание» в багаже фон Грюнау на станции. Фон Грюнау заметил исчезновение сумки и, повидимому, подкупил кого-нибудь, чтобы узнать, кто рылся в его вещах. Во всяком случае, сегодня вечером он отправился в купе Хараламбу... в жемане отобрал обратно бумагу. Я же забрал ее у фон Грюнау.

Они долго сидели молча. Клэй думал о том, как много дел предстоит ему. Но главное было уже позади. Когда Мустешар Хассим узнает, что чуть не был убит, и узнает о том, чья рука направляла убийство, с получением концессии не должно будет встретиться никаких затруднений...

Мисс О'Мур прислонилась к плечу Клэя и уснула. Клэй облокотился о подушку. Через несколько минут, решил он, он полезет на свое место и будет спать, спать...

В этой же позе нашел их утром кондуктор, делая ранний обход, чтобы разбудить пассажиров перед прибытием в Калессе.

«Пусть поспят еще немного», решил кондуктор, осторожно прикрыв за собой дверь. Он покрутил ус и пошел вдоль ряда дверей, чтобы разбудить остальных пассажиров. Он не был нервным человеком. Это было к лучшему. Потому что ему еще предстояло разбудить пассажиров в купе № 5. И в купе № 3. И в купе № 1.

И тут раздался дикий, почти нечеловеческий вопль внезапно протрезвевшего синьора Фарантини.

«Написание Офонаса Тферитина купца, что был в Индии четыре года, а ходил, сказывают, с Василием Папиным» — такое название имеет дневник Афанасия Никитина, первого русского, побывавшего в Индии.

«Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших описаний путешествий в Индию принадлежит России... Это путешествие доказывает, что индийцы (индусы) слышали о ней (о России) прежде нежели о Португалии, Голландии, Англии...

...В то время как Васко да Гама лишь мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегах Малабара и беседовал с жителями о догматах веры», говорит об этом дневнике знаменитый русский историк Карамзин.

В 1466 году владетель Шамахи (государство, находившееся в пределах современного Азербайджана) — ширваншах Ферух-Есар — направил к московскому князю посла Асанбека. Когда посол собрался в обратный путь, Иван III решил отправить вместе с ним своего посла Василия Папина.

Тверской купец Афанасий Никитин выделялся среди тверских и московских купцов острым умом, любознательностью и предприимчивостью. Он задумал совершить путешествие в Персию, продать там меха и купить жемчуг и пряности. Такая поездка сулила огромные барыши. Многие московские и тверские купцы запросились «в долгу» к Никитину, снарядили два судна с рухлядью, то есть с товарами, и отправились вниз по Волге вместе с караваном Асанбека.

По Волге шли спокойно. Даже мимо земли «басурманской» Орды Казанской прошли без всяких осложнений.

Но под Астраханью корабли окружили татары, и хотя русские купцы дрались «яко львы», татары завладели одним из судов Никитина, как раз именно тем, где были погружены меха.

Из устья Волги удалось выбраться только двум судам: посольскому кораблю Асанбека и оставшемуся судно Никитина. Но при выходе в Хвалынское (Каспийское) море они попали в шторм, и русское судно разбилось в щепы. Московские купцы вплавь добрались до берега, где попали в плен к кайтакам.

Никитину повезло. Он находился на судне Асанбека, которое, хотя и сильно потрепанное, все же добралось до Дербента. Василий Папин и Асанбек, используя свои связи и влияние, добились освобождения из кайтакской неволи русских купцов, но больше сделать для них ничего не могли.

Перебравшись через Хвалынское (Каспийское) море, Никитин долго странствовал по Персии. Он, видимо, сохранил кое-что в своем кожаном поясе и хотел покрыть убытки, причиненные ему татарами. Афанасий колесит по всей стране, из города в

город, с одной ярмарки на другую и попадает на остров Ормуз. Здесь он узнает, что все пряности привозят из Индии, где они действительно очень дешевы. Имело прямой смысл отправиться за море Индийское, в далекую Индию.

Правда, оторопь брала Никитина, когда вспоминал он, что говорили всевозможные писания и рассказывали калики перехожие об этой «басурманской» стране. Но если пряности привозили именно из Индии, стало быть, не все погибли от «великанов с песьими головами», или от «зверей красного цвета с руками человеческими», «от коркодилов» и крылатых змей «копанов». Может, и ему, Никитину, посчастливится вернуться живым из Индии.

После недельного плавания по Индийскому океану на персидской парусной таве Никитин, наконец, ступил на берег «земли индийской».

Правда, никаких страшных гадов и великанов не оказалось, но вид местных жителей поразил Афанасия Никитина. «Люди ходят нагие, не покрывая ни головы, ни груди, босые, заплетая свои косы в одну ветвь. У князя есть покрывало на голове и на бедрах, у княгини и бояр фата на плече и бедрах, у других только на бедрах, а дети до семи лет остаются совершенно голыми. И все черны. Куда я ни пойду, всюду за мной толпы людей, и дивятся белому человеку».

В Индии Никитин занялся торговлей, и, повидимому, не без успеха, так как даже купил себе туркменского жеребца, чтобы не ходить пешком.

Наконец он прибыл в Бедерь. Город Бедерь Великий в те времена был одним из замечательных городов Индии, своего рода восточным Парижем. И Никитин избрал его своим опорным пунктом во время поездок по Индии.

Бедерь представлял собой город невероятной роскоши и неописуемой нищеты. На Никитина он произвел угнетающее впечатление. «В Бедери торгуют конями, камкой, шелком и другими подобными товарами да черными людьми, съестными вещами, а для Русской земле товара там нет».

Дворец бедерского султана «окружен стенами с семью воротами, в воротах сидят по сту сторожей да по сту писцов, которые записывают всех входящих и выходящих. Двор чудесный: все в нем украшено на вырезе да на золоте (золоченая резьба. — В. Я.). Ночью город стерегут тысяча человек из воин наместника. Они ездят на конях, в доспехах, со свечками в руках».

О султанстве бедерском Никитин рассказывает подробно в своем дневнике. Он записывает, что земля густо населена, что хотя «бояре сильны и пышны», зато «сельские люди очень бедны и голы велики».

Большое впечатление на русского путешественника произвело войско султанское и особенно боевые слоны. «К их рылам привязаны по три железных гири и к клыкам

большие мечи весом по кентарю (около трех пудов. — В. Я.) и на хребтах у них городки (боевые башни. — В. Я.), в каждом до 12 человек воинов в доспехах, с пушками, пищалями и стрелами, а промежду ушей слона посажен человек в доспехах с железным крюком для управления слоном». Когда во главе войска едет султан, то впереди шествует «бешеный» слон, «весь наряженный в камку, с железной цепью во рту; он идет и стбивает (разгоняет. — В. Я.) коней и людей, чтобы кто не приступил близко к султану».

Благодаря своему общительному характеру Никитин сумел сдружиться со многими индусскими купцами, которые ввели его в свои семьи. Афанасий Никитин мог наблюдать жизнь, верования и обычаи индусов. В его дневнике имеются такие замечания: «Вер у них много—84; все веруют в Бута (Будду), но поклонники одной веры не сближаются с другой ни в питье, ни в пище, ни в жемчуге... Индия не едят никакого мяса — ни яловщины, ни баранины, ни курятины, ни свинины; пища их плоха: рис и морковь с маслом, разные травы, варенье на масле и на молоке; вина не пьют; едят дважды в день, а ночью не едят. Стало быть, вспоминались Никитину на далекой чужбине незатейливые, но сытные русские блюда.

Шел уже 1472 год, когда Никитин начал собираться домой — на Русь. Вероятно, за эти три года он настолько поправил свои денежные дела, что уже мог не бояться московских кредиторов. В течение трех лет он совершил ряд путешествий по Индии. Из перечня мест, посещенных им и записанных в дневнике, можно установить, что Афанасий Никитин объехал значительную площадь западной части Индостана.

В феврале 1472 года Никитин добрался до Дабилы на берегу Индийского океана. Из Дабилы на углой таве он поплыл к тому самому «острову Гурмузу», с которого он три года назад отправился в Индию. Но и этот раз ему не повезло. Судно сбилось с пути. Ветры занесли таву к африканскому берегу, и путешественники не попали в руки разбойников лишь благодаря тому, что тотчас откупились рисом, перцем и хлебом. Наконец тава добралась до Ормуза.

Все лето и осень 1472 года Никитин проводит в путешествии через Персию и Турцию к берегам Стамбульского (Черного) моря, так как он рассчитывал пробраться на Русь более коротким путем — через Крымское ханство и Литву.

В сентябре 1472 года Никитин прибыл в Трапезонд. Турки, предполагая, что он шпион враждебной Персии, обыскали его настолько тщательно, что «все, что мелочь добренькая, выграбили все». На дневник турецкие власти не обратили внимания, и он сохранился.

Кое-как добравшись, наконец, Никитин до крымского города Балыклен (Балаклава). Отсюда дошел до Каффы (Феодосия) и только здесь смог записать: «Милостую божию приидох три море!», подразумевая под ними Хвалынское, Индийское и Стамбульское.

Но не пришлось Афанасию Никитину добраться до Твери. Он умер по пути, в Смоленске, принадлежавшем тогда Литве, так и не увидев желанной родины, которую горячо любил и по которой так сильно тосковал все годы своих странствований.

Дневник Афанасия Никитина не пропал. Его привезли в Москву, и «Написание Офонаса Тферитина купца» был помещено летописцем в Софийской летописи за 1475 год.

Вл. Якубович

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ РУССКИЙ УЧЕНЫЙ В. В. ДОКУЧАЕВ

В конце семидесятых годов прошлого века рослый синеглазый человек с окладистой бородой странствовал по безбрежным просторам русской черноземной области. То пешком, то на лошадей, то по железной дороге пересекал он неоглядные русские степи. Путешествие продолжалось около четырех лет. Свыше десяти тысяч верст проехал за это время молодой русский ученый Василий Васильевич Докучаев. Результатом его путешествия был классический труд «Русский чернозем», положивший начало русскому почвоведению.

Широкой полосой тянутся черноземные почвы с юго-запада европейской части нашей страны к северо-востоку. Плодородные черноземные почвы — наша житница, наше народное достояние. Но, используя почву, мы должны беречь, всемерно охранять и повышать ее плодородие. А для этого надо знать, что вообще называется почвой, как образовался на нашей земле чернозем, какие законы определяют его распространение, в чем причина замечательного плодородия русского чернозема.

Все эти вопросы поставил перед собой В. В. Докучаев, когда в 1877 году он, по поручению Вольного экономического общества, предпринял изучение русского чернозема. Один, без помощников, Докучаев собрал, систематизировал и обобщил огромный материал.

Докучаев доказал, что почва есть самостоятельное природное тело, а не горная порода, как думали многие его предшественники. Чтобы понять, как развивается почва, какие законы влияют на ее плодородие, надо знать, как воздействуют на почву климат, рельеф, вода, воздух, какое взаимодействие существует между

1846—1946

почвой и растительностью, между почвой и животным миром. Все эти природные факторы меняются на разных широтах земного шара. Поэтому на разных широтах существуют различные почвенные зоны. Так путь исследователя, по которому пошел Докучаев, привел его к выводам, обогатившим географическую науку. Работы русского почвоведов помогают ученым географам видеть мир в целом, наблюдать тончайшие связи между живым и неживым, между органической и неорганической природой.

Именно эта идея единства природы легла в основу учения о географическом ландшафте — одной из основных проблем современной географии.

Русский человек, Докучаев стремился сделать свою науку нужной, полезной для народа. Сравнивая наши черноземные почвы с почвами западных стран Европы, Докучаев говорил ученикам о своеобразии природных условий нашей страны, которые необходимо учитывать и нашему сельскому хозяйству. «Все те севообороты и плодосмены, — писал Докучаев в 1898 году, — которые выработаны немцами, французами и англичанами и вполне годятся для их каменистых и подзольных, бедных пищей, но богато орошенных почв, совершенно неприменимы к нам, к нашей сухой черноземной полосе России. Здесь должна быть выработана своя русская агрономия, свои собственные приемы, свои собственные хозяйственные рецепты».

Как и все крупные русские ученые, Докучаев был талантливым популяризатором своих идей. Широко известна его книга «Наши степи прежде и теперь». Он — один из самых энергичных организаторов и деятелей сельскохозяйственного образования в царской России. Труды Докучаева вошли в сокровищницу советской сельскохозяйственной науки.

Докучаевские идеи проникли и в смежные с почвоведением дисциплины. Его последователями и учениками являются крупнейшие русские ученые: ученый лесовод Г. Ф. Морозов, геохимик В. И. Вернадский, географ Л. С. Берг и др.

В. В. Докучаев родился в феврале 1846 года. В этом году исполняется 100-летие со дня рождения этого выдающегося русского ученого — основателя научного почвоведения и замечательного географа.

Космическая пыль

Наша планета окружена плотной воздушной оболочкой — атмосферой. В состав атмосферы, кроме известных всем газов, входят еще и твердые частички — пыль. В основном она состоит из частиц почвы, поднимающихся вверх под действием ветра. При извержении вулканов часто наблюдаются мощные пылевые облака. Над большими городами висят целые «пылевые шапки», достигающие высоты в 2—3 км. Число пылинок в одном куб. см воздуха в городах достигает 100 тысяч штук, в то вре-

мя как в чистом горном воздухе их содержится всего несколько сотен.

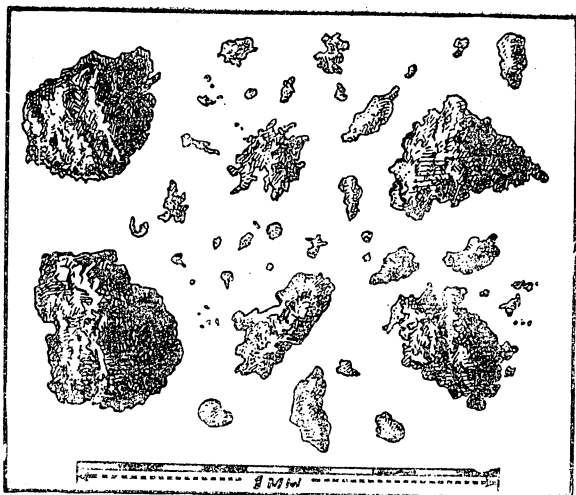
Однако пыль земного происхождения поднимается на сравнительно небольшие высоты — до 10 км. Вулканическая пыль может достигать высоты 40—50 км. Тем не менее установлено присутствие пылевых облаков на высоте, значительно превышающей 100 км. Это так называемые «серебристые облака». В последние годы было установлено, что облака эти состоят из космической пыли.

Происхождение космической пыли чрезвычайно разнообразно: в нее входят и остатки распавшихся комет, и частицы вещества, выброшенного Солнцем и принесенного к нам силой светового давления.

Естественно, что под действием земного притяжения значительная часть этих космических пылинок медленно оседает на землю. Присутствие такой космической пыли было обнаружено на высоких снеговых вершинах.

Кроме такой, медленно оседающей космической пыли, в пределы нашей атмосферы ежедневно врываются сотни миллионов метеоров — то, что мы называем «падающими звездами». Летя с космической скоростью в сотни километров в секунду, они сгорают от трения о частицы воздуха, не успев долететь до поверхности земли. Продукты их сгорания тоже оседают на землю.

Впрочем, среди метеоров есть и исключительно большие экземпляры, долетающие до поверхности земли. Так, известно падение большого Тунгусского метеорита в 5 часов утра 30 июня 1908 года, сопровождавшееся рядом сейсмических явлений, отмеченных даже в Вашингтоне (в 9 тысячах км от места падения) и свидетельствующих о мощности взрыва при падении метеорита. Профессор Кулик, с исключительной смелостью обследовавший место падения метеорита, нашел чашу бурелома, окружающую место падения в радиусе сотен км. Метеорита, к сожалению, ему найти не удалось. Сотрудник Британского музея Кирпатрик в 1932 году совершил специальную поездку в СССР, но к месту падения метеорита даже не добрался. Впрочем, он подтвердил предположение проф. Кулика, оценившего массу упав-

Металлические частицы и пыль, собранные после звездного дождя 9 октября 1933 года.

шего метеорита в 100—120 тонн.

Интересна гипотеза акад. В. И. Вернадского, считающего возможным падение не метеорита, а огромного облака космической пыли, шедшего с колоссальной скоростью.

Свою гипотезу акад. Вернадский подтверждает появ-

Эзель выедет экспедиция Академии наук. Руководитель экспедиции — акад. В. Г. Фесенков. Экспедиция займется исследованием метеоритного кратера, образовавшегося на месте падения метеорита.

Помимо больших метеоритов, ежегодно выпадает довольно много более мелких — весом от 10—12 г до 2—3 кг.

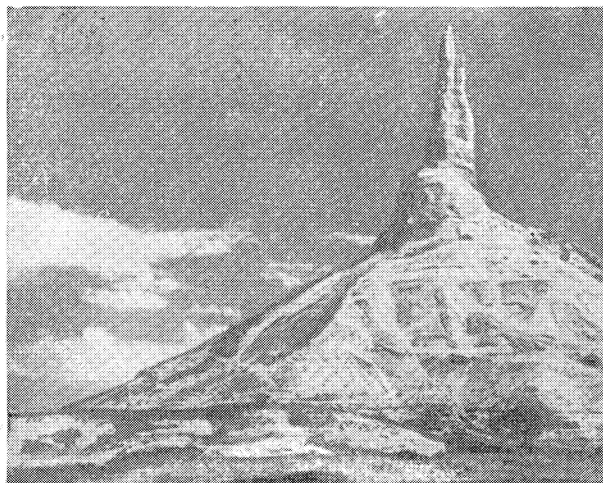
Если бы Земля не была защищена плотной атмосферой, мы ежесекундно подвергались бы бомбардировке мельчайших космических частиц, несущихся со скоростью, превосходящей скорость пули. Интересно отметить, что в связи с возникающими в некоторых странах проектами постройки межпланетной ракеты возникал и вопрос защиты ракеты от космических частиц и от возможных встреч с более крупными метеорами.

В. Привольский

СКАЛА В ОРЕГОНЕ

Над коническим холмом из красноватого песчаника, у города Баярда (США), поднимается скала высотой в 45 м.

По свидетельству ранних путешественников, скала эта была около 135 м в высоту. В результате эрозии она заметно уменьшается.

Метеорит весом в 591 кг, упавший в Кайе (Морские Альпы).

лением в эти дни большого количества светящихся облаков, двигавшихся на большой высоте со скоростью 300—350 км в час. Этой гипотезой можно было бы объяснить и то, что деревья, окружающие метеоритный кратер, остались стоять, в то время как расположенные далее были повалены взрывной волной.

Помимо Тунгусского метеорита известен еще целый ряд кратеров метеоритного происхождения. Первым из таких обследованных кратеров можно назвать Аризонский кратер в «Каньоне Дьявола». Интересно, что близ него были найдены не только осколки железного метеорита, но и маленькие алмазы, образовавшиеся из углерода от большой температуры и давления при падении и взрыве метеорита.

Кроме указанных кратеров, свидетельствующих о падении огромных метеоритов весом в десятки тонн, существуют еще и более мелкие кратеры: в Австралии, на острове Эзель и ряд других.

Летом 1946 года на острове

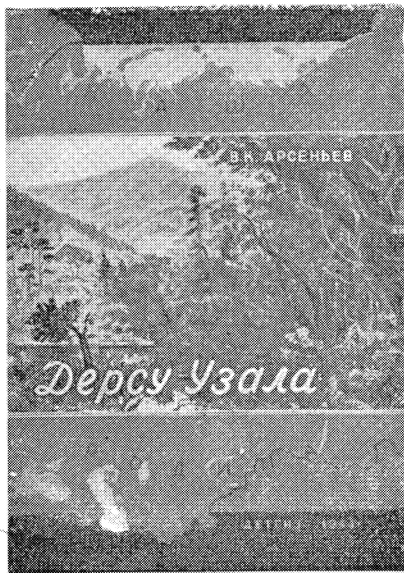
Минувшая война на Тихом океане заставила американцев разбросать свои базы и гарнизоны на бесчисленных тропических островах. Американцами были посещены и те места, в которых в восьмидесятых годах прошлого века работал великий русский путешественник Н. Н. Миклуха-Маклай.

Среди обитателей острова Яп в Микронезии до сих пор в ходу каменные деньги. Вот что писал о них Н. Н. Миклуха-Маклай:

«Главная меновая единица на острове Яп очень ориги-

нальна и единственна в своем роде, так как о ней можно сказать: эти деньги лежат на берегу моря, покрываются ежедневно приливом, валяются на улицах и дорогах. Несмотря на то, что каждый экземпляр может иметь ценность многих сотен долларов, они могут даже служить материалом для мостовых и других построек и не быть ни украденными, ни испорченными. Деньги, которые имеют все эти качества и называются туземцами «фе», состоят из камней, имеющих форму мельничных жерновов очень различной величины (от 1 до 7 футов в диаметре) и нередко в несколько тонн весом, с отверстием посредине. Ценность этих камней-денег очень различна, она зависит от величины, отделки и т. п., она варьирует между ценностью нескольких долларов до 1000 долларов и даже более, т. е. за один такой камень можно купить известное количество таро или кокосов, можно приобрести пирогу, жену, дом, участок земли и т. п. Материал для этих «фев» не находится на острове, камни добываются и обрабатываются на островах Пелая, и старики рассказывали мне, что очень много туземных пирогов погибло, отправляясь за «фев» или возвращаясь с ними».

На фото, сделанном на острове Яп американским журналистом, изображена 12-футовая монета, находящаяся во владении целой туземной общины на острове Яп.

ДЕРСУ ИЗ РОДА УЗАЛА

Прекрасны и величественны просторы советского Дальнего Востока. И особенно замечателен, богат, разнообразен его Уссурийский край и берега Амура. Там тесно переплелась природа севера и юга: северный олень живет здесь близ стоянок диких кабанов, соболь обитает в лесах, где рыщет полосатый тигр, а в зарослях дикого винограда, белой, желтой и черной березы, опутанных лианами, в чащах маньчжурской яблонни и уссурийской груши, под густой сенью мощных корейских кедров, в пестрой тени аралий—растений с огромными перистыми листьями, растет женьшень. Корни его обладают чудесной лекарственной силой и продаются на вес золота. И здесь же в глубине девственной тайги живет пятнистый олень, из молодых рогов которого делают драгоценные лекарства, возвращающие человеку силу и бодрость.

Великолепную пушнину добывают охотники в лесах Дальневосточного края, реки его богаты рыбой, острова — ценнейшим морским зверем: котиками, каланами, сивучами. Богаты земли и воды нашего Дальнего Востока. Но еще богаче его недра — они хранят уголь, нефть, золото, железную руду, свинец, цинк.

В течение трехсот лет русские люди открывали и изучали Дальний Восток. Уже в 1643 году смелый казачий атаман Василий Поярков с большим отрядом появился в Амурском крае и провел на дальней ок-

раине азиатского материка четыре года, полных лишений и опасностей.

Вслед за Поярковым шли на восток русские «землепроходцы», чьи имена донныне сохранены в памяти благодарного народа и в названиях многих дальневосточных поселений. В прошлом столетии изучением края занимались знаменитый русский адмирал Невельский, великий наш путешественник Пржевальский, известный ботаник Комаров, в ту пору, когда он еще был не прославленным академиком, а начинающим ученым.

В конце прошлого века приехал на Дальний Восток русский молодой офицер Владимир Арсеньев. Он служил в одном из восточно-сибирских линейных батальонов, как тогда назывались воинские части, охранявшие линию нашей границы. Любопытный, неутомимый географ Арсеньев мечтал о более близком знакомстве с новым краем, о географических открытиях. В те годы Дальний Восток во многом представлял собой неизвестную страну. Не существовало ни точных карт края, ни правильных его описаний. Хуже всего был известен район горного хребта Сихотэ-Алиня и вся прибрежная территория к востоку от него. Эти районы вошли в состав русских земель в 1860 году. И сюда именно обратил свое внимание и свою энергию молодой офицер-пограничник.

Много лет исследовал он далекий и прекрасный Уссурийский край. Вместе со своими стрелками-охотниками Арсеньев исходил его вдоль и поперек и близко познакомился с коренными обитателями края — удэе и гольдами (нанайцами). Один из них — Дерсу из гольдского племени Узала — стал постоянным спутником и проводником в экспедициях Арсеньева. И благодаря Дерсу Узала, прекрасно знавшему свою родину, исследователи сумели с честью выполнить порученное им дело.

Природа для Дерсу была открытой книгой. Он свободно читал ее, пересказывая Арсеньеву то, чего не видел и не понимал образованный и культурный офицер. Для охотника-гольда, уроженца Уссурийского края, не существовало никаких тайн: он легко разбирался в едва приметных следах и знаках, оставленных зверем, птицей или человеком. И по этим иероглифам Дерсу воссоздавал картины минувших событий и мог с уверенностью говорить о близком будущем.

Уроки Дерсу Узала обострили глаз Арсеньева, научили его по-иному смотреть на окружающий его мир, обогатили его понимание природы и человека.

В лице наивного и дикого, с европейской точки зрения, туземца-язычника Арсеньев встретил талантливую одаренную натуру, наделенную высокими понятиями долга, чести и морали. Как внимательный и прилежный ученик, он учился у Дерсу Узала читать и понимать великую книгу природы.

Арсеньев был прирожденным исследователем, пытливым, настойчивым ученым, энтузиастом, краеведом, истинным сыном родины, заботящимся о ее могуществе. Он никогда не мечтал о профессии писателя, а тем более о писательской славе. Однако прирожденный талант, воспитанный многолетней работой над дневниками и путевыми записками, сдвинутый с точностью ученого, помог ему создать книги высокой научной и художественной ценности: «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», очерки и рассказы, составившие сборник «В делях Приморья», и последнюю книгу — «В горах Сихотэ-Алиня». Она была опубликована в 1930 году, за несколько месяцев до смерти автора.

Лучшая книга В. К. Арсеньева — это его превосходная повесть «Дерсу Узала». А. М. Горький, прочитав эту книгу, писал автору: «Я увлечен и очарован был ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера», то есть сочетать талант одного из крупнейших ученых натуралистов с талантом великого американского

В. К. Арсеньев и Дерсу Узала.
(Иллюстрация из книги.)

писателя. Горький ставил «Дерсу Узала» выше прославленного романа Фенимора Купера «Следопыт».

«Дерсу Узала» принес автору мировую славу. Эта книга давно уже вошла в разряд классических книг, которые никогда не стареют. Она переведена на десятки языков, много раз переиздавалась у нас, и новый выход ее в Издательстве детской литературы можно только приветствовать. Это настоящий подарок для читателей всех возрастов. С наслаждением прочтет «Дерсу Узала» и юноша, и взрослый, и старик. Эта книга помогает познавать родную страну, заставляет любить ее и приближает к нам далекий и чудесный край, лежащий у синих вод Тихого океана.

Иван Сергеев

К. И. Сатпаев
Край минеральных богатств 2

О. Черный
Весенние голоса (рассказ). Рис. А. Кокорекина 4

Б. Октябрьский
Бунцлау (из походной тетради). Рис. Г. Захарова, Ш. Дадзиани 8

И. Эренбург
Страна гор и долин 10

В. Болгарин 12

В. Коротеев, И. Бойков
По Закарпатской Украине 16

Н. Богданов
В побежденной Японии (окончание) 21

А. Гарф
Город в тундре. Рис. В. Таубера 30

С. Панин
У берегов Австралии 35

С. Марков
Крепость у Желтого моря (из истории Порт-Артура) 41

Р. Фраерман и П. Зайкин
Жизнь и необыкновенные приключения капитан-лейтенанта Головинна, путешественника и мореходца (морская повесть, продолжение). Рис. Н. Витинга 46

Ч. Доннел
Ночной поезд в Калессе (рассказ). Сокр. перевод с английского Ю. Смирнова. Рис. В. Горяева 54

И. Сергеев
В мире книг 63

На обложке в рамке: Мукден в августе 1945 г. Китайское население приветствует бойцов Красной Армии—своих освободителей от ига японских самураев. Рисунок П. Киричева.

На 4-й стр. обл. — рисунки Н. Кузьмина.

На 3-й стр. текста — фототетрад Д. Дебабова «В отрогах Ала-Тау».

На цветной вкладках:
1. «Морской бой» — акварель Г. Нисского.
2. «Город в тундре».

★
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес редакции: Москва, Новая пл., 6. Тел. К 5-24-71

★
Непринятые рукописи не возвращаются.

**На птичьих базарах
Новой Земли**

Долго бушевали выюги над заснеженной ветром тундрой и морскими льдами. Но вот короткая весна сменила длинную полярную ночь. Все выше поднимается над горизонтом солнце. Первые проталины в тундре уже запестрели яркими красками полярных цветов. Обнажились от снега и крутые прибрежные скалы, угрожающе высятся над пеной морского прибоя. Пустыни стояли они зиму, давая лишь одинокой белой сове убежище от страшных зимних ветров.

Сегодня скалы ожили. Вернулись на них кайры, гагарки, чистики и другие птицы, проводившие зиму в открытом море, у кромки вечного льда. Неожиданно многие тысячи птичьих голосов наполнили воздух несмолкаемым гулом. Прилетевшие хозяева спешат сразу же занять места на уступах скал. Каждый уступник отвоевывается в жестоких схватках с конкурентами, претендует на него часто не одна, а две-

на базарах усиливается. У птиц начинается страдная пора. Круглые сутки, не зная усталости, носят они своему питомцу в клювах мелкую рыбешку. Чаще попадает в желудки птенцов песчанка Рыбешку эту взрослые птицы вынуждены выкапывать, ныряя на 5—6 метров вглубь, из морского дна.

Так проходит еще месяц, и птенец, оперившись, начинает напоминать взрослую птицу. Кончается его жизнь на суше. Переселившись в море, птенец попадает в родную стихию. Здесь начинается его школа жизни. Учится он са-

Сборщик яиц поднимается по крутому обрыву.

на зимовку в открытые океанские просторы.

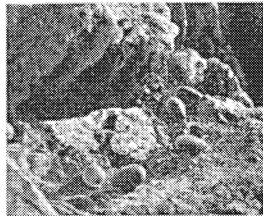
Далеко не всем птицам удается вырастить на базарах птенцов. И пернатые и четвероногие хищники стекаются сюда весной, привлекаемые массой и доступностью добычи. Устраивает здесь свое гнездо чайка-бургомистр, таскающая яйца и птенцов у зазевавшихся родителей. Соколы и белые совы таскают взрослых птиц. Ничем не пренебрегает песец, ловко карабкающийся за добычей по скользким и шатким уступам скал. И взрослыми птицами, и яйцами их, и птенцами кормит он свое многочисленное потомство.

Большую пользу приносит птичьим базары и человеку.

Цепляясь за каждый выступ, ползет по каждому карнизу сборщик яиц. Спущенная сверху веревка страхует его от падения с отвесной кручи. В руках сборщика ведро; собираемые в него яйца еще сохраняют тепло только что спугнутых рукой птиц. Первая партия собранных яиц оказывается в разной мере насыщенной и служит кормом для ездовых собак. Лишившись яйца, птица тут же взамен его несет другое. Свежее яйцо собирается на этих же участках базара через один-два дня. Потеряв и второе яйцо, птица кладет третье, которое оставляется ей для вывода птенца.

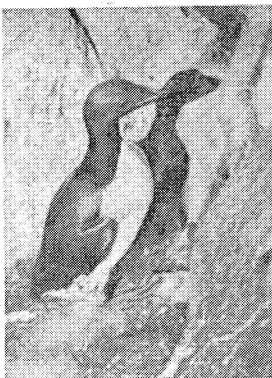
При заботливом и хозяйственном отношении к птичьим базарам со стороны человека птицы, селящиеся на них ежедневно, дают без ущерба для себя десятки тысяч яиц, отличающихся прекрасными вкусовыми качествами.

С. М. Успенский,
ст. научный сотрудник
Главного управления
по заповедникам.

На голый камень самка откладывает единственное яйцо.

мостоятельно добывать корм, спасаться от врагов. В море птенцы быстро подрастают. Все дальше и дальше уплывают в

Через месяц птенец толстоклювой кайры начинает напоминать взрослую птицу.

открытое море стайки птиц. Тише становится у базаров. Слабее доносятся до берегов птичьи крики и, наконец, вовсе умолкают. Птицы откочевали

Скалы ожили. Вернулись на них кайры.

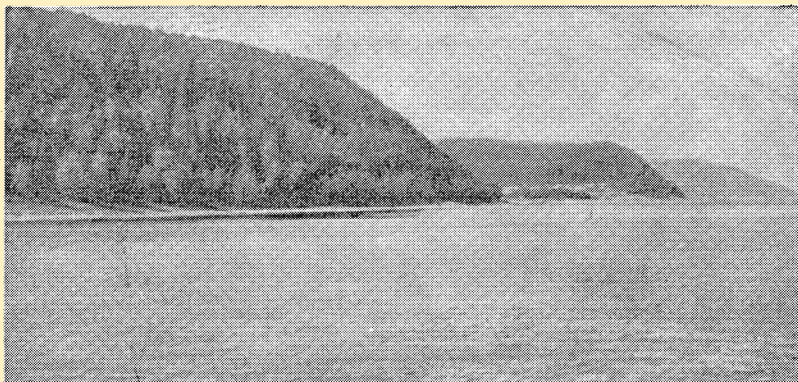
три пары птиц. Но вот более ловкая птица отстояла спорное место. На голый камень самка откладывает свое единственное, пестро раскрашенное яйцо и поочередно с самым начинает его насиживать. Птицы не претендуют на большую площадь и несут яйца бок о бок с соседями. Свообразные форма, рисунок и цвет каждого яйца, отличающие его от соседних, помогают родителям безошибочно находить свое яйцо среди тысяч подобных.

Проходит месяц, и из яйца выходит серый пушистый птенец, громким писком известующий родителей о своем присутствии и аппетите. Шум

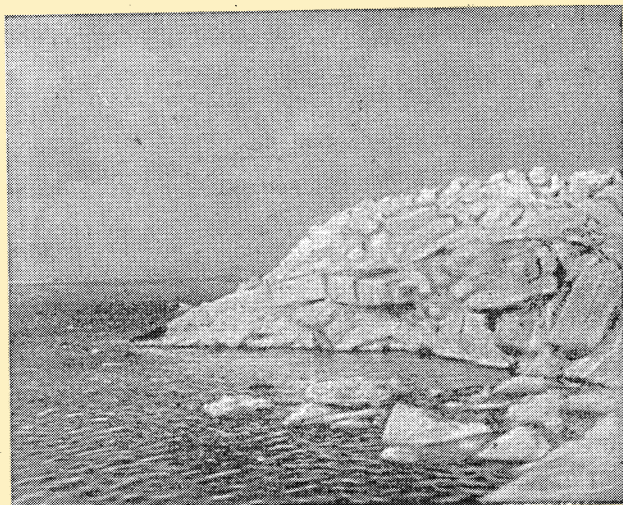
Можете ли вы сказать...

Ответы
к географическим загадкам,
помещенным в № 1;

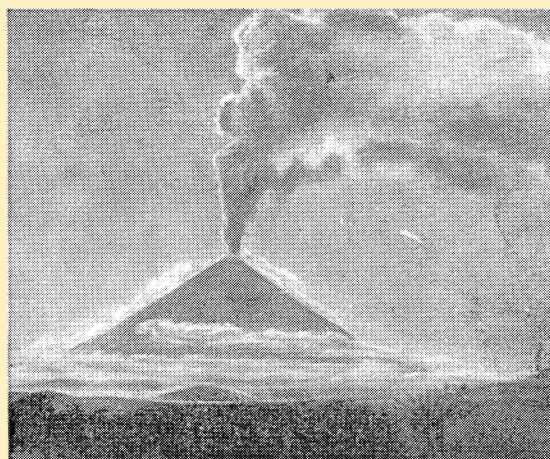
Вл. Янубович

2. От истоков до устья реки Волги — 3688 км. Следовательно, река Волга несколько длиннее, чем поперечник Луны.

1. Площадь Белого моря меньше площади Черного моря в четыре раза.

3. Ключевская сопка — 4850 м — самый высокий действующий вулкан Старого света. Высота Везувия равна 1132 м.

4. На снимке — Владивосток, порт СССР на Японском море. На Желтом море находится Порт-Артур, которым Советский Союз пользуется совместно с Китайской республикой.

5. Величайший ледник мира — ледник Федченко — имеет 77 км длины.

АФАНАСИЙ НИКИТИН

Афанасий Никитин, тверской купец, — первый русский путешественник, посетивший Индию. О своих путешествиях он рассказал в книге „Хождение за три моря“.

На рисунках Н. Кузьмина изображен портрет Никитина, маршрут его путешествий и выход бедерьского султана.